

A soldier in camouflage gear and a beret stands in the foreground, holding a rifle. In the background, two other soldiers are visible, one in full camouflage and one in a white ghillie suit. A large eagle is flying in the upper left corner. The sky is a mix of blue and purple.

Вячеслав Соколов

Мажор:
Путёвка в спецназ
Боевая фантастика

Меня зовут Егор, я обычный представитель «золотой молодёжи» иными словами Мажор. Все было шоколадно, пока папашу не достали мои выкрутасы. И отправил он меня в армию на перевоспитание! В места дальние, лесные, где из женского полу только медведицы, а из выпивки ракетное топливо. Ага, сейчас! Я же там от скуки умру.

Уж лучше в ВДВ. Романтика! А главное, девки любят крепких парней в голубых беретах. Красота! Вот только тут почему-то пули свистят и периодически пытаются убить... Ещё и сверхспособности проявились! На Земле, что, есть магия?!

— Удачи, мужики! — старший лейтенант Рогожин крепко пожал нам с Тунгусом руки. — До свидания...

Последние слова сказаны, и мы смотрим в спину уходящих ребят. Парни оглядываются в глазах сожаление. Ведь каждый из них рвался остаться здесь, но не судьба. Ибо шанс задержать бандитов и остаться в живых — есть только у меня и моего напарника. Хотя нет! Командир! Вот он бы смог, но его обязанность увести группу и заложников. Тяжело мужику. Оставить двух своих «любимчиков» практически на верную смерть... Да уж, «любимчики»! Ибо то, что было нормально для всех, для меня и Тунгуса было плохо! И пахали мы больше и бил нас больнее, а всё потому, что мы особенные. Не такие как все — у нас есть дар. У командира, кстати, тоже... Но нам до него ещё далеко. Как новорождённому щенку до матёрого волкодава.

Всё-таки удачное здесь место: ни справа, ни слева нас не обойти. Точнее обойти-то можно, но на это уйдёт много времени, так что — только в лоб. Метрах в пяти позади меня, за камнями, залёг Тунгус. Пусть здесь и не слишком крутой подъём, но всё же... Прикинув к оптике СВД, сосредоточенно отстреливает неосторожных... Отлично! Прижимая к плечу пулемётный приклад, стреляю: короткими, злыми очередями. Главное, выиграть время — сколько можно и дать парням шанс оторваться. Сколько же вас? Получите, твари! Сдохните!!!

Вот скажи кому: сын олигарха валяется в грязи, с пулемётом и не ради развлечения, а спасая чью-то жизнь. Не свою. Чужую! Сам бы не поверил...

Ох-хо-хох... Как же я докатился до такой жизни?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Меня зовут Егор. Егор Милославский. Я яркий представитель «золотой молодёжи» — богат и хорош собой. Как говорится: высокий, красивый, голубоглазый, почти блондин (у меня светло-русые волосы). Характер? Да хреновый у меня характер! Из-за него и все неприятности... Но об этом чуть позже — не будем отвлекаться. И вернёмся немного в прошлое...

Главная моя слабость — женщины. Красивые женщины. А теперь представьте: что в то время, когда ваши одноклассники всюду крутят с девочками, вы толстый (хоть и высокий) подросток, с весьма дряблыми мышцами и скверным характером (избаловали меня, вот так). Короче, с девочками беда. А хочется, аж сил нет! Представили? Ну и как? Вот и я решил, что пора показать всем, кто тут самый-самый!

Вид спорта, которым стоит заниматься, выбирал довольно долго. Всякие боевые искусства меня не привлекли — больно! Тяжёлая атлетика тоже — видели фигуры штангистов? Бр-р-р... Гимнастика? Поздно. Да и так измываться над собой? Увольте. И выбор пал на плавание: воду я всегда любил. Конечно, и здесь надо было пахать, но без этого никуда. Да и понравилось мне... Ещё бы не патологическая лень и разгильдяйство! Так что дальше КМС я не продвинулся, хотя, тренер был уверен, что я способен на большее. А мне оно надо? Я в профессионалы не собираюсь, меня и здесь неплохо кормят. Главное, что фигура у меня стала... Девочки в восторге!

Хотя есть у меня ещё одна слабость. Стрельба! И надо сказать, что в этом деле я достиг весьма приличных результатов. Особенно с пистолетами. Нет, вы не подумайте, что я занимался в какой-нибудь секции. Зачем? При наличии тира и хороших учителей можно достигнуть многого! А с хорошими, точнее отличными, преподавателями проблем не было. На отца работало такое количество отставных спецов, что выбор был всегда.

Но, несмотря на изменения в моей жизни, менее избалованным я не стал. Хотя чему удивляться: единственный ребёнок, воспитываемый отцом (мама умерла, когда мне было семь лет), получающий всё, что захочет. Вот вы бы не избаловались? А найти неприятности на свою пятую точку? Да было бы желание. И оно у меня было, и я регулярно влипал в истории... Отец неизменно меня выручал, потом долго орал, даже пытался наказывать, но всё повторялось снова и снова... Но вот в один далеко не прекрасный день, терпение отца лопнуло.

Ох, не стоило смешивать «травку» с водкой, запивая это дело пивом. Не хочу рассказывать, что я учудил, но если бы не папа — мог бы и на нарах оказаться. А так, как всегда пронесло. Ну, это я так думал...

За окном во всей своей красе царствовала осень. Осень 2006 года. А перед окном лютовал батя:

— Хватит! Моё терпение не безгранично, я больше не намерен спонсировать твои выходки.

— Почему? Деньги закончились? — пытаюсь обернуть всё в шутку.

— Для тебя — да! Больше ни копейки от меня не получишь, я не собираюсь безучастно наблюдать, как единственный сын мостит прямую дорогу в тюрьму.

— Пап, ты что? Белены объелся? — не на шутку перепугался я.

В таком состоянии он запросто может забрать ключи от машины и лишит карманных денег, а без оных я оказываюсь в пролёте. Столько времени убить на уламывание Светки, почти добиться своего и на тебе — такой облом. У меня как раз сегодня — свидание. И есть все шансы! Надо что-то делать!

— Заткнись и слушай! — продолжает надрываться отец. — Я решил, что тебе настала пора научиться работать головой. Так что готовься!

— К чему? — полный нехороших предчувствий, спрашиваю я.

— К армии, — кривя рот в ехидной усмешке, ответил отец.

Я аж подпрыгнул. Что же это такое получается?! Люди добрые! За что? Ну, накосячил немного. С кем не бывает? А тут сразу в армию. Так же нельзя! Я, конечно, знаю, что батя свято верит в армейскую дисциплину, как-никак полковник в отставке, но родного сына отправить служить? Бред!

— А как же учёба? — прибегаю к давно испытанному аргументу.

— Об учёбе вспомнил? Напомни-ка, когда ты в последний раз на лекциях был? То-то и оно. Можешь не беспокоиться: с ректором я договорился, на время службы тебе предоставят академический отпуск. Так что служи, сынок, как я служил. Утром отправляемся в военкомат, там тебя определяют. Будешь сидеть в тайге, ракеты охранять. Место глухое, на пятьсот км, ни баб, ни водки, ни травки... Хм... Интернета тоже нет, как и сотовой связи. Так что не забывай писать письма... Глядишь, научишься ценить то, что у тебя есть. И привыкай к дисциплине. Учти, накосячишь — вытаскивать не буду, это твой последний шанс: стать человеком и научиться пользоваться головой по назначению, а не коньяк туда хлестать! Стыдно сказать, радуюсь, что мать не дожила... не видит, кем стал её сын!

— Па-а-ап!? Ты что серьёзно? Решил загнать меня, хрен знает куда? Я ж там с тоски загнусь!

— Не загнёшься, — отец похлопал меня по плечу, — только не от тоски. Как говорится: кто в армии служил, тот в цирке не смеётся! И не смотри на меня такими добрыми глазами... Я слишком люблю тебя, а значит, всё повторится, а так, может, человеком станешь.

— Типа, с глаз долой, из сердца вон? — предпринимаю последнюю попытку.

Батя поперхнулся, но взял себя в руки и жёстким голосом отрезал:

— Считаю так... Два года у меня нет сына, — а потом поднёс кулак к моему носу и добавил, — но если писать не будешь, приеду и набью морду.

Вот так всегда, то нету, то набью... Осталось только смириться. Лучше бы в детстве порол, глядишь, толк был бы?!

М-дя... Про голову батя хорошо сказал. Пока проходил медкомиссию, познакомился с другими призывниками... Кто сказал, что на «пересыльном» нельзя достать водку? Плюньте ему в глаза! Эх, говорил мне папа: пить вредно. Но ведь я же самый умный? Помню, как поддерживая друг друга шкерились в последнем ряду на построении. Помню, как грузились в поезд, и вроде даже видел того офицера которому меня отец поручил. Он ещё так неодобрительно покачал головой. И, кажется, уже в поезде меня на кого-то стошнило!

Очнулся я только утром — на третьей полке, в весьма тяжёлом состоянии. Кое-как спустившись вниз, тут же получил в руки бутылку минералки от сердобольных соседей. Спасители!!!

И вот тут-то и стало понятно, что водка враг. Меня, оказывается, действительно

стошнило — на майора. Парни сочувственно сообщили, что этот майор, грозился устроить мне весёлую жизнь. Но как говорится, нет худа без добра. В роли доброй феи выступил прапор. Чистенький такой, выбритый и только покрасневшие глаза выдавали, что вчера не только я предавался пороку пьянства.

— Попал ты парень, — покачал головой прапорщик, вынырнувший не понятно откуда и усевшийся рядом со мной.

— Чего это? — спрашиваю, с трудом ворочая языком.

— Ох, и злопамятный мужик наш майор, вот помню, был случай...

Да что тут говорить? Будь я в адекватном состоянии, наверняка бы сообразил, что меня разводят. Но! До адекватности было ещё как минимум полдня... Вот потихоньку и охреневаю от перспектив написанных прапором. И тут видимо решив, что я дошёл до кондиции, он озвучил своё предложение:

— Я тут посмотрел твоё дело, у тебя почти высшее образование?

— Угу...

— Это хорошо. Есть идея, как помочь твоему горю.

— А вам-то это зачем товарищ прапорщик? — поинтересовался паренёк, сидящий напротив нас.

Прапор неодобрительно взглянул на него, но пояснил:

— А у меня свой интерес. Через один вагон, везут парней в десантуру, а там прапор — мой старый дружок. Мы с ним вчера... э-э-э... посидели, за жизнь поговорили... — добрый фей потёр подбородок, — мне начштаба сказал, не привезу художника, в отпуск в январе пойду, — и тяжело вздохнув, продолжил: — А у Сашки есть, и он готов поменяться, но только на кого-то с образованием. Желательно с высшим. А где его взять? А у парня почти высшее, языки знает, — и, обращаясь уже ко мне. — Знаешь?

— Знаю... — язык всё так же едва шевелится.

— Вот! А английский?

— Я пять языков знаю... — к горлу подступил комок и никак не хотел рассасываться. — Правда, два не очень хорошо.

— Это как? Со словарём?

— Нет. С акцентом.

— Однако! — прапор задумался, но тряхнув головой продолжил. — Художник сильно нужен, а на тебя сто пудов поменяется. Ты вон, какой здоровый.

Короче договорились, чего уж там. На мой вопрос, а как это вообще? Прапор сказал что, то не мои заботы, за призывников он отвечает, а майор вообще чисто в Москву прокатиться...

Так что служить мне теперь светило в ВДВ. А что? Всяко веселей, чем в тайге и форма красивая. Главное чтоб батя не узнал, что я свинтил от той замечательной перспективы, что он мне нарисовал! Но как оказалось, десантура базируется в тех же краях. Что не слишком странно — на одном поезде едем. Так что... Пишем что в тайге. Надеюсь, ему не придёт в голову проверять? Ну да ладно: бог не выдаст, свинья не съест.

Вот такими замысловатыми путями я и попал в десантуру. Вначале была учебка, куда я загремел после принятия присяги, и тут я понял — нет предела совершенству! А ведь считал себя весьма крепким парнем. Но мне быстро объяснили, как я был не прав...

Проклинаю всё, стиснув зубы — я терпел. А что мне ещё оставалось? Гонор из меня вышибли довольно быстро, сержанты они такие — или вышибут, или зашибут: третьего не

дано! И вот, моё самолюбие проявилось в том, что я стал одним из лучших. Ещё бы, если бы не оно, я и КМС в своё время не стал бы. Хотя, если бы приложил немного больше сил, мог бы и мастера получить. Но здесь сачкануть не давали никому и, чтобы не отстать, мне пришлось приложить максимум усилий.

Но одно уж точно: здесь не скучно. И если быть честным хотя бы перед собой, то была у меня мыслишка, покаяться перед батей. Ведь наверняка уже простил? Хотя? Нет, из армии бы он меня точно не стал вызволять, но вот устроить перевод в тайгу... Нет уж! Нафиг! Тут хоть иногда на баб посмотреть можно, а там? Наверняка ведь кроме медведиц, никого! Вот доживу до увольнительной... Что б такой красавец как я и не нашёл себе пассию? Да не смешите меня! Ведь когда-нибудь это закончится? Так что в тех письмах, что я регулярно отправлял домой, писалось, что всё путём! Кругом тайга, баб нет, водки нет, и вообще круглое носим, квадратное катаем — романтика! Бате должно понравиться... Хотя порой я жалел о своём решении, но как представлю, взгляд отца: «Я так и знал!» Так стискиваю зубы и вперёд!

А через два месяца с начала учёбы к нам приехал какой-то старлей, набирать бойцов для службы в элитной части. В числе кандидатов оказался и я! Всё, что угодно, лишь бы вырваться из этого ада! Постоянная боль в теле, недосыпание и желание пожрать! И тут он, старший лейтенант Рогожин, предлагает выход.

Вот я и познакомился со своим будущим командиром — высоким, плечистым мужиком. Породистое, аристократичное лицо, стальной взгляд серых глаз, по-военному короткая стрижка русых волос и ощущение силы, исходящее от него. А заодно, увидел своих будущих друзей: Вовку, Тунгуса и Марата.

— Итак, бойцы! Меня заверили, что вы лучшие! — пятнадцать человек, стоящие в строю, довольно загомонили. — Но! Позвольте усомниться в столь лестной для вас оценке, ибо ничего вы не умеете и соответственно ни на что не годны. Поэтому, я выберу только несколько человек... Возможно всего одного или двух... Так что советую приложить все усилия, ибо там, куда я вас заберу, служат лучшие из лучших... И слабакам там не место.

— А где это — там? Какие войска? — вылез вперёд Вовка-Балагур. Здоровый детинушка, обладающий неистребимым оптимизмом, позволяющим даже в нашей не лёгкой службе, находить что-то весёлое!

— Фамилия!

— Быстров!

— Так вот Быстров... Если справишься, ты у меня любимчиком будешь... — многообещающе сказал старлей, — а служить? Ты вот в каких войсках сейчас?

— ВДВ!

— Ну что ж... Голубой берет тебе к лицу, так и будешь служить, — улыбнулся Рогожин. — Только часть будет особая, элитная... и с пайком повышенной жирности!

Услышавшие про еду парни сразу оживились — кормили-то нас не шибко богато. И ведь не соврал ни слова, паёк в новой учебке действительно был от пуза. Только жрать всё равно хотелось постоянно... Хотя сухой паёк дефицитом не был, ешь, не хочешь... только на нём ведь далеко не уедешь. Так только червяка задобрить, что б ни злобствовал! На бегу самое то...

— Итак, полоса препятствий на время, стрельба и рукопашка с оружием и без... И чтоб вы поняли как оно надо... — старлей многозначительно посмотрел на нас.

Подойдя к полосе препятствий, Рогожин вручил секундомер Балагуру:

— Засекай!

И рванул! Мама дорогая! Вот это да! Я-то думал, что мы уже серьёзные парни: среди нас не было ни одного, кто не перевыполнил бы норматив хотя бы на три секунды! А старший лейтенант не шёл, не бежал — он летел!

Пробежал по скользкому бревну, лежащему над лужей с грязью, так как будто это ровная дорога! Перелез, нет, перелетел двухметровую стену одним лёгким движением — как будто палисадник в сквере! А сетка! Никогда бы не подумал, что по ней можно подыматься с такой скоростью... я и по лестнице медленней лезу... Охренеть!!! Этот, точно ЭЛИТА!

Проскочив всю полосу, даже не запыхавшийся Рогожин подошёл к нам:

— Ну и сколько там получилось? Боец!!! Я спрашиваю, за какое время я прошёл полосу препятствий?

— Я не знаю... — Вовка обречённо смотрел на секундомер. — Я нажать забыл...

— Ну, так нажми!

— Есть!

— И что получилось? В норматив уложился? — хохотнул Рогожин.

Балагур обречённо кивнул:

— Вот прям сейчас лучше норматива на шесть секунд...

Ну что я могу сказать, у Тунгуса оказалось лучшее время, у меня второе, у Марата третье, а у Балагура четвёртое. После того, как этот пыточный тренажёр прошли все, мы отправились на стрельбище. Сейчас я с улыбкой вспоминаю эту полосу препятствий... детский сад. Если бы тогда знал, что меня ждёт впереди... ногу бы сломал где-нибудь посреди пути...

На стрельбище ожидаемо лучшими оказались Марат и Тунгус, что с автоматом, что со снайперской винтовкой. Я тоже не ударил в грязь лицом, но и особо не выделялся. А вот когда дело дошло до пистолетов...

— А с двух можешь?

— Так точно! — я скромно потупился. — И по движущимся и в движении...

Хотя внутри всё ликовало! Сейчас, сейчас мой звёздный час! Не без основания я считал себя лучшим, даже инструктора признавали моё первенство!!!

— Хм... Читал я в деле, читал... Тогда сейчас все отстреляются, и пойдём в тир. Покажешь!

Ух, как я показал!!! В движении, по движущимся мишеням... на дистанции — от двадцати, до сорока пяти метров... Пять десятков, шесть девяток и три восьмёрки...

— Молодец Милославский! — Рогожин широко улыбнулся. — Но что б ты не зазнавался...

Забрав у меня пистолеты, сделал несколько пристрелочных выстрелов... подошёл к мишени... посмотрел... хмыкнул... выстрелил ещё по разу... снова посмотрел, и удовлетворённо покачав головой, пошёл на огневой рубеж.

Встал, замерев и уставившись в одну точку перед собой:

— Давай!

Там где я крутился или хотя бы поворачивал голову в сторону мишени, он просто стоял... И, поднимая руки, стрелял, всё так же смотря перед собой: едва мишень приходила в движение, как следовал выстрел... Да, меня учили стрелять не целясь, стрелять туда, куда я смотрю... Я так и стрелял, но он-то не смотрел!

— Милославский!

— Я!

— Будь любезен, озвучь результат!

Офигеть!!! Девять десятков, пять девяток! При этом, не трать ни мгновения лишнего!

— Ну что боец? Как? Сбил я твою спесь?

— Ещё как... Ещё и мордой пару раз в «это самое» макнули! — сконфужено признал я.

— Научиться хочешь?

— Да!

— На рукопашке не облажаешься, я тебя возьму... Кстати, вас это тоже касается... —

ткнул пальцем в Тунгуса и Марата.

Ах, сколько раз я потом жалел, что чья-нибудь шальная пуля не вынесла мне мозг...

Что же касается рукопашного боя... Минут пять старлей с улыбкой наблюдал за нами.

Потом сплюнул и приказал остановиться:

— Нет, хлопцы, так дело не пойдёт! Меня интересует ваша реакция, а не то, насколько хорошо вы друг другу поддаётесь...

И не обращая внимания, на наши честные глаза, хмыкнув, добавил:

— Генералов разводить будете! Устроили показуху! А ну, в очередь...

Млять!!! Больно-то как!!! Вы пробовали ударить ветер? Или бороться с бурным речным потоком? Попробуйте! А я не буду... мне старшего лейтенанта Рогожина за глаза хватило! Ох-хо-хох... Если бы я знал... КАК! Он будет учить нас рукопашке... Или я уже повторяюсь? Один фиг, сколько раз я жалел, что мне не свернули шею в этот день...

А взял он: меня, Тунгуса, Марата, Балагура и ещё одного парня, имени которого уже не помню, а может и не знал... Хотя по поводу Вовки, Рогожин частенько сокрушался:

— И где были мои уши, когда я вас набирал?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Элитная часть? Нет, ну надо же было так влететь? Учебка! Ещё одна учебка! И ведь что ещё интересно: Рогожин ни слова не соврал. Это было элитное учебное заведение. С подобающим уровнем секретности, письма мы теперь получали распечатанными. И что интересно, адрес на них был всё тот же, что и раньше. Хотя находились мы совсем в другом месте. Нас об это предупредили сразу, чтоб лишнего не писали. А мне так вообще в жилу! Я ж ракеты в тайге охраняю, хотя решил на всякий случай написать, что теперь при штабе бумажки перебираю, а то, как бы папка жалеть меня не начал! А то мало ли... А так, сынок в безопасности — всё хорошо! Забегу немного вперёд и скажу о том, что всё время пока я служил, адрес ни разу не сменился. Ну да у военных это нормальное явление...

Вы вот, наверное, недоумеваете, что это на меня нашло? Или думаете, что я записался в мазохисты? Да нет. Просто за прошедшее время я многое понял и осознал. Вот за вами когда-нибудь ходил табун охраны? Чтоб чуть ли не свечку держали... в процессе... Надеюсь, вы понимаете, о чем я? До такого, конечно, не доходило, но было очень близко и так раздражающе. Естественно хотелось свободы, и, как правило, постоянные побеги. А стоило хоть на минуты вырваться из-под опеки, как меня начинало нести. И вот наконец-то, я сам за себя. Да надо мной командиры, но ведь никто не бежит за тобой:

— Егор Анатольевич, это нельзя, туда не надо, папа ругаться будет...

И всё зависит только от меня. Сверну шею, так сам! Но это вряд ли, я ещё всем покажу, что нахрен мне эта охрана не нужна!!!

Однако, вернёмся к тому, чему собственно мы учились. А готовили из нас диверсантов: по какой-то новой, ускоренной программе. Ну и как водится, на нас ставили эксперимент — загнёмся или нет. Хотя это я, конечно, утрирую: всё было рассчитано до мелочей, вот вроде сейчас упадёшь и не сможешь встать... но нет — «выходной».

Как мало надо человеку для счастья! Всего лишь выспаться... Примерно раз в три-четыре дня: нам давали отоспаться. После стандартных четырёх-пяти часов — нам давалось двенадцать. В первой учебке: шесть часов было за счастье, но и пахать приходилось меньше и, казалось бы, что со временем мы должны были привыкнуть спать меньше, но постоянные нагрузки, как физические, так и моральные — выжимали всех. Поэтому мы спали как убитые и бывали случаи, когда Рогожин накидывал часок другой... Но потом снова выжимал из нас все соки!

Не все выдерживали нагрузки или могли достигнуть постоянно повышающейся планки нормативов. Парней куда-то переводили, по утверждению нашего главного инструктора Рогожина, на Камчатку... Белых медведей пугать. Хотя через несколько месяцев, ставший моим непосредственным командиром Рогожин признался, что их переводили в другие отряды. Зачем неплохо подготовленных парней терять? Это ему они не подходили, а другим так вполне...

Из начальной двадцатки он отчислил одиннадцать человек, и нас стало десять. Нет-нет, я умею считать, просто через две недели, после начала обучения, к нам добавился ещё один боец — Саня.

Саня: мелкий (на фоне мужиков под метр девяносто), среднего роста, худой, жилистый,

весь как на шарнирах и лицо такое интеллигентное. Казалось бы, как он вообще в ВДВ то попал, а уж в спецназ и подавно? Но не всё просто в этом мире... Оказалось, что у него первый разряд по биатлону и естественно, что его загребли в снайперы. Только элитный снайпер из него не получился. В чём причина не известно, ведь стрелял Сашка весьма хорошо. Хотя похуже чем Тунгус или Марат. Зато с ножом парень оказался просто мастер... Вот и перевели к нам — чего добру пропадать! Ведь стоило взять в руки нож и вместо, казалось бы, обычного человека, он преображался в матёрого зверя... В чём я убедился в первый же день знакомства!

У нас как раз предвиделся «выходной» — поэтому мы не спешили ложиться спать и занимались мелкими делами: подшивались, чинили форму и прочее... И тут в казарму вошёл Санек. Поздоровавшись со всеми и представившись, спросил:

— Где можно приземлиться?

— Да вон пустая койка, — машу рукой, — бросай вещи и давай поближе, расскажешь, кто ты и откуда...

Сашка, сбросив вещи, подошёл и задал очень серьёзный вопрос:

— Братва, есть что пожрать? С утра голодаю!

— Сухпай будешь?

— А есть выбор?

— Нет.

— Тогда буду.

— Держи, — запасливый Балагур подал гостю «перекус».

Недолго думая, тот начал грызть паёк.

— Что глисты проголодались?

На горизонте появился Иван: здоровенный шкаф, наш пулемётчик, в его руках пулемёт казался маленьким и несерьёзным. Все присутствующие удивлённо посмотрели в его сторону — чего это он? А того заусило: начал нести какую-то ерунду, а новичок спокойно сидел и грыз паёк. Что происходит? Ясно только, что у Ваньки какие-то претензии к этому парню. Народ напрягся, готовясь вмещаться. За драку можно было вполне лишиться «выходного». Как вы понимаете — это никого не устраивало!

А Саня всё грыз и грыз, не обращая внимания на начавшего уже раздражать всех Ваньку. Я только набрал в лёгкие воздух, чтоб рывкнуть на распоясавшегося подчинённого (сержант я или как?), но тут Ваня упомянул какую-то Лиду. Цветасто так! И Сашка взорвался: раз, и он уже сидит на спине хама и, вцепившись в него как клещ, прижимает к шее нож. Никто даже среагировать не успел!

— Ну, здравствуй, Ванюша! Видишь, как всё изменилось. Я теперь могу за себя постоять.

— Слезь, сука!

— А ты сбрось меня, — жарко шептал в ухо Саня. — Давай! А у меня рука дрогнет. Видишь, сколько свидетелей. Ты же самый сильный, давай!

Ваня стоял, красный как рак, и не знал, что делать. И лицо потерять нельзя и что делать — не понятно. Пора вмещаться:

— Отставить! Мать вашу! — я встал, поправил ремень и строго так: — Какого хера?

Ваня, всё такой же красный, смотрел в потолок. Саня ковырял носком берца пол и изображал невинность. Ножа при нём уже было не видно. Куда дел?

— Я не понял!? Вы что, целок изображать собрались? Я сейчас спрашиваю как Егор, не

могу и как сержант Милославский спросить. Выбор за вами.

И они начали колотиться. Каждый со своей колокольни. Но кое-что прояснилось. Парни были знакомы всю жизнь: жили в соседних подъездах, ходили в один садик, потом в одну школу. Старая, как сама жизнь история — примерный мальчик и хулиган. Всю сознательную жизнь Ванька терроризировал Сашку, тот как мог, сопротивлялся, но силы были не равны. И тут, перед самой армией: самая красивая девочка, которая, естественно, гуляла с самым крутым парнем (кто не понял, с Ваней), неожиданно влюбляется в Сашку. А ведь Ванька всего лишь хотел произвести впечатление своей крутизной, но девочку больше впечатлил окровавленный Санек, схвативший какую-то палку и нелепо махавший ей, пытаясь защитить свою честь. Естественно против троих здоровых хулиганов шансов у него не было. Когда его сбили с ног и принялись пинать, девочка Лида тоже проявила характер. Схватив оброненную палку, она начала целенаправленно лупить по головам.

Хулиганы отступили, как не крути, а полными отморозками они не были, и бить девчонку не стали. Вот так и рассмотрела Лида в соседском мальчишке мужчину. Через три месяца они поженились. А через неделю молодой муж ушёл в армию. Ну а Ваня никак не мог простить Саше то, что он увёл у него подругу. М-дя.

Нарисовалась проблема — там, где не ждали! И решать её придётся мне, потому что если за дело возьмётся Рогожин, то горячо станет всем! Методы то у него... А больше всех достанется мне любимому! Поэтому для начала я отобрал у Сашки нож и предупредил, что если увижу в казарме с оружием — быть ему битым. А вот с Ваней было немного сложнее:

— Значит так, голубь сизокрылый, если будешь задирать новичка, придётся сдать тебя Рогожину. И пойдёшь ты служить на северный полюс!

— А чего сразу Рогожину? Значит, как этого зяблика — так бить, а меня сдавать. Не по понятиям это!

— А понятия свои в очко себе забей! Понял!

Ваня сжал кулаки и насупился:

— Ты за базаром следи, сержант, а то ведь не посмотрю...

— Да-да! — киваю. — Вот именно! Ты парень здоровый, а значит, бить тебя придётся, как минимум, с младшим сержантом Хаматшиным. А ты будешь сопротивляться, так что, скорее всего мы тебя покалечим... Но ведь жалко дурака! — и, приблизившись к Ване в плотную, посмотрел снизу вверх, выдохнув в лицо: — Лучше на Камчатку! Или думаешь, что ты настолько крут, что сможешь с нами справиться?

— Нет, — Ванька пожал плечами, — да и дизель за такое светит...

— И?

— Я всё понял.

— Конкретней, Ваня, конкретней!

На некоторое время задумавшись, сформулировал:

— Я не дам повода кидаться в драку.

— Нет, так не пойдёт...

— Меня это устраивает! — влез Саня.

— Что? — в удивлении смотрю на новичка.

— А что? Если он не будет касаться моей семьи, всё остальное по барабану.

Я задумался, потом посмотрел на Марата, тот едва заметно кивнул:

— Хорошо! Но если ваша вражда вылезет наружу и пострадаем мы все, то... — многозначительно молчу.

— То бить будем все! — тут же влез Балагур.

— Замётано! — хором ответила «сладкая парочка».

Вот кто мог подозревать: что вражда этих, таких не похожих друг на друга парней, выльется в то, что они резко улучшат все показатели — стараясь показать, кто круче!

Я же рвал последние жилы, чтобы быть в числе первых: ведь сержантом я пока был не совсем настоящим, скорее исполняющим обязанности. Рогожин, недолго думая, назначил меня, как имеющего четыре курса высшего образования и Марата, закончившего техникум. При этом предупредив, что если справимся то, по окончании учебки звания подтвердят, а если нет, то всё может измениться... Вот мы с Маратом и старательно утверждали свой авторитет, в чём нам активно помогали Балагур и Тунгус.

Кстати! Оказывается, мы с Тунгусом не совсем обычные люди: после одной из тренировок, когда нам показывали, как надо маскироваться, Рогожин вдруг приказал нам, идти за ним...

Инструктор отвёл нас с Тунгусом в ближайший лесок. Вот забавно, на дворе январь, а снега нет, и температура ниже нуля не опускается — интересно, где мы? Выйдя на небольшую лесную полянку, со старой пожухлой травой, слушаем лекцию:

— Умение маскироваться важно не только для снайперов, но и для таких бойцов как ты, Егор, — Рогожин стоит передо мной и Тунгусом, покачиваясь с пятки на носок. — Но если снайперу нужно просто уметь слиться с местностью, что, учитывая расстояние, делает его невидимкой... То для бойца ближнего боя — этого недостаточно. Вы парни талантливые и сможете научиться отводить глаза...

— Разве это возможно? Я думал, что такое только в кино бывает... — удивляюсь я.

— А я вообще снайпер... — улыбается Тунгус, невысокий крепыш, явно северных кровей. Отсюда и прозвище, хотя, может он и правда тунгус? Надо спросить.

— Ну, будешь шибко крутым снайпером, — ухмыльнулся старший лейтенант, — а насчёт кино... Смотрите...

Отходит от нас на пять метров:

— Отворачиваетесь, считаете до пяти, поворачиваетесь и ищите меня здесь, — показывает пальцем в землю, — на этой полянке!

Ну что ж выполняем приказ: отворачиваемся и считаем... Потом начинаем утюжить эту лесную поляну... Ну что могу сказать?! Рогожина нашёл я... Минут через пятнадцать безуспешных поисков... я об него споткнулся. Хорошо хоть успел сгруппироваться, а то бы точно голову разбил.

— Ну и как вам кино, хлопцы? — радостно улыбается.

— Нет, мы так не сможем, — потерянным голосом говорит Тунгус.

— Волшебство, да и только... — ошарашено киваю.

— Сможете, сможете... — Рогожин довольно потирает руки, — не умеешь — научим, не хочешь — заставим...

— Товарищ старший лейтенант... — взвыл я. Зная методы инструктора, быть заставляемым не хотелось.

— Тут хоть расстреляйте... — поддерживает меня напарник, — выше головы не прыгнешь...

— Не прыгнешь, говоришь? А вы пробовали? — смеётся. «Может, пронесёт?»

— Ладно. Пошутили и хватит... Дело в том, что есть определённая категория людей... Хм... Короче, вы двое можете научиться. Как я это определил, сказать не могу. Уж

простите... Просто поверьте на слово. Придёт время, и вы всё узнаете... — тяжело вздыхает, — слушайте и запоминайте.

— Глаза человека всего лишь посредник между окружающим миром и мозгом. То же самое относится и к остальным органам чувств. Вот, например, люди живущие возле какого-нибудь шумного объекта, со временем, перестают замечать этот шум. Почему? А потому, что мозг просто отфильтровывает этот шум. Но он ведь никуда не пропадает. Или случаи, когда люди видят что-то, чего нет. Так называемые галлюцинации. Игра света и тени, и всё... мозг достраивает образы. Даже обычный сон... Ведь сны бывают настолько реальными: звуки, запахи, изображение... — прохаживается мимо нас. Туда-сюда, туда-сюда... И голос ровный, усыпляющий... — ... Помните, вы не должны убедить противника, что вас нет. Потому что если вы его не видите, то и убедить не сможете. Вы должны убедить себя... Вы трава, дерево, кустик, или просто тень. Ваш мозг создаст образ, а глаза ваших оппонентов этот образ увидят. Проснитесь!!!

Я подпрыгиваю на месте как ошпаренный и, выпучив глаза, пытаюсь прийти в себя... Рядом Тунгус напоминающий рыбу, вытащенную из воды — большие глаза и хватающий воздух рот... Наверное, я так же глупо выгляжу... Судя по довольному лицу Рогожина, так и есть!

— Ха-ха-ха... Ну и видок у вас!!!

— Мы не хотели... Случайно вышло... — начинаем оправдываться.

— Ай-яй-яй, как нехорошо... — и вдруг, гаркнул, — повторить всё, что сказал...

И мы взхлёб, слово в слово, начали повторять. «Офигеть, как это?»

Рогожин с довольным видом продолжал дефилировать мимо нас. Когда мы закончили, хитро улыбнулся:

— Ну как? Здорово?

— Круто! Товарищ старший лейтенант, а что это было? Гипноз? — нас прямо распирает от вопросов.

— Да какой гипноз... Так лёгкий транс, для лучшего усвоения материала. Я, между прочим, постоянно вас оболтусов так учу... Просто в более лёгкой форме... Здесь же я вам установки давал, пришлось усугубить... А сейчас небольшая демонстрация того, к чему нужно стремиться!

Отходит от нас... Шаг, второй, третий и тут я моргнул... Инструктор исчез, просто был, и его не стало!!!... мать... в... через... два раза... Фантастика! Так не бывает! Всё помню, что он говорил, но услышать одно, а увидеть...

— Это кто тут матом ругается? — раздался позади голос Рогожина. — Хотя душевно загнул, надо запомнить... Идите, тренируйтесь...

А через два месяца, поздним вечером... Мы с Тунгусом спёрли бутылку коньяка со стола отмечающего день рождения начштаба начальства. Шмат сала, палку копчёной колбасы, копчёную рыбину и кастрюлю салата. Офицеры были хорошо выпивши, а источником света служили фонари на улице... Хи-хи-хи... Диверсанты мы или кто? Теней хватало... И притащили всё это богатство к себе в расположение... Где были взяты с поличным Рогожиным... Прописав нам горячих, он решил выяснить, что всё это значит:

— Ну и как вы это объясните?

— Экзамен сдаём!

— Какой, нахер, экзамен?

— По отводу глаз... Вы же сами сказали... Что б мы вас удивили!

— Чего вы мне лепите? Это называется воровство!

— Никак нет! Экспроприация и восстановление справедливости!

— Хм... Ну, допустим, про экспроприацию я понял, а причём здесь справедливость?

Достаю из-за пазухи бутылку коньяка:

— Вот, специально для вас экспроприировали!

— Где?

— Ну, дык в штабе на столе стояла. А вдруг кто на рабочем месте напьётся, вот и забрали во избежание...

— Вы что, ухари, прямо с дня рождения майора всё утянули? — Рогожин улыбается, его нелюбовь с начальством была общеизвестна. — И никто не заметил? Хотя там же все пьяные уже, кроме бутылки перед собой ничего не видят...

— Обижаете! Брали исключительно со стола... Экзамен! Никаких шпаргалок!

— Ладно, зачёт! Но коньяк не отдам! И кастрюлю верните, где взяли... Во избежание...

Ну, а пока это святое мгновение, когда наш инструктор доволен нами — было ещё далеко... И мы постигали нелёгкую науку диверсанта: ползали в холодной грязи, стреляли, в том числе и на звук, учились ставить и снимать мины и растяжки. Особое же внимание наш истязатель, в компании со старшим прапорщиком Ивановым, уделяли рукопашке: с оружием и без, против вооружённого и безоружного противника, против превосходящего числом, на открытой местности и в тесном помещении. Ибо умение тихо умертвить врага куда важнее для дела, чем всё остальное... И вот, чередой инструкторов, сменяющих друг друга, вбивала в наши головы знания, а в тела рефлексy. И над этим всем, грозной тенью, нависал главный садист и истязатель — старший лейтенант Рогожин.

Пожалуй, расскажу чуть подробнее, чтоб стало понятнее какие же они садисты! Например, метание различных предметов, совсем непредназначенных для умерщвления себе подобных. Почему не говорю о привычных ножах? А что о них говорить? И так всё понятно... Можно сказать одним словом — овладели! А вот вилки, гвозди или монеты, обычные такие монетки, которых полно в кармане любого человека, и прочий мусор! Это — да!

— Ну что же, приступим! — старший лейтенант Рогожин радостно потёр руки. — Всего двести гвоздей в ростовую мишень и всё, можете идти спать! А почему не вижу радости на лицах?

А чего тут радоваться? Ну не верю я, что этот садист может отпустить нас в восемь часов вечера. Хотя? Может он по бабам собрался? Нет! Скорее всего, он бы нас на Степаныча оставил... И, похоже, никто не верит!

— Что, не верите? И когда это я вам врал?

Никогда — это точно. Но вот не верю! Рогожин вообще мастер врать, говоря правду. Например, когда набирал нас в эту учебку. И ведь ни слова не соврал. И правду не сказал! Сволочь — одним словом!

— Не верите? Ну и ладно. Короче так, забиваете по двести гвоздей и свободны. Правила прежние: не воткнул — плюс двадцать, промазал — плюс тридцать, попал в глаз — минус пять, в голову минус один. Ха-ха-ха...

Действительно, на мишенях присутствовали красные пятна, обозначающие глаза. И в самый первый раз мы попались на эту уловку... Контур головы значительно меньше контура тела... Результат представляете? Лично я... пока сообразил... Короче, в тот раз мне пришлось метнуть две тысячи сорок два гвоздя!!! Я думал схожну... И хотя сейчас я, вполне

уверено начиная с двухсот, заканчивал на сто восемьдесят-двести сорок, а, точнее, благодаря этому, был уверен здесь какая-то гадость. Ещё и мишени стоят всего в десяти метрах! Вот чего он такой добрый? Может всё-таки по бабам?

Принесли гвозди... Мля-я-ять!!! Они же все кривые! Как буква зю!

— Чего такие недовольные? Я вам и мишеньки пододвинул, а вы не цените. Вот обижусь!

Ну, нафиг! Мы всем коллективом, в размере пятнадцати человек, начали восторгаться добротой инструктора. А ведь нас было больше, но Рогожин пятерых уже отчислил. Как утверждал этот садист на Северный полюс... И мы ему верили... Или я уже жаловался?

— Ну, ладно-ладно. Вижу, что уважаете командира, — «Уф, пронесло!»

Взяв в руки то, что когда-то было гвоздём двухсоткой, задумчиво кручу в руках: — «И как его метать?»

— Что, думаете невозможно? — Рогожин ехидно улыбнулся. — Милославский, дай-ка шпук двадцать...

Взяв в руки горсть самых разных гвоздей от сотки до трёхсотки, задумчиво посмотрел на меня... И так же стоя боком к мишени, начал!

— А теперь сходи, посмотри.

М-дя... Из двадцати: два не воткнулись, пять попали в глаза, тринадцать просто и незатейливо торчали из «головы» силуэта.

— Плюс два! — улыбаюсь. Вроде мелочь, а приятно!

— Тьфу, ты! Как нянька с вами, даже потренироваться некогда... — по лицу было заметно, как сильно расстроился инструктор. — Ладно, приступайте, завтра ещё и на монетах тренироваться начнём... И где мои гвозди?

И бросать, бросать до изнеможения, пока руки не перестанут слушаться... Хотя, надо признать, методы у Рогожина действенные — уже на следующий день начинает что-то получаться! Вот только зачем? Зачем мне уметь бросать всякий мусор? Для этого есть привычные уже ножи, я ведь будущий диверсант, а не ниндзя!? На что, Рогожин дал исчерпывающий ответ: «За надом!».

Или рукопашный бой! Это что-то, с чем-то... Ни одного лишнего движения: всё просто и рационально, и в то же время — ни на что не похоже. Пепел, помешанный на различных единоборствах, утверждал, что это что-то новое или, возможно, хорошо забытое старое... Вроде, как нечто подобное, существовало в тридцатых-сороковых годах прошлого века... По данной технике готовили зубров НКВД... На вопрос, откуда у него такая информация, он лишь загадочно улыбался и закатывал глаза...

Знаете, какой самый лучший стимул? Плохо стараетесь? В очередь! И по одному! Но это за счастье! Тут он хоть силы рассчитывает. А если толпой? А мы ведь не совсем дети и чтоб навесить таким бравым ребятам люлей — надо постараться. О-о-о! Мы как-то вчетвером: я, Балагур, Ванька и Андрюха-Пепел — смогли повалить его на землю, просто задавив массой, и разбили нос... О, какое это счастье! Но этот гад обломал всю радость! Вместо того чтоб погонять нас — он объявил выходной. И, счастливо улыбаясь, пояснил:

— Ну, наконец-то! Научились работать в команде! — и, вытирая бегущую кровь, продолжил: — Теперь отдыхайте, я доволен...

Нет, это что получается? Мы доставили ему удовольствие? Конечно, приятно было зарядить ему в нос, но результат?

А когда онучил стрелять с двух рук? Представляете, дал два ствола, и я, как дурак,

тыкал им в сторону малейшего движения или звука... Несколько часов к ряду... Ох-хо-хох...
Вспоминать тошно! Зато какой результат!!!

А вот мотать кроссы нас не заставляли. Нет, вы не подумайте, что мы не бегали. Бегали, но не кроссы. Как говорил Рогожин:

— Не будем тратить полезное время на ерунду!

И действительно, зачем? Если с утра до столовки — три километра, потом обратно. На полигон пять, там ещё неизвестно сколько! А если до леса? И вообще везде бегом! И зачем нам кроссы? Я вон «выпускную» двадцатку пробежал и даже не запыхался! Спасибо тебе, командир! От всех ребят — оставшихся в живых! Спасибо за науку!!!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Прошло три месяца, и начались выпускные экзамены. Кто-то удивится, чему можно научить за три месяца? Ну, допустим не три, а пять — не стоит забывать о первой учебке! Но и тут не всё просто! Как всегда в нашей армии и происходит: кому-то попала вожжа под хвост, и произошло следующее. Рогожина сняли с инструкторов и определили командовать нами, чему он был несказанно рад. Степаныча, старшего прапорщика Иванова, в замы, а всю группу, оставшихся десять человек, досрочно выпустить и на войну...

Пожалуй, уточню, чтоб избежать недопонимания. Совсем не скоро: через кровь пролитую вместе, боль от потери друзей и ожидание смерти, Степаныч всё же поведал нам историю того, как матёрый волкодав стал тренировать щенков...

Оказывается: командир был в свои двадцать девять лет, ни много, ни мало — разжалованным майором — спецназа ГРУ!

Получив внеочередное звание, новоиспечённый майор был назначен командиром пятёрки серьёзных профессионалов. Около года, группа Рогожина, выполняла самые разнообразные задачи и не только на территории нашей Родины — считаясь одной из лучших. Но вот однажды: поступило задание в режиме аврала... В общем-то, всё как всегда... Никаких разведанных, никакой ясности; пойдя и сделай! Стоит ли удивляться, что группа попала в качественно подготовленную засаду. В первые же минуты боя два бойца оказались ранены, один тяжело — в живот. Требовалась немедленная эвакуация и Рогожин принял решение отступить.

Вот только генерал, курировавший операцию, приказал выполнять задание и отказал в высылке транспорта. Почему он так поступил? Я не знаю. Может цель была настолько важная, что потери не имели значения, а может он просто тронувшийся умом самодур. Ну не знаю я, не знаю. Не могу даже представить, чем можно оправдать этого генерала.

А раненых было уже трое... Снайпер группы схватил пулю в левое плечо и раненый продолжал стрелять, прикрывая своих. Если бы не этот парень, погибли бы все!

Да и в штабе не все были согласны с таким решением. Полковник, непосредственный командир Рогожина, связался с «летунами» с личной просьбой... К счастью, среди пилотов нашлись «сорвиголовы» наплевавшие на приказ и вылетевшие спасать бойцов.

В это время группу обложили, и бойцам пришлось с боем пробиваться к новой точке эвакуации. Представляете ситуацию? Шесть человек: из них — трое раненых, один тяжело, двое средней тяжести... Но парни как-то вырвались... Спасибо летунам!

Вот только парня, раненного в живот, не довели, скончался в тот момент, когда вертолёт заходил на посадку! Если бы не потерянное время — возможно он остался бы жить... Другой раненый со временем вернулся в строй, а вот снайпер... Раненая рука почти не двигалась, парень стал инвалидом...

Расстроенный майор отправился к командиру пилотов вертолёта, чтоб лично поблагодарить за помощь... Его уже успели просветить, что тот нарушил приказ генерала! Зайдя в помещение, он увидел, как этот самый генерал грозит отдать под трибунал летуна, за срыв важнейшей операции... Зная Рогожина не сложно догадаться о том, что произошло дальше.

По идее — для Рогожина, всё должно было закончиться весьма плачевно. Но! Вы много знаете майоров, которым не стукнул хотя бы тридцатник? И чтоб у него не было волосатой лапы где-то наверху? Я вот нет. Вот и у нашего будущего командира нашлись заступники... Тем более что генерал-то был из другого ведомства. И как это ни парадоксально звучит, его выгнали даже не в почётную отставку, а с жутким скандалом. Наверное, давно зуб точили.

А Рогожин отделался всего лишь разжалованием до старшего лейтенанта, и отправкой в спецшколу — передавать опыт. Здесь он и встретил бывшего сослуживца — Степаныча. Подозреваю, что потеря такого профессионала, как наш командир, не входила в планы высоких чинов ГРУ, и его временно спрятали. А теперь почему-то достали? И нам доучиться не дали! Хотя конечно учёба не прекращалась никогда. Но в чём причина?

На Кавказе есть гора — самая высокая... Кажется, так было у классиков? Первый месяц на новом месте службы прошёл довольно спокойно: похаживали в рейды, но в основном занимались тем, что совершенствовали технику маскировки, пролёживая бока возле населённых пунктов и на перевалах. А в остальное время тренировались: оттачивая мастерство. О! У командира появилась новая блажь — фехтование. И не на привычных ножах, а тяжёлыми палками! Призванными имитировать: то меч, то саблю, то ещё что-то... Вот нафига козе баян? Правда, на этот раз командир снизошёл до объяснения:

— Вот вы мне скажите, сколько раз вы по пальцам палкой получили? А почему? Да потому, что с координацией у вас хреново! Фехтование же позволяет, кроме этого, развивать глазомер и учит не делать лишних движений, иначе устанете... И многое другое! Я вовсе не надеюсь сделать из вас фехтовальщиков, но польза будет! Потом ещё с шестами позанимаетесь, тоже полезно! И самое главное: чуть зевнул и палкой полбу — сразу научитесь не отвлекаться!

Вы знаете, через некоторое время мне даже понравилось... Да и многие парни занимались с удовольствием — это же, как в детстве! Ну, кто не бегал с деревянным мечем? Эх... Ещё бы с лука научиться стрелять...

Но вот, наконец, и неприятности — бандиты захватили в заложники журналистов. Правда, не наших, а американских. Приехали брать интервью у одного из лидеров боевиков — Аслана — борца за свободу, и сами её лишились. Как по мне, туда им и дорога. Но вот у начальства другое мнение. Иностранные граждане — ах-ах... И как назло, из спецурсы никого, кроме нас!

И плевать, что задача совсем не по профилю. С каких пор диверсанты спасают заложников? Маразм! Здесь же совсем другие навыки нужны. Нас учили сперва стрелять, потом смотреть в кого — иначе не выжить, а здесь заложники. Вот взорвать всех к чёртовой бабушке, выживших добить — это ладно, это как раз наше. А здесь Альфа нужна: там парни лихие, по натуре защитники — сами лягут, а заложников спасут. А мы, как бы даже с другой стороны: убийцы, хищники.

Ну да ладно, приказы не обсуждают, думать то можно всякое, а спасти «акул пера» придётся. Тем более, что никто и не сомневался в том, где их искать. Захватил журналистов кто? Аслан! Борец за свободу, как его называют эти самые американские журналисты! Где его запасная база мы уже знали: случайно наткнулись, во время поиска. Я там вместе с Тунгусом ползал, слушал, кто да что. Так и выяснили, кто Хозяин. Ждали только подходящего случая, и вот он, миг возмездия. Теперь никто на западе, не будет визжать о попрании прав человека незаконными федералами! Ух, ещё бы и Аслан там оказался!

Вылетели на вертушке, высадились километров за десять до цели и экономной

спецназовской рысью двинули вперёд. Что такое десять километров для спецназа — так, размяться. Бегом, шагом, бегом и мы на месте. А если по горам, по долам, то ещё и сдохнуть, воскреснуть, потом ещё разок помереть. И сначала, и так несколько раз. Эх, где родные сорок километров, да в полной выкладке, как в первой учебке? Зато вверх-вниз не надо.

Когда до объекта оставалось не более километра, остановились и стали ждать ушедшую вперёд разведку. Уже стало смеркаться и тут, наконец, вернулась неразлучная парочка — Саня и Ваня. Если помните, эти парни ненавидят друг друга. И вот теперь — эти два ухаря пожалуй, лучшая боевая пара. Ведь ни один из них не мог допустить, что бы другой оказался круче. И наш командир, умнейший мужик, всегда ставил их вместе — трепаться не будут, всё внимание к делу.

— Товарищ старший лейтенант, там они!

— Кто они? Аслан? Или журналисты?

— Все, все там! — Санек радостно кивал.

— Точно? Почём знаешь?

— Точняк, — Ваня покрутил шей, так что послышался треск. — Этот ханурик в упор подползал, говорит, бабу вели со связанными руками.

— Ну, мало ли баб... — Рогожин разводит руками.

Сашка замотал головой:

— Точно говорю, она там чего-то по-английски пыталась этим втолковать.

— И что?

— Так боевик то нынче не грамотный пошёл — языков не понимает. Прямо как Ванька, — Саня радостно улыбался. — Толкнули прикладом и всё.

— Хм... Уверен, что по-английски?

— Да! Я не Егор, свободно болякать не могу, но мал-мала шарю. Точно по-английски.

Я заинтересовался:

— Что-то разобрал? Слова какие-то?

Саня степенно так кивнул и, изобразив на лице серьёзность, добавил:

— Ну, а как же... Фак ю!

— Тьфу на тебя, балаболка, — Рогожин махнул рукой. — Тебя о деле спрашивают...

— Да я о деле и говорю. Ну, кто ещё будет так несерьёзно ругаться? Наши-то бабы, как загнут — залюбуешься... И главное: Аслан там, его-то я своими глазами видел, бабу к нему подвели...

— Командир, — прапор пригладил свои шикарные усы, — да какая нам разница, там американцы или нет!? Аслан столько крови нашим выпил, что грех возможностью не воспользоваться...

Рогожин задумался. Затаив дыхание, ждём его решения — порешить Аслана мечтали все. Когда ещё такая возможность будет? Его понять можно, приказ-то спасти журналистов. Вяжемся в бой, а их там нет... Как оно повернуться-то может, хрен его знает...

— Надо сделать так, чтоб ни одна сука на связь выйти не смогла, а у них спутниковые телефоны — да не у одного?

Все вздохнули с облегчением. Решение принято, вопрос в реализации.

— Дык. Тихонечко. Ночью. Ножичками...

— Окстись, Степаныч, кто резать то будет? Пацаны зелёные, сам знаешь, спящих резать — это...

— М-да, — прапорщик покивал головой, — не просто это... Если только Саня, он до

ножа дюже жадный.

— А чего Саня?! У меня вот рука не дрогнет, — ну это понятно Ванька.

— Молчи, сопля, рука у него не дрогнет. Видал я таких.

— Товарищ старший лейтенант, товарищ старший прапорщик, — я решил вставить свои пять копеек.

— О как... Ну скажи умное чего-нить... — прапор усмехнулся в усы.

— Давай Милославский, — разрешил Рогожин, усаживаясь поудобнее возле дерева. — Удиви.

— Да удивлять то нечем. Понятно, что мы ещё зелёные. Но я вот как вспомню, как эти суки наших пацанов резали, так руки чешутся. Мы не подведём! Правда, парни!?

Мужики одобрительно загудели. В общем, начальство сдалось, решено было брать в ножи.

Операцию проводили под утро, на самый сладкий сон. Часовых сняли, в яму, где держали заложников, заглядывать не стали. Вдруг не спят, шумнут ненароком. Разделились и вперёд. Не буду рассказывать, как и что... Но в живых остались только заложники. Тридцать два боевика и, самое приятное, Аслан. Хотя Аслан умер не сразу. Штаб то брали в последнюю очередь. И взяли его живым: очень товарищ прапорщик просили...

Заложники оказались теми, кто нам нужен. И вот с ними как раз и случился конфуз...

Журналистка рванула в один из домов, типа вещи у неё там. Заскочила в дом, а там сами понимаете — картина ещё та... Выскочила и давай блевать, а ведь кричали ей: «Стой!». Я вот даже по-английски.

— Что вы за звери? Разве так можно с людьми? — это она ещё тело Аслана не видела. — Вы же не люди — вы животные...

— Егор, чего она там лапочет? — Рогожин повернулся ко мне. — Переведи.

Перевожу, он скривится:

— Они её в яме держали, не мы...

— Ну, они негодяи, а вот мы маньяки...

— И что нам, по её мнению, надо было сделать?

— Говорит: арестовать, передать властям и судить...

— Она что, больная? Их почти в три раза больше было!

— Она говорит, что мы варвары и всё такое... Дура, в общем!

— А может мы не успели? Их уже того! — Рогожин почесал в затылке. — Не переводи.

— Да ясно. Юмор разумею. Да и мужики вроде нормальные, хоть и помятые, — киваю на ещё двух заложников мужеска полу.

Командир криво усмехнулся:

— Хрен с ними, уходить пора...

Легко сказать, уходить! Как тут уйдёшь, если ребята нашли склад с оружием и килограмм пятьдесят взрывчатки. К чему-то готовились сволочи... Решили рвануть, ну вот такие мы загадочные, ни себе не людям... Ну как ни себе, прибарахлились чуток: гранаток взяли и так по мелочи. Трофеи, однако. Ох-хо-хох... Знать бы заранее, чем нам этот фейерверк выльется...

Расскажу в общих чертах, сил нет вспоминать все эти подробности. Не знаю, откуда взялись «духи», может мимо шли, может к Аслану. Но на взрыв они среагировали. Первой жертвой стал Ваня. Не успели мы пройти и трёх километров, как ушедшие в головной дозор Саня и Ваня напоролась на засаду. Так вышло, что Иван первым увидел прицелившегося в

Сашку «духа» и закрыл его собой. Саня открыл бешеный огонь и попёр врукопашную. Одного он застрелил, а двух...

— Береги себя, брат, не держи зла! — С уголка рта Вани стекала струйка крови, но глядя на коленопреклонённого Саню, он попытался улыбнуться.

— Зачем ты это сделал, зачем? Что доказать хотел? — Сашка наклонился над умирающим напарником. — Зачем?..

— Дурак ты, Саня, я за друга смерть принимаю! Это лучшее, что я сделал. Я тебя там ждать буду, — Ваня поднял замутнённый взгляд вверх. — Только ты не спеши, внуков вырасти. Обещаешь?

— Да! Сын будет, Ванькой назову.

— Спасибо дру...

Так погиб Иван. Закрыл собой человека, которого ненавидел. Умер с улыбкой на лице, осознавая, что спас ДРУГА!

Когда мы, прочесав близлежащие кусты и оцетинившись стволами подошли к месту скоротечного боя, Саня плакал над телом своего врага-друга. Посмотрев на нас глазами, полными слез, произнёс:

— Он закрыл меня...

Мы молчали; слов не было. Наша первая потеря оглушила нас и только сейчас многие поняли, что война не игрушка — здесь теряют друзей! Мы стояли потерянные, не зная что делать. Пока не вмешался Степаныч:

— Хорошо погиб! — мы все разом повернулись, уставившись как на чумного. — Что смотрите, может, кто знает более достойную смерть, чем закрыть грудью боевого товарища? — Степаныч перекрестился. — Самопожертвование! Он теперь там, — тычок пальцем в небо, — вместе с такими же героями. Гордитесь, что служили вместе с ним, а ты, Санек, погибнуть теперь не имеешь права...

Соорудив носилки, положили тело Ивана и понесли. Скорость продвижения упала. В начале нас тормозили гражданские: и так не великие ходоки, а тут ещё плен, плохая кормёжка, усталость. Теперь добавилась необходимость нести тело. Оставить его мы не могли, ведь если его найдут раньше, чем мы вернёмся, даже представить страшно, что сделают с ним...

Так мы и шли, пока боковой дозор не обнаружил врага. Завязался бой. Вот откуда столько их взялось, как прорвало! Ну, точно, что-то готовилось. Прижали нас по взрослому, с гражданскими не оторваться. Воевать? Никаких патронов не хватит. Их почти сотня, а нас одиннадцать: три гражданских, и тело нашего товарища. Саня предложил остаться задержать, но Рогожин на корню зарезал инициативу. Это понятно. Эмоции в таком деле первый враг — сгинет зазря.

— Товарищ старший лейтенант, позвольте мне остаться!

— Милославский, ты что, с дуба рухнул?

— Никак нет! Командир, вы мне пару рожков ещё подкиньте и гранаток побольше. Смотрите, место какое: не обойти, не объехать — только в лоб! Вы же знаете меня, если надо, днём с огнём искать придётся. Я постреляю, побегаю, растяжек наставлю. Замедлятся, никуда не денутся. А я потом схоронюсь. Хрен найдут.

— Ой, сладко поёшь, сержант! — Рогожин вытер рукавом лицо. — Только это ведь не игра, где можно переиграть. Жизнь она одна, брат. Сгинешь — за понюшку табаку.

— Всех ведь положат, а мне сорок минут продержаться, а там вертушки придут. Ну а

погибну, хоть за дело. От пули оно почётней, чем от передоза.

— Какого, на хрен, передоза? Ты чего, сержант, перегрелся?

Меня охватила весёлая ярость. Я приблизился вплотную к лицу Рогожина:

— Я — мажор, командир, папенькин сынок, вся моя жизнь — сплошное паскудство. Я только здесь человеком себя почувствовал, рядом с этими парнями. И если сдохну, чтоб они жили, значит так надо. Но я выживу, назло всем выживу, — я рванул душаций меня ворот «комка».

— Чего ж ты не при штабе-то служишь? — и ехидно так: — Мажор.

— Сперва по глупости, а потом назло отцу, но я не жалею...

— Ладно! Но с тобой останется Тунгус, его тоже днём с огнём...

Когда группа собралась уходить, я окликнул Рогожина:

— Если не выживу, напишите отцу, что я умер... Дстойно.

Кивает мне:

— Твой отец может гордиться тобой! Только не мастак я писать. Ты уж уважь командира, выживи...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Удачи, мужики! — старший лейтенант Рогожин крепко пожал нам с Тунгусом руки. — До свидания!

Последние слова сказаны, и мы смотрим в спину уходящих ребят. Парни оглядываются; в глазах сожаление. Ведь каждый из них рвался остаться здесь, но не судьба. Ибо шанс задержать бандитов и остаться в живых — есть только у меня и моего напарника. Хотя нет! Командир! Вот он бы смог, но его обязанность увести группу и заложников. Тяжело мужику. Оставить двух своих «любимчиков» практически на верную смерть... Да уж, «любимчики»! Ибо то, что было нормально для всех, для меня и Тунгуса было плохо! И пахали мы больше и бил нас больше, а всё потому, что мы особенные. Не такие как все — у нас есть дар. У командира, кстати, тоже... Но нам до него ещё далеко! Как новорождённому щенку до матёрого волкодава!

Всё-таки удачное здесь место: ни справа, ни слева нас не обойти. Точнее обойти-то можно, но на это уйдёт много времени, так что — только в лоб. Метрах в пяти позади меня, за камнями, залёг Тунгус. Пусть здесь и не слишком крутой подъём, но всё же... Прикинув к оптике СВД, сосредоточенно отстреливает неосторожных... Отлично! Прижимая к плечу пулемётный приклад, стреляю: короткими, злыми очередями. Главное, выиграть время — сколько можно и дать парням шанс оторваться. Сколько же вас? Получите, твари! Сдохните!!!

Ванькин пулемёт снимал кровавую жатву, мстя за своего погибшего хозяина. Снайперка Тунгуса не отставала в этом кровавом пире... Мы держались... Потом, мой напарник отошёл назад и начал ставить растяжки. Закончилась последняя пулемётная лента... Пора! Постреливая короткими очередями из автомата, отхожу назад, прикрываемый вернувшимся Тунгусом. Отступаем вдвоём: мой напарник закинув за спину СВД стреляет из «калаша». Не забывая подсказывать, как идти. Не зная где... можно подорваться и раньше времени отправиться к предкам.

Ага! Вот и первая растяжечка «сработала»: после взрыва слышатся маты и стоны. Хорошо! Теперь замедлятся. Обязательно!

Растяжки позволили нам оторваться, а мы лепили новые. Где попало и как попало. А ведь у нас с собой не так много гранат — всего двадцать штук... Кто сказал: что натянутый кусок проволоки не нанесёт врагу урон? А остановиться, обезвредить, поматериться. Как понять: где обманка, а где настоящая растяжка? Пока не проверишь — никак! Вот и ползут, теряя время и нервы. А ведь растяжки срабатывают, мы же мастера своего дела, появляются убитые и главное раненные. Ведь раненый — это груз и психологическое давление. Его надо перевязать, а ещё он кричит и стонет... При погоне: желательно не убивать, а ранить...

Вот ведь беда: Тунгуса зацепила шальная пуля, а он пёр как танк и продолжал минировать. Когда же ноги стали заплетаться и он упал, то потребовал чтоб я его оставил, а сам уходил. Вот дурак... Десант своих не бросает! Лучше сдохнуть!

Кое-как перебинтовав рану под правой лопаткой, взвалил снайпера на себя и пошёл. А он всё скулил и требовал его оставить, мол, он врага задержит. Ну что за идиотизм? Какой враг? В том лабиринте проволоки, который мы оставили позади, сам чёрт ногу сломит. А

ведь там, не только проволока, но есть и проволока с гранатами, так что, хрен они нас догонят...

Я пёр вперёд, твердя как заклинание:

— Скоро придём, держись, брат. Ребята нас не бросят, а там больничка, тебя подлатают, медальку какую-нибудь дадут. Будешь сестричкам хвастать, главное держись, брат.

Не знаю, сколько я прошёл со своим грузом? Ребята потом чего-то прикидывали и решили, что не менее трёх километров. После того, как по бандитам отработали «летуны», тем, кто выжил, было не до нас. Наши парни закинули журналюг в вертушки и ломанулись за нами. То, что мы не разминулись, было маленьким чудом.

Нас нашли через два часа. Сняли с меня тело, да тело, ибо Тунгус был мёртв. Мёрте давно, и нёс я и разговаривал — уже с неживым человеком. Я выл, бил кулаками землю:

— Я должен был успеть, должен... — я ненавидел себя: за то, что слабак, за то, что еле переставлял ноги, за то, что падал.

— Егор, ты не мог успеть! Даже, если бы его сразу погрузили в вертушку — не довезли бы. Без вариантов. Насмотрелся я, — Рогожин тяжело вздохнул, присаживаясь на землю рядом со мной. — Если сразу на операционный стол, тогда да, а так без вариантов.

— Командир, а как его звали? — какое-то спокойствие напало на меня. Всё! Кончилась истерика.

— В смысле? — на его лице было удивление.

— Ну, Тунгус — это ведь не имя. А, по-другому, как то и не знаем.

— Антон, его звали Антон.

Потом было возвращение на базу. Я угодил в госпиталь, на неделю, оказывается, был ранен — в руку. По касательной, почти царапина, но эскулапы залютовали и заперли меня. Подозреваю, не обошлось без отцов командиров, да и верно, крыша у меня подтекала конкретно, ещё завалил бы какого — «бородатого». А так хоть успокоился немного. Но вот жалость во мне умерла. Совсем.

Забирая меня от эскулапов на стареньком, выдавшим виды уазике, старший лейтенант Рогожин пытался выяснить моё душевное состояние:

— Как себя чувствуешь, Егор? — рулит, время от времени, посматривая на меня.

— Да нормально, товарищ старший лейтенант! — вздыхаю. — Я сразу себя чувствовал нормально. Рана-то тьфу, кусок кожи содрало!

— С мясом, Егор, с мясом!

— Ой, да сколько там этого мяса-то было? — и тут решаюсь. — Это ведь вы меня в больницу законопатили?

— Так, сержант, что за базары? Ты был ранен, вот и лечился!..

— Товарищ старший лейтенант, ну что вы меня за дурака-то держите? Что я не понимаю... Вы боялись, что я кого-нибудь шлёпну?

Молчит, смотрит на дорогу, потом повернувшись ко мне говорит:

— А ты уверен, что не стрельнул бы какого-нибудь, — крутит в воздухе пальцем, — скажем так «не русского».

Вздыхаю и, отвернувшись к окну, признаюсь:

— Нет, не уверен! Когда Тунгус погиб... я, наверное, не сдержался бы. Увидел бы какую-нибудь бородатую харю... или пристрелил бы, или зарезал...

— Вот! А ты говоришь! — и потеплевшим голосом. — Я понимаю тебя... но ты солдат,

Егор... и дай бог, чтоб это была последняя потеря! Но надеяться на это не стоит... Знаешь, сколько у меня было таких потерь? Только я командир и не могу раскисать, потому что, на мне ответственность за тех, кто жив! — молчит, смотрит на дорогу и молчит, думая о своём.

— Говорят... потом привыкаешь, становишься равнодушной?

— Нет! Каждый раз как в первый... Каждого помню... — лицо командира меняется и из уголка глаза бежит слеза. — Нельзя привыкнуть к смерти... своих ребят! Может, это про врагов сказано? Тут заморачиваться не надо... Сделал работу и пошёл себе дальше...

Сморгнув слезу, какое-то время молчит:

— Ты как? Не пристрелишь кого-нибудь? — с надеждой смотрит на меня.

— Всё нормально, командир, не подведу... Переболел, смирился, теперь не кинусь...

Но и жалости во мне не осталось... Я не подведу! — и, помолчав, добавляю: — На мне ведь ответственность за ребят, что живы...

Рогожин улыбается:

— А как парни тебя ждут! Барана у местных выменяли, шашлык маринуют... Помнишь коньяк, который вы с Тунгусом спёрли у начштаба?

— Помню! — непроизвольно губы расползаются в улыбке. — Мы тогда решили вам свою крутость показать! Ну, Тунгус и предложил...

— Тунгус? А я думал твоя идея!

— Нет, Тунгуса! Очень он хотел вас удивить, вы же для него как бог были...

Оплётка на руле жалобно заскрипела, когда командир стиснул побелевшими, от напряжения, руками руль.

— Я знаю... — и, помолчав, вдруг грустно улыбнулся, — она у меня до сих пор лежит. На дембель вам подарить хотел... Теперь помянем Ваньку и Антона...

Тихий, весенний вечер: горит костёр, тлеют угли в мангале, разносится дразнящий аромат томящегося над углями мяса... Ребята: сидят вокруг костра, старший прапорщик Иванов: колдует возле мангала. Рогожин разлил по стаканам бутылку коньяка. Вышло совсем по чуть-чуть, что такое пол литра на десять человек... Встал и, прокашлявшись, начал:

— Все знают происхождение этой бутылки? — парни грустно улыбаются, конечно, эту историю знают все. Ведь нашу добычу рубали всем коллективом! Командир качает головой:

— Эх, не так она должна была быть распита... — и, поперхнувшись, севшим голосом продолжил: — Егор, Саня, может вы скажите?

— А можно я спою? — неожиданно предложил Саня. — Песня тут родилась...

— Я не против, песня это хорошо...

Сашке подали гитару, проведя пальцем по струнам, он начал:

— Простите если не слишком складно — уж как смог...

У могильной плиты, на потёртой скамье,

Грустный парень сидит и вздыхает.

Он почти что седой, хоть и сам молодой

Слёзы скорби с лица вытирает.

Что ты плачешь пацан молодой,

Или кто-то близкий, родной под могильной землёй?

Мать любимая или отец,

Дорогая сестра или брат-сорванец?

Да! Ответил боец молодой,
Близкий, родной человек под холодной землёй.
Я его никогда не любил,
Он и в детстве всегда меня бил,
Но пришлось нам вместе служить,
На не нужной войне рядом быть.
Он и здесь меня задирает,
А потом между мною и смертью он встал.
В этот проклятый день, в бой мы рядом пошли,
Автоматы в руках, тяжкий груз на душе.
Грохот взрывов и посвисты пуль,
Это наша судьба и с неё не свернуть.
Грохот взрывов и посвисты пуль,
Это наша судьба и с неё не свернуть.
Сквозь прицел меня враг отыскал,
И свинцовую смерть в грудь мне послал.
Он увидел её и собой заслонил,
Жертву крови за жизнь заплатил.
Он увидел её и собой заслонил,
Жертву крови за жизнь заплатил.
У меня на руках умирал,
Лишь одно я ему повторял:
Я тебя никогда не любил.
Помнишь в детстве всегда меня бил?
Но пришлось нам вместе служить,
На не нужной войне рядом быть.
Ты и здесь меня задирает,
А теперь между мною и смертью ты встал.
Ты и здесь меня задирает,
А теперь между мною и смертью ты встал.

Голос становится тише и с последним аккордом замолкает. Проведя последний раз по струнам, Саня упирается лбом в гитару и молчит. А может тихонько плачет? Не знаю... Я вытер набежавшие слёзы и посмотрел по сторонам... Кому соринка в глаз попала, кто что-то рассматривает на земле, низко опустив голову...

В огромном, шикарно обставленном кабинете, развалившись в удобнейшем кресле, сидел импозантный мужчина с бокалом дорогого коньяка в руке. Внешне довольно сложно определить его возраст, но навскидку не более сорока. Просто привычка следить за собой, позволяет поддерживать прекрасную физическую форму. Отхлебнув маленький глоточек, он обратился к своему другу и по совместительству начальнику СБ. Пётр Олегович Битаров сидел в кресле напротив и с задумчивым видом дегустировал коньяк.

— Письмо пришло от нашего обормота, — слегка улыбаясь, произнёс Анатолий Анатольевич Милославский.

— Да ты что? Когда? Толя, ты чего молчал? И вообще, почему я не в курсе? — встрепенулся тот.

— А оно два дня назад пришло, ты тогда ещё в Питере по девкам бегал, — смеётся хозяин кабинета.

— Да ну тебя! Ты же знаешь, что я вопросы решал. Что пишет хоть?

— Ты понимаешь, Петя, ничего нового. Скучно ему, видишь ли, — улыбается Милославский.

— А тебе не скучно? — ехидно вопрошает человек, по сути, являющийся вторым отцом парня о котором идёт речь. Не имея своих детей, мужчина перекинул всю нерастраченную любовь и нежность на сына своего единственного друга, а в прошлом и командира. Судьбы этих трёх людей были настолько плотно переплетены, что они стали одной семьёй.

— Скучно, — кивает Анатолий Анатольевич. — Но знаешь, стало спокойней... Там-то намного меньше шансов, что его убьют... Ведь постоянно от охраны сбегал, гадёныш.

— Да уж... Это как мне пришлось постараться, чтоб его подставить, — Пётр Олегович качает головой, — но ребята сделали всё убедительно.

— Это да. Ты им премию выписал, надеюсь?

— Конечно. Ведь если бы не артистизм моих агентов, хрен бы мы Егорку в армию спихнули. Свалил бы куда-нибудь. Пока бы нашли... а он бы опять. Да хоть с поезда спрыгнул, ты ведь его знаешь, упёртый как ты!

— Да-а-а... Аж стыдно немного, такие глаза у него были... Как у побитой собаки, — отец тяжело вздохнул. — Ерепенился, но вину чувствовал... Вот и поехал. Ну да ничего, потом повинюсь, главное, что его никто не достанет. А точно не найдут? — неожиданно заволновался он.

— Точно, точно. Всё схвачено. По документам его отправили в тайгу, но по дороге к нему наш человек подошёл, должен был голубым беретом поманить. Сам понимаешь, уж кто-кто, а твой сын всяко повёлся бы. Но наш парень как всегда отличился и успел напиться на пересыльном.

В этот момент Милославский неодобрительно покачал головой, но только тяжело вздохнул, промолчав: горбатого только могила исправит. Тьфу-тьфу.

— Так вот напился и наблевал там на майора, — продолжил рассказ начальник СБ, — сам понимаешь, дело стало ещё проще. А там учебка, которую курирует ГРУ. И адрес у неё липовый, всё как всегда, через седьмое колено коридором. Заодно и дисциплине парня подучат, да и драться наконец-то тоже. А то грех сказать, мужик, а боится, что фейс подпортят... — мужчины весело засмеялись.

— Так погоди, а его от туда точно ни в какую «горячую точку не пошлют», — вновь заволновался отец.

— Прикалываешься? Он пять языков на отлично знает, ещё несколько понимает. Никогда не поверю, чтоб ГРУшники его дальше штаба пустили. Вот ты бы что сделал?

— Я? Хм... Посадил бы на переводы пока срочник, а потом попытался бы на контракт развести. Короче сидел бы в секретке... Но такого ценного кадра близко бы к оружию не пустил, задабривая по-всякому и обещая золотые горы.

— Вот и я о том, товарищ полковник, — заулыбался Пётр Олегович. — Но самое главное дисциплина там ого-го! Не таких обламывали. А то наш парень точно бы что-нибудь отмочил, и никаких денег не хватило бы отмазать.

— Да понятно это всё. Всё же докатиться до такого идиотизма, чтоб забивать электронным микроскопом гвозди, надо постараться... Но ты же сам понимаешь, беспокоюсь я. Хотя умом понимаю, а беспокоюсь... Не приспособлен Егорка к такой жизни,

избаловали мы его. И ты в том числе...

Битаров сокрушённо развёл руками. Вроде как: виноват, а что делать? По сути: мужчины вечно занятые делами, не могли уделять много времени воспитанию. Вот и упустили парня. А наказать по-настоящему рука не поднималась, ведь Егор так похож на маму... Которую оба безумно любили, один как жену и женщину, а второй как старшую сестру, которой у него никогда не было. Оба детдомовские, воспитывавшиеся вместе, только Анатолий старше на шесть лет. Так уж вышло, что все функции старшего брата выполнял он, защищал и оберегал. Вначале не давая в обиду малыша, потом в школе и наконец, поспособствовал тому, что уйдя в армию, Пётр попал в его группу, так что обычную срочную он не служил, попав сразу же в цепкие лапы ГРУ. К тому времени двадцати четырёх летний Анатолий, замеченный спецслужбами ещё в институте и переведённый с третьего курса в спецшколу, был уже старшим лейтенантом. Имел орден Красной Звезды и беременную жену, которая и заняла место старшей сестры в преданном сердце Петра. И как бы это странно не было, но воспринимать эту очень красивую женщину по другому, иначе, чем сестру, он не мог.

Но вот в девяносто втором году, когда Егору исполнилось семь лет, мужчины находящиеся в командировке получили сообщение, что Елизавета похищена вместе с сыном. Для её спасения требовалась самая малость... Предать Родину...

То, чего полковник Милославский и капитан Битаров сделать не могли. Ибо майор Милославская никогда бы не простила их за это, да и поверить в то что заложников оставят в живых было трудно. Поэтому в течении двух дней был насмерть запытан один высокопоставленный чиновник и помножено на ноль ещё некоторое количество чинуш и бандитов рангом помельче. Но место где держали заложников, было найдено. Милославский всегда умел окружить себя преданными людьми.

Это был загородный дом одного из партийных бонз, уже во всю приступившему к распилу... И всё бы было хорошо, куда каким-то там бандитам против настоящих профи... Но вот кто-то их слил. И бойцов спецназа встретил шквальный огонь... А потом когда стало ясно, что профи всё же дают превосходящих им числом противников, прозвучал взрыв...

Надо ли описывать, что испытывали в тот момент друзья, потерявшие всё, что им было дорого? И кто его знает, как повернулась бы их судьба и что они сделали, если бы не Сашка Развозжаев.

— Товарищ полковник, там один живой. Грохнуть хотел суку, а он говорит, что знает, где малец!

— Что? — равнодушно спросил Анатолий, не осознавая, что происходит.

— Я говорю, нет здесь Егора, вчера увезли. Подстраховаться решили, в лесу он в сторожке...

Тело Лизы нашли в подвале дома, обгоревшее до неузнаваемости. Только по часикам и браслету, с серёжками и смогли опознать. А Егор? Что Егор? Конечно же, освободили, что такое четыре охранника против злых как черти спецов? Да ничего.

А вскоре Анатолий и Пётр покинули службу, не желая служить новой власти. Однако имея прочные связи и преданных людей — очень быстро, заняли высокое положение в новом мире...

Вынырнув из болезненных воспоминаний, Пётр Олегович глотнув коньяка с тоской произнёс:

— Да понятное дело, пороть надо было... Но как посмотрю в его глаза, так Лизу вижу...

— Да, Петруха, не сберегли мы...

Мужчины замолчали, грустно глядя друг на друга, потом синхронно допив остатки коньяка, посидели немного, и вновь наполнив бокалы, продолжили свой разговор.

— Нет. Правильно мы поступили, Петя. Это же охренеть можно, пока Егора нет уже два покушения!

— Три.

— Что три?

— Три покушения.

— А я, почему не в курсе, — удивился Милославский.

— Теперь в курсе. Мои парни не зря твой хлеб трескают, как раз пока я в Питере был, взяли на подготовке... Сейчас в подвале прессуют, кто и чего...

— Думаешь, узнают?

— Сомневаюсь. Да и что могут знать эти шестёрки?

— Премию ребятам не забудь!

— Да уж как водится...

Вновь помолчали, раздумывая о превратностях судьбы.

— Что психологи говорят? — задал очередной вопрос хозяин кабинета.

— Всё по-старому. Говорят, что письма пишет вполне спокойный и уравновешенный человек, может слегка уставший и неудовлетворённый, но для солдата это нормально. Прикинь, уравновешенный!? Это Егор то? Нет. Однозначно, армия ему на пользу идёт! Конечно, если в письмах прорежется паника, а она прорежется, если ему будет светить что-то опасное. Тогда конечно озаботимся. Ты же знаешь своего сына? Признай, трусоват он...

— Что есть, то есть, — соглашается отец. — Ещё есть, какая информация?

— Да вроде ничего такого. Конверты по всем признакам вскрывают. В тексте никаких подробностей, все признаки секретной части. Если и не на бумагах, как пишет, то точно охраняет объект какой-нибудь. Тут ведь самое приятное, что Егор не там где по документам... А возле той части, где он якобы служит, наши ребята пасутся. Ну, да ты в курсе, что двоих уже взяли...

— Да. Ты говорил. И тоже глухо?

— Глухо. Под репортёров маскировались, типа за экологию борются.

— Угу... И что?

— Они в округе шастали, подходы искали... Причём репортёрами они оказались самыми настоящими. Вот мы их и отпустили, мало ли, вдруг заказчики прорежутся? Но пока глухо... Но польза несомненная есть!

— В том, что наши «доброжелатели» уверены, что Егор там?

— Да! Заметь письма то тоже через эту часть идут, я потому эту учебку и выбрал.

— Эхе-хех... Жаль, что нельзя узнать, что и где Егорка... Мигом спалимся. Стоп, а он случайно не в этой части? А то может, мы сами себя перехитрили?

— Да нет, — засмеялся начальник СБ. — Я же из дома звоню регулярно в часть, там Серёга Ремизов рулит, ну да ты ж его знаешь! И хоть линия защищённая, он по честному рассказывает, как там Егор служит...

Мужчины довольно засмеялись. А что? Егор в безопасности. Враги в неведении, а уж найти и разобраться с ними дело времени.

— Я вот что думаю, — Милославский потёр подбородок и задумчиво поинтересовался: — А если Егор действительно контракт подпишет?

— И что? Для тебя это проблема?

— Смеёшься? Мне контора должна как земля колхозу, сына уж точно вернут, — засмеялся бывший полковник ГРУ. — Но вот если он сам захочет? Что тогда делать будем?

— Хм... Толь, а может по мере поступления? В конце концов, это будет поступок! Чего я от твоего сына ну никак не ожидаю. Мне кажется, он дни считает до дембеля. Там ведь баб нету, а это такой аргумент, что никакие золотые горы не перевесят. Да и какие там могут быть горы? Он за вечер на баб может спустить больше, чем иной генерал за месяц зашибает...

— Ну, давай выпьем, — улыбающийся Милославский поднял бокал. — За то чтоб два года быстрее пролетели, и мы наконец-то, нашли того, кто так сильно хочет умереть!

ГЛАВА ПЯТАЯ

А у меня появилось «погоняло». Сам виноват: ведь наш разговор с Рогожиным, тогда — во время боя, кто-то из парней «подслушал». И я стал Мажором. Хотя почему бы и нет, как это ни странно, но негативного окраса здесь не присутствует. Даже оттенок некоторого уважения: я здесь — с ними... Так что пусть будет!

Ведь я уже никогда не стану прежним и не смогу смотреть на жизнь так же, как раньше. Как там поётся в песне? «И мы убивали, и нас убивали...» Все! Мы все изменились: уйдя на это проклятое задание мальчишками — вернулись солдатами... переступив невидимую черту. Убивая спящих бандитов и теряя боевых товарищей сложно воспринимать мир, как раньше. А так же стали палачами: запытав насмерть Аслана. Именно палачами, а не убийцами. Ибо это была кара! Заслуженная кара!

И теперь никто не назовёт нас «зелёными». И самое главное: что никто не струсил и не смалодушничал. Вот и офицеры бригады ВДВ, к которой мы были приписаны, посматривали в нашу сторону с толикой уважения. И работа стала более серьёзной, мы больше не страдали ерундой, а занимались настоящим «поиском». Сутками шерстили леса в поисках боевиков и находили... Устраивали засады, но в основном тихонько вырезали спящих или наводили на бандитов более крупные силы, если их было слишком много. Но такое было только пару раз.

А со мной стали происходить странные вещи. Например: идя по тропе, я замер, от странного ощущения. Налетевший на меня Санек зашипел:

— Ты чего замер? Так и убиться не долго!

— Не знаю, Сань. Странное ощущение... — приседаю к земле. В шаге от меня, в лучах заходящего солнца, блеснула проволока. — Растяжка! Мать её!

Обезвредив одну, я таким же образом, почувствовал ещё две. Где-то рядом враг! Мои ожидания не обманули. Дозор бандитов мы заметили раньше, чем они нас — двигались-то почти ползком.

Отправив Саню назад к командиру, не трогая дозор, тихонько пополз на разведку. Контрабандисты! Скорее всего, наркотики, хотя, кажется, оружие тоже везут.

Рогожин решил действовать по отработанной схеме: дожждаться пока уснут и в ножи. А что? Арестовывать их что ли? Помню: командир, как-то сказал, что уважать себя перестанет, если начнёт надевать на мразей наручники. Да и кто нас упрекнёт? Кончим этих, наркоту сожжём, оружие взорвём или, в крайнем случае, закопаем... Всё равно, не за деньги работаем — за идею. Свою идею — убить как можно больше бандитов. Тогда у них не будет шанса: отмазаться и вернуться... А для того чтоб показать, что мы работаем, хватит и тех, кого расстреливаем из засад...

Окружив стоянку, сняли часовых, не единым звуком не выдав себя — начали! Страшен спезназ в своей слаженной работе... Бесшумные тени метнулись в ночи, раз и девять человек отправились на тот свет!

— Твою мать! Ты что, охренел? — недовольный командир, сурово нахмурившись, смотрит на Саню. Тот же, как нашкодивший котёнок, опустив голову, молчит. — Я жду объяснений!

— Виноват!

— Это я и без тебя вижу! Может, тебя тоже на недельку в госпиталь: нервы подлечить?

— Но я ведь не раненый?

— А я тебе сейчас в нос дам и будешь раненый! Ты сколько раз в этого ублюдка нож воткнул?

— Не знаю, — Санек всё ниже опускал голову, чувствуя свою вину.

— Посчитай.

— Может не надо? — без всякой надежды интересуется Сашка.

— Считай! — командир не умалим.

Тяжело вздохнув, подходит к окровавленному труп, пытается посчитать нанесённые им же ножевые ранения. Но в том месиве, что представляет из себя грудь и живот жертвы, трудно что-то разобрать. По крайней мере, в свете луны точно. Вынув нож, разрезает одежду и считает:

— Двенадцать.

— А должно быть?

— Одно.

— О как! — Рогожин качает головой. — И откуда остальные?

— Виноват. Такого больше не повторится!

— Конечно. Если повторится, я тебя комиссию...

— Командир!

— Заткнись! Мне психи не нужны...

Чуть позже, когда мы уже закончили все дела и, покинув место расправы, устраивались на ночь — командир сказал мне:

— Смотри за ним! Парень на грани: или справится, или с катушек слетит, а отвечать мне! Ты ведь не хочешь, чтоб мне прилетело?

— Нет, конечно!

— Вот и хорошо!

— Командир, да что такого случилось? Он же его сразу убил, нам бы это не повредило. Пусть пар спустит!

— Дурак! Он должен выполнять работу, пусть грязную, но работу. А не творить свою личную месть. Что будет, если он привыкнет спускать пар именно так? А? Ты об этом подумал? Это путь вниз, Егор, вниз! Видел я такое, — проводит рукой по лицу сверху вниз, а в глазах боль, — один хороший парень вот так же зверел понемногу... Получил приказ «в расход» и вместо того чтоб, ударить фашиста в сердце, в живот несколько раз... Я тогда не придал значения, не одёрнул... — Рогожин прикрыл глаза, вспоминая что-то... Потом, покачивая головой, продолжил: — А закончилось всё тем, что он вырезал целую семью! Так что смотри, Егор, смотри. Сашка уважает тебя, помоги ему, у вас общая беда, а это сближает... Я тоже постараюсь! Вместе спасём парня...

— А может правда: комиссовать! — слегка сбитый с толку эмоциональной речью командира, брякнул я.

— Нельзя! Просто поверь мне... А вот если справится, как ты, тогда можно... Но уже не надо будет! Так что? Присмотришь?

— Да!

Не скажу, что за Сашкой пришлось сильно присматривать, похоже, терапия «доктора Рогожина» помогла. Видимо, посмотрев на дело рук своих, он что-то понял... Но сдружились мы крепко, действительно, общая боль сближает... Он даже на новеньких

перестал смотреть волком. Что? Я не сказал, что у нас появились новички? Действительно! Ну что ж, будем исправляться!

Новеньких звали: Олег и Пётр, и появились они весьма неожиданно — через неделю после того как меня выпустили из госпиталя.

Как я понял, они поймали Рогожина где-то по пути из столовки в нашу казарму. Тоже верно! Сытый офицер завсегда добрее голодного. И начали уговаривать: взять их в нашу команду. Командир очень вежливо послал их... зато подробно! Только парни оказались настырными, и на третий день, Рогожин по доброму (сытый ведь) дал им по разу в пузо, и пошёл дальше. На четвёртый день всё повторилось и на пятый, а вот на шестой командир сдался:

— Ну ладно, хрен с вами! Показывайте свои таланты! Но учтите, у вас одна попытка! Докажите, что можете быть полезны — возьму...

Проводить же показательные выступления привёл к нам, чтоб присмотрелись... Для начала: Олег согнул лом!!! Вот это силища! Рогожин сказал: «Молодец». И разогнул железяку. Офигеть! Потом Олежка начал стрелять из пулемёта, и тут командир растаял...

А вот Пьеро?! Хм... Оказался студентом медиком: взял академ и рванул в армию. И когда он сказал, что может зашить и даже пулю достать... Командир наотрез отказался его брать! Дескать, не его это дело людей убивать! Вот только...

— Товарищ старший лейтенант, убьют меня бандиты или нет — неизвестно, а вы точно покалечите!

— Я? — если сказать, что Рогожин удивился, значит промолчать.

— Вы! Если каждый день получать под дых, то рано или поздно вы что-нибудь мне отобьёте! — абсолютно серьёзно заявил Петька.

— Тьфу ты! Ну, зачем тебе это надо? Ты же будущий врач! Я вообще не понимаю, как ты здесь оказался!? Ты людей лечить должен! Иди отсюда, а то твоему командиру пожалуюсь, из нарядов не вылезешь!

— Не пожалуетесь!

— Почему это?

— Из-за них, — кивает в нашу сторону, — мы про вас узнавали: вы на всё готовы ради своих парней, а значит, не откажитесь дать лишний шанс выжить...

— Я тебя ненавижу!

— Значит берёте?

— При условии, что вы, два придурка, внятно объясните, зачем вам это нужно. Если соврёте, вам здесь не место!

— Мужики, вы лучше не врите, — Балагур, как всегда, в своём репертуаре, — и давайте с подробностями...

— Быстров! Ты меня достал!

— Виноват!

— А ладно, — и уже новичкам: — Давайте, колитесь!

М-дя... Ничего в этом мире не меняется... Все глупости, которые совершают мужики, из-за женщин. Хотя и подвиги в основном тоже. Короче: Олег и Петька — два друга. Вместе с самого детства: ходили в один садик, учились в одной школе. Вот только в институты разные поступили. Петька мечтал стать врачом, а Олег любил возиться с железом, кстати, в свободное время подрабатывал кузнецом, за что и получил погоняло — Молот.

Тут и начинается самое интересное, на одной из студенческих вечеринок парни

познакомились с девушкой — Надей. И оба втрескались в неё по уши. Но как настоящие друзья ссориться не стали, а справедливо решили предоставить выбор ей. Вот только выбор сделать оказалось не просто. Оба высокие, крепкие и симпатичные парни, из приличных семей. Вот и мыкались втроём. В конце концов, ребятам это надоело, и они предложили сделать выбор...

И вот тут-то Надя и поведала им, что любит обоих и никак не может решить, кого больше! Но одно она знает точно: её избранник должен быть настоящим мужчиной, Героем с большой буквы! Ну, там ребёнка из проруби вынуть или из пожара кого спасти... Может я и утрирую, но уверен, что не намного! Иначе, зачем эти два пентюха пошли служить в армию? Естественно в ВДВ, ну где ещё самые настоящие мужчины (вот тут спорить не буду). Теперь понятно, зачем они к нам рвутся. Тут или голову сложишь, или медаль какую-нибудь точно дадут. Ну, надеюсь. Я бы тоже не отказался вернуться домой и показать отцу...

Рогожин долго плевался, матерился и грозил карами, если кто-нибудь вылезет вперёд без разрешения... Короче взял!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

А со мной продолжали происходить разные странности, вовсе не закончившиеся тем, что я начал ощущать опасность. Причём, с каждым днём всё лучше и лучше... А тут ещё и это!

— Бойцы! У нас нарисовалась задница! — старший лейтенант Рогожин прохаживался вдоль строя.

— Командир, она хоть симпатичная? А то кругом только страшные и волосатые... — Вовка-Балагур, как обычно, внёс свои пять копеек.

— Быстров! Опять ты! — Рогожин тяжело вздохнул. — Опять шутишь, и снова не смешно! Ну, ничего, вернёмся, на кухне будешь шутить... два раза. Ясно!

— Так точно!

— Вот видишь, мои шутки куда смешней, — обводит взглядом строй. — Как думаете парни?

— Сто пудово командир... Ещё бы... Смешней не бывает... Хоть пару дней отдохнём... — в голос согласились мы.

— Значит так, бойцы! Ситуация такая! Вон там аул, — показывает рукой куда-то в сторону холма, — в нём бандиты. Предположительно от десяти до пятнадцати человек, — снова вздыхает и качает головой, — сложность в том, что в селе полно гражданских. А может и бандиты уже гражданские, поди сейчас разберись...

В глазах командира тоска. Да и нам не весело. Мы же тренировались, как? Подошёл! Гранату в окно и в дверь ещё одну, потом пару очередей. Заходим! Мы, мать его, диверсанты... Это нифига не наша работа... Не учили нас этому!

— Наши гнали большую банду: прорвавшись через блокпост, бандиты разделились — разбежавшись по аулам. Сейчас наши прочёсывают всё что можно... В одном из посёлков произошёл бой. Вместе с блокпостом: семь человек скоро полетят домой... в гробах... Так что предельная осторожность. Страхуйте друг друга, на рожон не лезете. При малейшей попытке сопротивления огонь на поражение. И запомните, если какая-то тварь выбегает и хватает вас за руки — это ни хрена не друг! И миндальничать с ней не нужно. Потому как, возможно, где-то сидит враг и целится в вас. Прикладом в зубы и стригите поляну! Если придётся, сам за всё отвечу, но вы мне живые нужны, — слова вылетают с ожесточением, кулаки стиснуты: — Слышите?! Живые!

Я не выдержал:

— Командир, проблемы будут! Всякие общечеловеки набегут!

— Отставить! Милославский, тебе Тунгуса или Ивана мало? Вы вон до сих пор не новеньких косите, как будто они в чём виноваты! Сказал, валить за малейшее подозрение, значит валить: кого прикладом в зубы, а если оружие в руках — сразу пулей. Топор тоже оружие, учтите... Сам за всё отвечу, если будет нужно...

Постоял, покачиваясь с пятки на носок:

— Всё понимаю! Всё! И то, что меня подставлять не захотите и самоуверенности полные штаны. Ох-хо-хох! Пойдёте тройками, смотрите во все стороны, новенькие со мной.

Получив вводную, начали выдвигаться:

— Милославский, ко мне! — подбегаю, встаю по стойке смирно, отдаю честь.

— Сержа...

— Отставить! Чего пыжишься? Думаешь, не доверяю — раз новеньких не дал? — приблизившись к моему уху, прошептал. — Доверяю, поэтому пойдёшь с Саней. Присмотри за ним, как бы чего... Ну и Быстрова возьми, он боец толковый. Ему бы ещё язык подрезать. Ох-хо-хох!

— Понял, командир! Всё сделаю! И это... — я слегка замялся.

— Что ещё?

— Это... Извините...

— Замяли, иди уже...

Вот и идём, обыскиваем дома, страхуем друг друга. Паскудство! Куда ни глянь: добропорядочные граждане, бандитов в глаза не видели. Руки так и чешутся, взять за плотку и потрясти, как следует...

— Мажор! — тихий шёпот на грани слышимости. Поворачиваюсь, Балагур прикладывает палец к губам. «Тихо!!!»

Подхожу к Вовке, что-то разглядывающему в щель между створками ворот. Шепчет:

— Командир. В углу двора. Телега. Под ней люк.

— С чего взял?

— Баба оттуда вылезла, и что-то говорила вниз...

— Схрон?

— Сто пудов.

— Пусти посмотреть, — отходит, пуская меня к щели. — Так, всё ясно. Заходим, Мелкий направо, паси дом. Балагур, на тебе тыл. Я к люку. Вперёд!!!

Вовка становится спиной к забору, складывает руки в замок. Саня разбегаётся... И как из катапульты взлетает вверх. Млять?!! Вместо того чтоб заскочить на забор, оглядеться и потом спрыгнуть вниз, лёгкий Саня перелетел его! С запасом!!! Конечно, Вова привык подкидывать слонов и гиппопотамов. Вот и получился незапланированный полёт и такое же приземление. Всё! Теперь вся округа в курсе! Грохоту было!..

Стою посреди двора, как дурак, и не знаю, что делать. Саня умудрился, приземляясь, зацепить какие-то черепки. Теперь ни в дом, ни к люку. Пойдём в дом?.. Эти могут вылезти. К люку?.. А если, в доме кто-нибудь есть? Всё же... Если бандиты спрятались, то они в схроне. Его в тылу не оставишь. А дом и так припасти можно. Парни стерегут ворота и дом. Я тихонько подбираюсь к люку.

Подхожу к телеге и собираюсь заглянуть под неё... Тут из дома выскакивает беременная баба и начинает голосить: «Пошли вон, пошли вон». Ага, шнурки погладим и уйдём! Мы с Вованом припали к прицелам, пока Саня воевал с этой полоумной. Это было бы смешно, если б не было так грустно. В схроне точно прячутся. Родственник — иначе эта шальная не выскочила бы. Саня очень аккуратно заломил ей руку. И подтащил ко мне.

— Слышь!? — я приблизил к её перекошенному лицу своё. — Кто там? Муж, брат, сын? Скажи, пусть выкидывают оружие и по одному выходят.

— Нет там никого, убирайтесь...

Я перевернул телегу, выпустил короткую очередь в воздух:

— Всё слышали, суки? Считаю до трёх, не выйдете, зах...ю гранату. И тварь вашу грохну, как пособницу...

Это так, для красного словца. Не думаю, что в тот момент, я был готов убить

беременную бабу.

— Раз... Два... Три... Ну, всё твари... прощайте...

— Стой, русский, стой! Не стреляй, мы выходим...

Крышка люка, откинулась... Дохнуло опасностью, я напрягся... Вылетела граната!!! В каком-то нечеловеческом прыжке, подхватываю её в воздухе и назад... Сюрприз!!! Громыкнуло знатно, оборонительную швырнули гады... Нас бы тут всех посекло. Херня какая-то, они и родственницу свою приговорили, а может и не родственница она им, теперь-то не узнаем. Женщина тихонько скулила, да и фиг с ней...

— Как думаете, мужики, ещё надо гранату бросить? Ну, чисто подстраховаться?! — меня слегка поколачивало, от адреналина.

— А чего нам фарша бояться?! — заметил Санек.

— Хи-хи... Ик... — вот и Балагур, что-то не шутит совсем?..

— Спускаться, проверять всё равно придётся.

— А кто ползет? — Саня задумчиво смотрит то на меня, то на Вову.

— Ну не я, точно...

— А почему?

— Я командир.

— Уважительная причина...

Отходняк, однако... Расслабились, а зря! Во время лёгкого обсуждения тяжёлого вопроса, я оказался спиной к дому. Непростительная оплошность. Зрачки глаз Сани расширились, повеяло смертью. Опасность! Вскидывая автомат, начал разворачиваться. Не успел! Автомат Санька пропел свою песню...

В дверях дома заваливался набок пацан лет тринадцати... Выпавший, из ослабевших рук, «калаш» валялся рядом.

— Млять! — присмотрел, называется, чтоб чего не вышло. Тут за самим глаз да глаз нужен!

Женщина взвыла дурным голосом и бросилась к мальцу.

— Хреново как-то вышло! — Саня поднял глаза к небу. — Ребёнок совсем...

— Успокойся, взял оружие — значит взрослый! — вот ведь, он ещё от гибели своего напарника не отошёл. А тут такое!

— Егор, дай сигарету. Пожалуйста! — пока идёт операция курить нельзя. Но тут такое дело...

— Конечно, держи. Иди, вон на брёвнышке посиди, а мы закончим. Вова, лезь вниз.

Матерясь, на чём свет стоит, недовольный Балагур полез в схрон. И, правда! Не мне же лезть, я командир или как? И тут нахлынуло... Что?.. Это?.. Такое?.. Уже намного позже я разобрался, что это было. Ненависть, месть! Желание убить!!! А сейчас меня накрыло что-то неизведанное. Плохое!!! Я начал метаться. Что это?.. Что?.. Женщина?! В тонких руках автомат, лежавший возле трупа её сына. Раззявы! Дуло почти смотрит на Саню. А тот, прикрыв глаза, курит, не замечая ничего. Время замерло. Что есть силы рву автомат вверх. Воздух, как кисель, неохотно расступается под напором холодного, бездушного метала. Я чувствую, как мышцы рук рвутся от напряжения, пытаюсь обогнать смерть. Быстрее!!! Я вижу, как палец напрягается на курке. Быстрее!!! Пока не выбран свободный ход. Я начал стрелять за мгновение до того, как прицел моего оружия достиг её ног. Пуля, выпущенная мной, достигла голени женщины. Стая свинцовых ос рвало её тело, впиваясь всё глубже. Поздно, её автомат уже изрыгает смерть... Мои ноги подкашиваются, руки выпускают

автомат... Земля рывком, поднимается вверх... Спасительная темнота...

Тишина и покой. Хорошо-то как! Никаких забот. Всё хорошо. Ничего не болит... Не болит?! Болит! Ещё как болит! Всё тело! Больно-то как! Почему? Почему больно? Я жив! Наверное... А Саня умер!!! Мой друг, боевой товарищ... Умер... Он ушёл к Ваньке... И Тунгусу...

— С-а-а-а-а-аня!!!

— Не ори! Тут я...

Яркий свет ударил по глазам. Пытаюсь прикрыть лицо рукой. Хорошая попытка, жаль неудачная. Всю руку скрутило от жуткой боли.

— Не дёргайся, на тебе живого места нет.

— Я что, тоже умер?.. — я наконец-то приоткрыл один глаз. — Справа от меня сидел Санек и курил, без каски, но с забинтованной головой.

— Что значит тоже? Я вот вполне живой и даже почти здоровый. Так, слетевшей каской ухо поцарапало... — пожимает плечами.

— Как?! Я же видел, она точно в тебя целила! — шевелить руками больше не пытаюсь. Только слегка повернул голову, уже хорошо, шея не болела...

Саня затянулся, выпустил струю дыма:

— Наверное. Я не видел, — смотрит мне в глаза, — Балагур сказал, что ты не мог успеть... Но успел...

Молчит, смотрит на меня и молчит. Ждёт чего-то? Чего? Я точно знаю, что опоздал... Если только... Хм!? Может быть!? Теоретически конечно... Возможно, первая пуля была ещё в стволе, когда мои выстрелы... Да!!! Я всё же успел! Сбил прицел! Невероятно, но другого объяснения я не вижу. А и чёрт с ним. Главное — Санек живой!

— Чего молчишь?

— А что говорить? — недоумеваю.

— Как ты смог ускориться?

— Чего? Ничего я не ускорялся... Не говори ерунды — это фантастика!

— Ну да, ну да... Ты на руки свои посмотри, они же синего цвета — один большой синяк!

Я скосил глаза, на свои руки... М-дя!? Действительно, одна большая гематома. Млять! В госпиталь законопатят, как пить дать законопатят! Я застонал...

— Да не бойсь, — Санек последний раз затянулся, потушил окурок и втоптал каблуком в землю, — Степаныч обещал без мясников вылечить: мазь у него душевная есть. За неделю всё пройдёт...

— Хорошо бы... А где все? — я наконец-то решил оглядеться. Лежу на земле, возле нашего ЗИЛа, в тенишке.

— Бандитов зачищают.

— А что так тихо?

И тут бабахнуло! Конкретно так, громко! Саня схватился за рацию, начал что-то бубнить. И довольно улыбаясь, повернулся ко мне:

— Всё путём! Наши озоруют... — присел рядом со мной, — спасибо, Егор!

— За что?

— Что жена вдовой не стала... За то, что себя не жалел... Что слово, данное Ваньке, не нарушу... За всё спасибо...

Полез в карман, достал сигарету, прикурил... Хм. А сигареты-то мои курит!

— Саня, ты же не куришь!?

— Закуришь тут...

— Тогда уж и раненому товарищу прикури...

— Ты же бросаешь!?

— Бросишь тут...

Ну что же, попытаюсь рассказать, чем закончилась эта история: хотя бы в общих чертах. Парни нашли в одном из подвалов, не хилый запас взрывчатки, гранат и оружия. Как я уже упоминал, народ у нас подобрался загадочный. Быстро посоветовавшись Степаныч, Андрей, Марат и примкнувший к ним Балагур перетаскали всё взрывающееся в уже разрушенный подвал. Скинули туда трупы — женщины и парнишки. И рванули... Да. Тот самый взрыв... И пошли сдаваться Рогожину.

Ух, и орал он на них... Так разозлился, что дал Степанычу в ухо. А парням впаял по пять нарядов. Спросите, почему прапорщику прилетело в ухо? Ну, дык он же старший... А разозлился старший лейтенант потому, что его не позвали... Обиделся...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

А вскоре произошло событие, давшее нашей дружной компании имя. Точнее не само событие, а его последствия. Да и причина, и активный участник — Саня, тоже сменил своё прозвище Мелкий, на... Но давайте по порядку!

После зачистки аула, в котором чуть не погиб Саня, я целых четыре дня ходил с синяками на руках. Не верится, но крайне вонючая мазь Степаныча помогла. И синяки уже на второй день изменили свой цвет и начали уменьшаться. Всё это время, Саня ходил с крайне загадочным видом и, наконец, выдал:

— Братва... Мы спецназ или кто?.. — выдерживает многозначительную паузу. — Почему у нас нет своего отличительного знака?..

— Ты о чём?..

— Нам нужна своя татуировка!..

— А я вот не хочу никакую татуировку!.. — Олег нахмурился. — Понты всё это!..

— А тебе, салабону, никто и не предлагает... Заслужи сначала...

— Что значит заслужи?.. — обиделся новичок. — Я что не достоин, да? Братцы, что вы молчите... Вы же знаете... Да я за вас... Да любому...

— Достоин, достоин... — похлопал парня по плечу Санёк, — можешь наколоть, никто не возражает!..

Вот ведь молодец Саня, развёл... Не хотел ведь Олег, а теперь попробуй, останови... Я, если честно, тоже не сторонник подобных украшений:

— Александр, не могли бы вы озвучить своё предложение: поконкретней?

И он озвучил... Народу понравилось... Я плюнул на принципы и вписался. А что, Марат художник от бога, нарисует глаз не оторвать... Но, как известно инициатива имеет инициатора, поэтому за спиртом к медикам отправили Саню. Нужна дезинфекция: климат здесь такой, что гниёт любая царапина...

Напрямки, через лесок, было совсем не далеко, и через полчаса Саня уже подходил к месту назначения. Тропинка петляла среди кустов, как будто её прокладывал пьяный заяц. Вот уже виден дом, на крыше которого сидят двое солдат и чего-то делают. Может ремонт? Впереди пустое ровное пространство. «Если воткнуть здесь растяжку, положит всех без вариантов. Прицепить повыше и всё: ни бугорочка, ни ямки. Спрятаться негде... — думал Саня, — вот ведь, совсем уже крыша едет, зачем мне здесь растяжку ставить?»

Шёлк... Отлетела чека... Саня замер в ступоре: «Накаркал?.. Вот и всё... прощай Лидочка.»

Бабах... Чугунные осколки полетели по своей смертельной траектории... Сидящие на крыше солдаты вздрогнули: сперва от взрыва, потом от ударившего между ними в шифер осколка.

— Петруха, это что было?

— Взрыв!.. Млять!.. Что тупишь, бежим скорей...

На взрыв уже бежали со всех сторон... Раздавались крики, вопросы... Кто-то пытался командовать...

А белый, как полотно, Санек — стоял и матерился... Один осколок застрял в

автоматном рожке, второй пропорол штаны — сзади под коленкой. Третий по старой традиции попал в каску и многострадальное ухо опять кровило. Не считая этого, на парне не было ни одной царапины. Народ стоял вокруг и тихо шалел! Всё вокруг посечено осколками, а этот живой?

— Говорил я тебе, не надо здесь растяжку ставить... — тихий шёпот, почти не слышимый. Но кому надо, тот услышал.

Конечно, нехорошо когда своих бьют... На Руси принято сперва помочь своим, а потом уже разбираться, кто прав, кто виноват. Но видимо что-то в людях, ходящих под смертью, меняется. Мелкого Саню оттащили от двух валяющихся в пыли и стонущих амбалов... Когда он их уже просто вдумчиво пинал...

— Чьих будешь, хлопец? — седой майор потёр подбородок. — Кто ж вами такими резвыми командует?

— Старший лейтенант Рогожин! — гаркнул всё ещё разгорячённый Санек.

— А-а-а... Спецура... Тогда понятно... А то я удивляюсь!.. Мелкий, а таких шкафов запинал?.. Скажи старлею, пусть зайдёт... Порешаем, как ситуацию разругивать... Дерьмо ситуация-то!!!

— Да уж пропишет он мне...

— За самоволку? — Майор понимающе улыбнулся, вспоминая молодость. — Небось, за спиртяшкой намылился?

— За то, что этим упырям руки сломать не успел... А спирт мне для дела...

— Ну, спирт всегда для дела...

— Мы не пить! Для дезинфекции... Татуировки десять человек делать будут...

— Добре... Капитан, прикажите принести парню литр... Нет! Два! У него день рождения... И командира этих... — кивнул не стонущих на земле парней, — ко мне, я буду его учить Родину любить...

Ну что добавить... Рогожин сходил к майору; решили шум не поднимать... Саня хорошо полотовал... Избитых им бойцов пришлось госпитализировать. Но, они были без претензий... За поставленную растяжку можно было огрести, а если бы Саня погиб, то вообще...

Хотя без казуса не обошлось... Летёха, в чьём подчинении находились эти два дурня, явившись к начальству, начал качать права: требуя отдать Саню под суд. Майор, как человек чрезвычайно душевный, слегка пожурил его. Объяснил, чем лично ему, как командиру, грозит данная ситуация. Летеха проникся, поблагодарил начальство за понимание и, прикрывая подбитый глаз и держась за живот, побрёл к себе...

А у Сани появился железный аргумент для убеждения:

— Только собрался наколоть, а уже помогло... Реальный талисман...

При таком раскладе согласились все! Как-то быстро, здесь, становишься суеверным... У нас предвиделось пару свободных дней. Рогожин куда-то уехал: по своим командирским делам! Воспользовавшись моментом, Марат успешно справился с задачей! Нет, у парня точно талант! Вот только не подумайте, что Хан пахал как швея-мотористка. Нет. Просто пока Сашка совершал свой вояж, мы устроили коллективный забег... В поисках парней способных помочь в столь ответственном деле. И таки нашли, и после появления Санька нам было даже чем отблагодарить ребят. Два литра медицинского спирта, это примерно четыре с половиной литра сорокоградусной. Так что отблагодарить четвёрку хороших ребят нам было чем. Марик же в основном рисовал и колол центральную фигуру татухи. Правда, мне лично

набил все целиком, ну а как иначе-то? Ну, кому ещё он мог меня доверить?

Красивая получилась татуировка: цветная — занявшая почти всю левую половину груди. Раскинувший крылья, атакующий коршун, именно его Марик никому не доверил колоть. На спине у него десантный парашют, на голове берет — он же десантник! Открытый в крике клюв и растопыренные когти — в крови... На правом крыле надпись «Умирать не страшно», на левом «Умри достойно». Сверху лента на ней «Кровь пьянит, как хмельное вино», внизу ещё одна «Десант похмеляется водкой».

А вот потом, по возвращении начальства, на ближайшей тренировке мы все спалились... Рогожин рвал и метал. Дескать, что за диверсанты... Всё на груди написано... Вот у него никаких татуировок нет! Бла-бла-бла... И устроил нам мстю... Я думал, помру... Мы конечно виноваты. Ну, нельзя же так издеваться над людьми... Вам никогда не приходилось присутствовать на похоронах... того, чем вам сделали татуировку? Нет? А я копал яму, пел псалмы и ставил крест... О-о-о-огромную ямищу — три на три метра и в глубину два! И крест из двух брёвен... А на следующий день, командир построил нас и сказал:

— Вы стадо баранов... — мы устало покивали, — стадо разукрашенных баранов!

— А я командир этого стада... — мы продолжали синхронно качать головами, — значит главный баран?!

Народ замер! А вот это не по сценарию:

— Да как можно?.. Какой же вы...

— Так! Стоп! Я командир?

— Командир! Командир! Да ещё какой! Самый лучший...

— А вы бараны?

— Ещё какие! Самые элитные!!!

— Какой вывод?.. — молчим. Рогожин тяжело вздохнул:

— Придётся соответствовать. Хаматшин!

— Я! — гаркнул Марат.

— Тащи инструмент! И чтоб у моей птицы были погоны старшего лейтенанта. Доживу до капитана, ещё по звёздочке добавлю... Ха-ха! Прикольно...

— А когда майором станете? Как быть?

— Быстров, опять ты? Хотя в чём-то ты прав... Это я сказал? Дожил! Значит, на берете будет звезда... красная. Командир я или как!? Хаматшин, ты ещё здесь? Где инструмент?

— Но, мы ведь его закопали?!

— Кого?

— Инструмент...

— Зря вы это... Надо откопать! Объявляю операцию «Эксгумация»! Лопаты взяли и вперёд!

— О-о-о...

— Хаматшин, брось лопату! Кому говорю? А если руки дрожать будут? Ты меня насмерть затыкать хочешь? Милославский, ты дурак? Зачем всю яму откапываете? Посередке копайте... Глаз да глаз за вами нужен. Чуть не доглядел и всё! Как один накололи татуировку — как у меня. Быстров, ты, что хочешь сказать, что у меня будет — как у тебя? Нет?.. Что?.. Тебе всегда нравилась моя татуировка... А-а-а, всем нравилась! И вы, значит, решили порадовать командира! От спасибо! Может, ещё что-нибудь покапаем? Как зачем? Вдруг найдём чего?! Я так люблю сюрпризы... Что? А-а-а, теперь вы советовать будете...

Вы умнеете прямо на глазах... Смотрю труд вам на пользу... может ещё чего-нибудь копнуть... Что? Вы и так уже умные... Ладно, отдыхайте трудоголики... Марат за мной!!!

Ну, как вы, наверное, уже догадались, мы стали Коршунами, а Санек стал Лаки, что в переводе значит Счастливчик...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Этот памятный для меня разговор произошёл через два дня, после того как старший лейтенант Рогожин набил себе татуировку. Мы сидели в командирской палатке и пили чай. Командир с какой-то задумчивой отрешённостью рассматривал меня, а я тихонько прихлёбывал горячий чай и молчал. Вдруг, как будто что-то решив для себя, Рогожин поинтересовался:

— Не хочешь меня ни о чём спросить?

— Да нет, товарищ старший лейтенант, — слегка удивился я, — а должен?

— Руслан.

— Что?

— Я говорю, наедине зови меня по имени, — и неожиданно тепло, улыбнувшись, предложил: — Если хочешь, кури.

— Э-э-э... Спасибо, я не хочу.

— Руслан.

— Что?

— Я говорю, надо сказать: спасибо я не хочу, Руслан.

— Да, как-то это... — пытаюсь помочь себе жестами.

— Ладно, не парься, — смеётся. — Потом привыкнешь. Так что же, ни о чём спросить меня не хочешь?

— Да, нет.

— Ладно, я сам спрошу. Как тебе ощущение от ускорения? — и пристально так, в глаза мне смотрит.

— Какое ускорение, товарищ старший лейтенант?

Покачивая головой, немного раздражённо говорит:

— То самое! Из-за которого твои руки в синяк превратились!

— Товарищ...

Хрясь! Ударив кулаком по столу, привстал и, навалившись на стол, придавил меня взглядом:

— Ты это брось! Сдохнуть хочешь, щенок!? В следующий раз — сердце откажет и всё! Пишите письма! — неожиданно успокоившись, сел на стул и прикрыв глаза спросил. — Может, гуманней добить тебя, чтоб не мучился? Что ты глазами хлопаешь? Чай не девка! Не соблазнюсь!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

А я сидел потерянный и не знал, что сказать. Ведь, даже себе, боялся признаться в произошедшем, хотя результат был на лицо, точнее на руки. Думал: слегка крышей еду, такие галюны ловить. Ведь такого не бывает, нет, я, конечно, замечал, что в бою время течёт, как бы медленней, но это от адреналина — восприятие ускоряется и всё такое... А здесь? Я же видел, как пуля летит. Ме-е-едленно так. А если запрут в какой-нибудь лаборатории? И всё, получи папа похоронку на сына. Ну, нафиг!

Видно что-то такое отразилось на моём лице и Рогожин, усмехнувшись, сказал:

— Достань сигареты.

Я, послушно вытащив из кармана пачку «Явы», протянул ему.

— Не надо, — и убрав руки за спину, продолжил: — Открой!

Открыв, с ожиданием смотрю на него.

— Посчитай.

— Пять.

Командир улыбается:

— Ты уверен? Посчитай снова!

Пожав плечами, перевожу взгляд на пачку: «Чёрт! Четыре! Гоню?» Поднимаю взгляд, на Рогожина: «Твою мать!» Сидит, довольно улыбаясь, а во рту сигарета. «Он же не курит?» — пролетела шальная мысль. Мля-я-ять!

— Това-а-а... Э-э-э... Руслан?

Командир, всё так же улыбаясь, подмигивает:

— Ну что, учиться будем?

— Опять? — содрогаюсь я.

Палатку заливают хохот Руслана. Я пытаюсь сдержаться, но мне это не удаётся, поэтому присоединяюсь к нему. И вот, наконец-то, тяжесть, преследовавшая меня последние дни, отступила. Стало легко и свободно. Теперь не пропаду, мой командир любому глотку порвёт за своих!

— Ну что ж, брат Егорка! Для начала я научу тебя контролировать этот процесс, вызывая его по своему желанию. И регулировать скорость, а то, знаешь ли, перестараться и загношиться с непривычки. Особенно, если так разгоняться. Кстати, удивил ты меня, даже не знал, что так разогнаться можно. Хотя в твоём случае, даже не знаю, чего ожидать ещё!?

— В моём случае? — заинтересовался я. — А что со мной?

— Ничего, просто удивил ты меня!

Странно... Я вдруг отчётливо понял — врёт! Но настаивать не рискнул. А ведь не первая оговорка. Далеко не первая и не последняя. И ведь, сколько я помню, с самого первого дня нашего знакомства, он уделял мне пристальное внимание и гонял больше и бил сильнее. Но это я так возмущаюсь, если бы Руслан не гонял меня то, скорее всего, остался бы на том перевале, рядом с Тунгусом. Или чуть позже, поводов то хоть отбавляй...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Странные всё-таки у Рогожина методы убеждения, странные, но действенные... Взять хотя бы тот показательный суд, который он учинил над нами — надомной и Санькой. Мы как раз вернулись с той злополучной зачистки, когда Саня чуть не отправился на тот свет! И пребывали в весьма расстроенных чувствах — оба! Напарник, застреливший парнишку и я, убивший его мать! В душе как будто что-то оборвалось; я убил женщину! Беременную!!! Было такое ощущение, что я весь в крови: даже во рту был привкус крови.

Сашка тоже выглядел не лучшим образом, и мы добивали уже вторую пачку сигарет. Парни же тактично молчали и не задавали лишних вопросов.

И вот сидя на своих кроватях, измазанные крайне вонючей мазью Степаныча, придавались душевным терзаниям. Рогожин влетел как тайфун и сразу начал раздавать приказы. В результате получился этакий импровизированный судебный зал. За столом сидели Рогожин и Степаныч, мы в стороне на двух табуретах, а парни изображали зал...

— Итак! Я сегодня буду прокурором, — командир глотнул чай, который поставили перед ним в железной кружке. Одобрительно кивнул и продолжил: — Так же я буду и судьёй! Степаныч секретарь. Отвода по составу суда нет? Вот и хорошо! Тогда приступим...

— А адвокат? — задал вполне резонный, с моей точки зрения, вопрос Балагур.

— А надо? — Рогожин ухмыльнулся и посмотрел на нас с Сашкой.

Мы замотали головами:

— Нет. Вы же самый честный... — начал я.

— ... и гуманный судья, — поддержал меня напарник. Или поделльник?

— Это вы правильно заметили, — довольный Рогожин встал и, подойдя к нам, продолжил: — Врать не будете, так и будет! Но если хоть слово соvrёте, отправлю на гражданку! Ясно?

Киваем:

— Так точно!

— От и хорошо. От это славно! — довольно потирая руками, вернулся за стол. — Ну и расскажите нам для начала, что вы там учудили. Подробно!

Рассказывали, дополняя друг друга, минут двадцать. После чего Рогожин выдвинул свои претензии:

— Обвиняю вас: в халатности, невнимательности и самое главное: в нарушении приказа!

— Командир! — в едином порыве все десять человек подсакивают со своих мест!

— Что? Я спрашиваю, чего вскочили? Я какой приказ отдал? Не жалеть никого, при малейшем подозрении валить, а эти? Вы должны были не ручки ей нежно крутить, а вырубить сразу. Кстати, Балагур, а ну-ка иди сюда: третьим будешь!

Понури голову, Вовка присоединился к нам.

— От это красавцы! Диверсанты! Мать вашу! Один командовать не может, другой перед врагом покурить садится, а третий...

— Командир, — не выдерживаю, — ну перед каким врагом? Это только моя вина, после того как Саня застрелил... э-э-э... парня, я приказал ему...

— Ребёнка.

— Что?

— Ты хотел сказать: ребёнка!

— Я... Нет! Он не ребёнок! Взял оружие — солдат!

— Ага! А баба, которую ты располовинил? Тоже солдат?

Я судорожно сглотнул, вспоминая этот страшный момент.

— Нет, — качаю головой, — мы её сына убили... Она... Она...

— Террористка! — хриплый голос Сашки перекрывает мои сумбурные объяснения.

— Что?

— Я говорю, она террористка! — голос Сашки окреп.

— Продолжай, — в голосе Рогожина слышится интерес.

— Она стреляла в солдата Российской армии, значит террористка!

— Ой-ли? Вы же на её глазах сына убили. Какая же она террористка?

— Самая настоящая! Это она убила своих детей! Ей всего лишь нужно было сидеть в доме! И тогда: все — остались бы живы. Она была мертва в тот момент, когда из люка вылетели граната. А Егор дал ей шанс на жизнь... А мы... Мы...

— Расслабились! — меня разобрала злость. — Командир, я виноват! Повёлся на то, что мать должна была защищать своего нерождённого ребёнка. Я дурак, она нас ненавидела и презирала! Истово! И детей так же воспитывала, так что, убив её: я спас, возможно, сотни жизней! И пацан этот тоже готовился убивать и пытался!

Рогожин выставил передо мною ладонь:

— Хватит! Степаныч видел в подвале пояса... Так что вполне возможно, что эта самая женщина, на следующий день могла одеть пояс шахида, и её пропустили бы такие же, как вы... А она взорвала бы какой-нибудь дедсад или школу. Хандрить ещё будете? Нет? Вот и прекрасно! Признаю виновными: по всем статьям обвинения! Наказание: служить до дембеля.

И, довольно улыбаясь, повернувшись лицом к остальным, продолжил:

— Запомните, парни, вы диверсанты и ваша профессия убивать! Я не требую, чтоб вы привыкали, человечность нужна — иначе вы превратитесь в зверей. Но помните всегда: то, что вы делаете, идёт на пользу Родине, как бы пафосно это не звучало. Это работа: грязная — но необходимая!

Постояв и помолчав, «обрадовал»:

— А теперь неприятное! К нам едут особисты!

Лица присутствующих скривились, это понятно, никто не любит этих «душетрясов».

— Приедут через неделю! Из Москвы! Как вы понимаете, недавние события, им весьма на руку. Так что я хотел бы услышать от вас, что вы будете им говорить?

— А чего говорит? — усмехающийся Пепел развёл руками. — Мы тут при чём? Рвануло, мы прибежали, а там... А фиг знает, что там было!?

— То есть, ты думаешь, что этого достаточно?

— А что? На нет и суда нет!

— Хорошо. Я покажу тебе и всем здесь присутствующим умникам, как вы ошибаетесь! Сядь перед столом! И отвечай на вопросы!

Через полчаса: мокрый, как мышь, сбивающийся и путающийся на каждом слове Андрюха, взмолился:

— Да я всё понял, товарищ старший лейтенант, а что делать-то?

— Мда... Степаныч, ты видишь, ни в чём не сознался, а всё рассказал? — Рогожин трагически схватился за голову. — Что делать? Всё пропало!

Я начал потихоньку ржать: ну, сил нет, смотреть на этого артиста! Рогожин заинтересованно посмотрел в мою сторону:

— О! Я вижу, наш Мажор другого мнения? Не желаешь просветить, что такого весёлогс ты увидел? Или ты думаешь, что лучше справишься?

— Так точно! — вскакиваю, пожирая начальство взглядом.

— О, как! И прям нигде не проколешься?

— Так точно!

— Ну, удиви!

И, устроившись поудобней, начал допрос:

— Какой у вас был приказ?

— Секретная информация!

— Почему это секретная? — изображает удивление.

— Секретная информация!

Степаныч откровенно улыбается в усы, а командир продолжает:

— Не говори ерунды, это была обычная войсковая операция! Так что отвечай на поставленный вопрос, или под трибунал захотел? — лицо серьёзное, вот только глаза... улыбаются.

— Секретная информация!

— Молодец! Я в тебе не сомневался! Степаныч, как думаешь, может пора уже старшего дать?

— Может и пора...

Парни удивлённо пялятся на нас, не понимая, что происходит. Довольный Рогожин поясняет:

— Вы вообще читаете документы, которые подписываете? На вас отрабатывают новую методику подготовки спецназа и всё что связано с ней — совершенно секретно. Так что вы не имеете права отвечать ни на какие вопросы — вообще! Ибо где один ответ — там и два... Так что на любой вопрос у вас один ответ — секретная информация! Кстати, поясню для новичков: вас взяли под мою личную ответственность. Ещё один эксперимент! Так что не подведите! Парни, вбейте себе в голову: многие очень хотят узнать методику обучения, и особисты эти, со своими разборками, нам до фени. Даже если начнут вспоминать какие-то грешки на гражданке, не ведитесь!

— Грехи разные бывают! — заметил Пепел.

— Для тупых повторю! Не ведитесь! Если будут давить — скажите потом мне! Кураторы всё решат! Вы, дети мои, принадлежите ГРУ! И этим всё сказано! А теперь брысь зубрить ответы и чтоб от зубов отскакивало! — радостно засмеялся командир. — Потом проверю!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Как оказалось: не так страшны особисты, как их малюют! Хотя конечно не будь грозной бумаги, позволяющей нам, как попугаям повторять: «Секретная информация». Всё могло бы быть иначе, но она была. И вот, целых четыре часа, я как заведённый повторял одну и ту же фразу... А серьёзные дяденьки, с непроницаемым видом, всё записывали, хотя сперва попытались использовать видео, но командир это дело быстро пресёк! Так что... облом-с! Вот ведь выдержка у людей! Я бы, наверное, на втором допрашиваемом взбесился, а эти ничего, пишут, как ни в чём не бывало. Да уж, попади к таким на настоящий допрос — всю душу вынут! И самое забавное вынули...

— Заходи, садись, — Рогожин махнул рукой в сторону стула. — Ну, как тебе товарищи из особого отдела?

— Жесть, — с подозрением смотрю на довольного командира.

— О как!? — весело смеётся. — Тогда знакомься. Майор Васильев — начальник наших гостей.

В этот момент в палатку вошёл высокий, худощавый мужчина, с пронзительно цепким взглядом. Я его уже видел во время допроса: все четыре часа он неотрывно следил за мной. Неприятный тип! Но субординацию никто не отменял; вскакиваю по стойке смирно:

— Здравия желаю, товарищ майор!

— Садись, сержант — у нас неофициальный разговор.

«Вот те раз!» — удивлённо смотрю на Рогожина. Тот уже собирался ответить, как палатки откинулся и нарисовался Иванов:

— Не помещаю, товарищи начальники, — и улыбка во весь рот.

— Степаныч! Старый чёрт, иди же обниму тебя! — майор, радостно раскинув руки, полез обниматься с прапорщиком!

«Я шизею, что происходит?»

— Ты где шлялся? А то мы тут пытками балуемся, а тебя нет! — хохотнул майор.

— Дык! Дела, Виктор Петрович, дела! Да и что меня пытатель? Я тебе и сам всё расскажу! — и, махнув мне ракой: — Привет, Егор, — сел за стол.

Видимо, вся гамма чувств обуревавших меня, были большим, крупными буквами написаны на лице. И сжалившись надомной, Рогожин пояснил:

— Ты не парься! Не было никакой проверки, всего лишь тесты...

— Понимаешь ли, сержант, — подключился к разговору майор, — по реакции на вопрос, по волнению, ну и ещё куче параметров — можно многое понять... Но нас интересовало в первую очередь... Хотя это не важно... Главное, что мы проведём небольшой курс по психологии, точнее поучим вас читать по лицам и многое другое. Конечно, за две недели многому не научишь, но основы мы вам дадим! Вижу, у тебя появились вопросы? Спрашивай, что могу, отвечу?

— А зачем нас запугивали?

— А чтобы серьёзностью момента прониклись и чтобы реакции настоящие были.

— А зачем нам курс читать?

— Да чтоб врать научились! И вообще... — тут он пустился в пространные объяснения

о нужности данного навыка: вдруг пытаться кого... Короче, ясно, что ничего не ясно!

— Надеюсь, теперь ты понимаешь всю важность того, что мы будем делать?

— Конечно! Опять тесты?

— Тьфу ты! Руслан, откуда такие умники берутся?

— Сам в шоке! — командир откровенно развлекался. — Ладно, хватит тень на плетень наводить. Егор, иди к своим, скажи, что всё в порядке. Предупреди, чтоб языком не чесали, а то мало ли... Да и сам тоже, молчи.

Выйдя из командирской палатки, покрутил головой: «И что это было? Зачем мне, вообще, что-то говорили? Опять какая-то проверка? Лучше не заморачиваться, главное помнить, что командир своих в обиду не даст! А значит всё в порядке!»

Полог палатки опустился и Васильев уже собирался что-то сказать, но Рогожин покачал головой. Вот Егор немного постоял в задумчивости, помотал головой, и что-то решив для себя, бодрым шагом пошёл прочь. Вернув зрение в нормальное состояние, кивнул майору:

— Ну что скажешь?

— Умный мальчик! Такая сила! Он же уже инициировался?

— Да, и меня это напрягает. Слишком рано, да и цена была заплачена непомерная! Погиб парень — лишь немногим уступающий ему по силе!

— Это большая потеря, — майор сокрушённо вздохнул. — С миру по нитке собирали, а тут ещё и потери.

— А я говорил, что рано? Надо было ещё заниматься!

— Руслан, ты же знаешь, что тогда они становятся самоуверенными и гибнут ещё быстрее. Из закончивших полный курс, а это пять лет, едва половина переживает первые задания! И это при том, что процентов десять гибнет на полигонах!

— Угу. Пусть они сперва гибнут, а выживших учить. Так получается?

— Как это ни страшно звучит, но да! И не забывай, что сейчас они воюют с людьми. И придя в Школу, будут уже психически закалены. Да и учиться им придётся куда меньше! А самое главное, повоював в наших войнах, они смогут учить других людей. Ты же знаешь, Китеж выпускает воинов, и для наших целей они не годятся!

— Может и не понадобится идти в Школу, — Степаныч пригладил усы, — чай и сами сможем научить!

— Может быть... — майор задумался, — но решать такие вопросы не нам! Кстати, Руслан, а где ты этих новеньких взял?

— Молота и Пьеро?

Посмотрев в бумаги, Васильев кивнул:

— Да. Селиванова и Самойлова...

— Тут вопрос, не где я их взял, а почему вы их пропустили?

— Ну, ты даёшь, Руслан. Где столько людей взять? Хорошо хоть тебе на глаза попались! Я как подумаю, что твой Мажор мог реально в штабе оказаться, ух... Такого парня чуть не упустили...

— Ты на него не надейся! Отслужит и домой пойдёт...

— Что? — майор аж подпрыгнул. — Ты в своём уме? Куда его с такими силами? А он же ещё расти будет... А если в криминал подастся? А? Ты об этом подумал?

— Не подастся, — усмехнулся Степаныч, — почему думаешь, его Мажором кличут?

Васильев на мгновение задумался, вспоминая:

— Он сын олигарха. Ну и что, это нисколько не лучше. Представляете, что будет...

— Не ной! — Рогожин хлопнул рукой по столу. — Это не нам решать, что с ним будет!

Сказано домой, значит домой!

— Кем сказано?

— Им... — Рогожин поднял взгляд вверх.

— Кем им? — майор непонимающе смотрел на эту пантомиму.

— Не тупи...

— Ох, ты-ж! — Васильев вытер платком моментально вспотевший лоб. — Что ж ты сразу-то не сказал?

— Говорю!

— Значит, у Него на парня свои планы?

— Да...

Посидев какое-то время с ошарашенным видом, Васильев задал щекотливый вопрос:

— Но почему тогда ты его оставил умирать, вместе с тем парнем?

— У него хотя бы шансы были, да и Тунгус бы выжил, если бы не шальная пуля...

— А если бы погиб?

Рогожин тяжело вздохнул:

— Жалко было бы... А вот то, что волнует тебя... Я должен приложить все силы, что бы учить его, но беречь не имею права — не больше чем остальных. Таков приказ! Его приказ!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Две недели, две недели — ля-ля-ля! А я схожу с ума! Достали нас уже на второй день, точнее на первый, но тогда мы просто тупо сидели в прострации и шизели... А тут вроде осознано шли. Представляете, выходит дяденька и начинает пичкать вас информацией о том, как должно перекосить лицо в том или ином случае. А попытка научить нас управлять эмоциями? Представляете, говорит:

— Я сейчас расскажу анекдот, а вы должны сдерживать эмоции...

И начинает:

— Поженились зайчик и белочка. Год живут вместе, два, три, а детишек у них нету. Пошли к доктору. Доктор взял анализы, провёл тесты и говорит: «К сожалению, хочу вас расстроить. Но детишек у вас нету не потому, что вы зайчик и белочка, а потому что... Вы мальчик и мальчик!»

Он видимо рассчитывал, что мы будем судорожно прятать улыбки. Не тут-то было, парни хором начали ржать. Нас понять можно, тема больная... Если у соседей и были женщины, то мы до них добраться не могли. И хотя до такого, как в анекдоте, конечно бы не дошло, но мысли молодых и здоровых парней были повёрнуты в одну сторону.

Короче вынос мозга! И вот, на второй день, всё началось по новой. Спасение пришло как всегда неожиданно, в лице любимого командира. Через два часа, когда половина народа спала с открытыми глазами, появился Рогожин. Постоял, посмотрел, плюнул и спас нас — заявив, что всё должно быть в меру.

С этого момента стало полегче, два часа с особистами, час с Рогожиным. Хотя, тот тоже начал чудить... Ну, это мы так думали, со временем же стало понятно, что командир, как всегда, прав!

И начал он с того, что стал отучать нас от того, что до этого с таким трудом вбивал в наши бедовые головы — от рефлексов. Естественно, что это было, как и всегда, — больно. Чертовски больно.

Дав в руки шест, сказал:

— Защищайся!

Пару ударов я отбил. А что? Считаю тот же автомат, только подлиннее... Ух, ты-ж! Больно! Конец шеста прилетел в печень. Ещё пару атак — отбил! И в печень! Да что такое!

— Следующий!

И в печень, и ещё разок... А ведь мы уже давно не лохи?! И всё равно, раз за разом — в печень, в печень.

— Ну и что, красавцы, кто объяснит мне, почему brave парни, весьма лихо владеющие рукопашным боем, раз за разом получают в одно и то же место! А ведь вашим владением автоматом, я почти горжусь!

Мы униженно молчали. А чего тут скажешь? Один чёрт, чтоб ни замутил: сперва побьёт, потом объяснит. Кстати, ответственно заявляю — так доходит лучше!

— Ну? Есть мысли? Нет? Так и думал! Ох-хо-хох... Вы ведь вполне адекватно реагируете на атаки, ставите блоки, но у шеста нет приклада! У вас рефлекс, справа вас защищает приклад автомата! А взяв в руки другое оружие, вы действуете по старым навыкам.

Будем учиться: переключаться...

Хрясь в печень! Хрясь... Вот и перестал тупо подставлять несуществующий приклад — прогрессируем. Верно сказано: самый короткий путь для знаний — через печень...

И если командира мы всё же радовали своими успехами, то особистов нет! И тут Рогожин применил подлый приём! Сидя с нами и слушая лекцию, матюгнулся и куда-то ушёл. Вернулся через два часа вместе с Васильевым и заявил:

— Значит так, те, кто сдаст зачёт... — выдержав театральную паузу продолжил: — Вот мы тут с товарищем майором проработали вопрос... Короче, по пять прыжков обещаем!

— О-о-о!

Надо ли говорить, что таких прилежных учеников, как мы, вы не сыщите нигде! Пять прыжков, целых пять!!! Вам не понять изголодавшуюся душу десантника, оторванного от неба!

— Руслан, — выйдя на улицу, майор Васильев покачал головой, — это ведь плановые прыжки?

— Ну да! А что? — Рогожин пожал плечами.

— Что ты будешь делать с теми, кто не сдаст? Прыгать то надо, как бы навык не потеряли?

— Они все сдадут!

— Ой, не смей меня! Все!?

— Не понять тебе, Витя, десантника! Не понять... Вот увидишь: все сдадут, тем более что могут, им только стимул нужен! А хочешь, поспорим?

— Давай!

И мы сдали! Все! Ну, ещё бы! На кону такое! Как мы только не издевались над собой, но сдали. Правда, тут опять Рогожин поучаствовал со своим трансом... Хотя ладно это всё лирика. Здравствуй небо!

Ветер бьёт в лицо; восторг вырывается криком наслаждения; надо мной крыло парашюта — я лечу-у-у! Рядом в воздухе парят фигурки моих друзей; слышится радостный мат — я лечу-у-у!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

И вот пришёл август. Вроде всё как всегда: не прекращающиеся тренировки, время от времени ползание по лесам и охота, но это довольно редко. Слишком мы увлеклись в прошлом, и началось не здоровое шевеление. Кто это тут не даёт заработать местным и не только авторитетным начальникам? Мы ж не разбирались, чьи это караваны!

Майор Васильев даже организовал нам прикрытие. Мы три дня ответственны «светились», а в это время спецназ из соседнего региона вырезал караван: качественно и подчистую. Так что, пойдя теперь разберись!

Но не это главное, почему я остановился на августе. А произошло вот что...

Вы, конечно, помните тот жуткий для нас день, когда погибли наши ребята? Мы тогда освобождали из плена американских журналистов. И вот у этой истории случилось продолжение.

Журналистка эта, акула пера чёртова, накропала там у себя репортажик — весьма гнусный. О зверствах русских военных!? Вот тварь! Бандиты чуть не жертвами в нём стали. Хорошо хоть у неё ни одной фотки не было, мы всю аппаратуру поломали напрочь, чтоб не сфоткала чего лишнего — нам реклама не нужна. Естественно свалили всё на террористов, я же уже говорил, что мы загадочные... А то вообще бы хана! Если бы она чего там на камеру сняла — живопись...

И произошёл взбрык политики. Президент наш шибко обиделся на такую неблагодарность. Тут вон, материалов на этих бандитов — три раза расстрелять всех... А ещё америкосы со своими ракетами нервы треплют.

Ну, и мы стали героями, прям все, погибших тоже не забыли. Нам всем с барского плеча дали: «Медаль за Отвагу». Рогожину тоже (я в шоке!), хорошо хоть капитана дали. Вот ведь! Могли бы хоть погибшим парням расщедриться на орден. Себя то, небось, не обидели! Обидно!

Вот только это всё была официальная версия событий. Но была и другая: собранная по кусочкам и домысленная нашим маленьким коллективом. По нашей версии произошло следующее:

Как водится в России, большие штабные начальники доложили наверх. Самому. О блестяще проведённой операции, разработанной и осуществлённой под чутким руководством. У победы, как известно много отцов — это поражение всегда сирота. А тут такое дело: заложников спасли, террористов кучу настреляли. Плюс вертолётами накрыли ещё человек сорок. Всё это спланировали, реализовали — награды давай... Там, только ленивый не подсуетился и не хапнул бонусов. Награды, звания...

И тут какая-то фифа! С разоблачениями! Нет, конечно, если бы начали искать виновных, то проблем нет, вот он старлей Рогожин. Это при раздаче наград про него забыли, а если виноватого искать... И наши продажные борзописцы, всегда готовые вылить на родную армию ведёрко помоев расстарались бы. Чего уж там, Запад просто так денег не даёт — надо отрабатывать. Вот только: там в этих ЦРУ и Ми-6 не учли, в России: главное не деньги, главное лапа волосатая. А тут, не просто на кого-то со связями наезд, а на эти самые волосатые руки. Да не на одну, а на целое стадо. Шерстяное. Награды получены, чины

обмыты. Тут виноватых искать не будешь, либо все в шоколаде, либо в... Хм... Вот и расстарались.

Попытавшимся вякать писакам — дали по рукам. Хотя, у меня стойкое ощущение, что не только по рукам. Уж больно рьяно, эти самые писаки, начали защищать родную армию. Неспроста... Вылезло такое количество материалов: на Аслана — на пять пожизненных, да и на каждого убитого боевика что-то, да нашлось. Вот интересно, это ведь, не за день собрали? Там такие ужасы многолетней давности. Хранилось ведь где-то?.. Паскудство, да?

Ну и как подозреваю, всё это президенту на стол. Вот пожалте, доказательства вины бандитов, вот общественное мнение в стране, вот американцы со своими ракетами. Провокация, политический вес зарабатывают, нашу армию грязью поливают, честнейших генералов сместить хотят. И вот ещё... у нас же потери, парни кровь проливали, героизм проявляли...

А президента у нас, слава Богу, не Бориской зовут. Вот тут нам и выписали ништяков, обидно-о-о.

Приехал какой-то генерал и решил устроить торжественное вручение: с барабанами и журналистами. Но наткнулся на майора Васильева со товарищи, которые, вместо двух недель прописались у нас — пичкая разной премудростью. Так что, вручали нам награды в тихой «семейной» обстановке...

Зайдя в палатку, я швырнул коробочку на кровать и выматерился. Сперва эта тварь не благодарная в душу плюнула, теперь наши... ещё бы через год вспомнили. У парней было похожее настроение.

— Отставить, — Иванов стоял в проёме палатки и зло смотрел на нас, — чего скалитесь черти, не смей боевые награды хаять. Да обидно, но разве вы их не заслужили. Кровашки мало пролили своей и чужой, не всё шаркунам штабным награды получать. Пусть не вовремя, пусть политика, но ведь заслужили?!

— Не за награды воюем, — вылез вперёд Вовка-Балагур, — оно конечно не плохо, но паскудно как-то.

— Тьфу ты, балаболка. Скажи ещё, Родине долг отдаёшь, — прапор хитро подмигнул, — чай, теперь, не просто так девкам про героизм своё заливать будешь, аргументировано. И серьёзно так: — Это память ваша, парни, память. За друзей погибших, за кровь пролитую. Понимаете?

Мы поняли и прониклись. Больше я свою медальку не швырял. А через два дня нам пришлось перебазироваться. Засветились!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Кстати: место, куда нас перевели, было куда более приятное, например: здесь мы жили в нормальной казарме, а не в палатках. Хотя во всём есть свои плюсы и минусы, но лично для меня: тёплый сортир и душевая — дорогого стоят! Не то чтоб мы слишком часто расслаблялись, но одна только мысль о горячем душе порой способна согреть! Но прежде чем добратся до нового места службы: со мной произошло событие, на первый взгляд, не слишком важное и по большей части глупое! Но, как оказалось, имеющее весьма важные последствия... Ведь сохранение моей жизни — это важно? Но об этом позже, а пока...

В этом городе мы должны были пробыть совсем недолго. Сегодня днём приехали и завтра, в обед, на самолёт и дальше! Естественно, упускать такую возможность развеяться никто не хотел, в том числе и капитан Рогожин. Поэтому, наклёвывался большой заплыв — по бабам! Рогожин успел окрестить симпатичную прапорщицу — с местного аэродрома и собирался провести ночь в её объятьях. (Во даёт мужик: за двадцать минут уболтал.) Ну, а мы рванули в город. Саня, правда, гордо отказался. Вот ведь железный человек — уважаю.

Одевшись в «гражданку» (футболка и джинсы), мы с Балагуром отправились на охоту. Остальные наши мужики не стали заморачиваться и, скинувшись, рванули к более доступному женскому контингенту... Но нам с Вовкой хотелось найти чего-нибудь самим. И мы отправились искать одиноких красавиц в парк. Балагур очень быстро потерялся — присев на уши какой-то мимо проходящей цыпочке, а я, чтоб не мешать, пошёл дальше...

Сегодня явно не мой день. А может, мой не слишком презентабельный вид — тому виной? Не знаю. Почти отчаявшись, заметил в глубине парка сидящую на скамейке одинокую девушку. Тёмные волосы, белая коротенькая маечка и такая же коротенькая юбочка, обнажающая красивые, загорелые ноги. Присев рядом, спросил:

— Кого грустим? Зачем ждём?

Девушка удивлённо посмотрела на меня, а потом грустно призналась:

— Мне парень изменил, с подругой!

— Такой красавице? Не может быть! — делаю удивлённое лицо.

— Может, может! Сволочь!

— Кто? — опешил я.

— Да Олег! Кто же ещё? Представляешь... — и девушка начала рассказывать мне, какой её парень негодяй. Потом начала плакать...

Я растерялся, не понимая, а что же делать? Попытался убедить её, что не всё так плохо, что она наверняка найдёт хорошего парня... Но добился лишь того, что поток слёз только увеличился. Ну и как тут быть? Вдруг повернувшись ко мне, красавица заявила:

— Я должна ему отомстить!

— Как?

— Очень просто! Я тоже ему изменю! С тобой!

— Что? Не то чтоб я был против. Но как-то неожиданно!?

Приблизившись ко мне вплотную, так что я почувствовал тугую грудь, прижимающуюся ко мне, прошептала:

— Тут рядом есть полянка, там нам никто не помешает! Согласен?

Я только кивнул — соглашаясь. Голова как в тумане, дыхание перехватило, ничего не соображаю... Короче, накрыло конкретно, и всё о чём я в тот момент мог думать — это как бы поскорее задрать это коротенькую юбчонку и стянуть вниз трусики. А уж то, что творилось в штанах! Как говорится: ломом не перешибёшь!

Ухватив меня за руку, потащила куда-то сквозь кусты и через пять минут мы вышли на небольшую, симпатичную полянку. Я тут же прижал красотку к дереву, шаря руками по её молодому, загорелому телу. Залез под маечку и сжал упругую грудь, девушка тихонько пискнула. Странная она какая-то...

— Эй, урод, убери руки от моей тёлки!

Оттолкнув меня, помятая девица бросилась к одному из трёх здоровенных лбов:

— Олежа, я невиновата, он меня заставил!

— Конечно, родная, сейчас мы с ним разберёмся! — произнёс, обнимая девушку Олег, и задвинув её за спину, произнёс: — Что, козёл!? Ты попал...

И дальше в том же духе. Вот интересно: это развод или мне просто не повезло? Не могу же я кричать, что это она меня сюда притащила, чтоб наставить ему, Олегу, рога!? А вот если развод, то совесть моя чиста! Набью им морды и пойду!

— Обидел девушку!? Теперь придётся за это заплатить! — говоря, приближается ко мне вместе со своими прихлебателями. Вот и ножи достали!

— Спокойно парни! Мы же можем договориться... — развожу руками.

— Договориться? Ты мою девушку пытался изнасиловать!.. Так что с тебя причитается, иначе... Видишь сколько свидетелей! Только ты уж не обессудь — видок у тебя будет!

Я ухмыльнулся:

— Грубо работаете, парни! Валите-ка лучше отсюда, пока я вам ваши ножички в зад не забил!

— Ах ты, сука! — Олег бросился на меня, целя ножом в живот.

Правой перехватываю запястье, протягиваю и коротко, и сильно бью другой рукой в локоть. Слышится хруст! Смещаюсь к левому противнику и бью в колено, выбивая его из сустава. Правый: не успевает ничего сообразить и всё ещё удивлённо смотрит на то место где я стоял. Поэтому, просто перехватываю руку и бью в плечо, выбивая сустав. А вот не надо людей грабить!

Сзади повеяло холодом... Разворачиваясь, отпрыгиваю назад и запинаясь об одного из валяющихся на земле грабителей. Ноги заплелись. И в этот момент девушка, о которой я совершенно забыл, с диким, надсадным криком полоснула меня ножом по животу. Чисто рефлекторно я втянул живот в себя. Это привело к тому, что рассечёнными оказались лишь мышцы, и то, не на всю глубину. Перекатившись, поднялся. Разгневанная фурия, выкрикивая оскорбления, снова бросилась на меня. Млять! Да что за фигня? То трахнуть просит, то резать пытается?! Больно-то как!

Прижимая рукой, окровавленный живот и кривясь от скручивающей меня боли, я нанёс удар: чувствуя, как под моими сжатыми пальцами ломается тонкий красивый нос, как ослепительно белые зубы крошатся — вместе с челюстью. Хотелось ударить ещё, сломать что-нибудь этой твари: сперва завлёкшей в западню, а теперь ещё и подрезавшую меня. Но я сдержался. С трудом, но сдержался. Вместо этого — пнул по разу нападавших парней, ломая рёбра. Ничего, может, поумнеют. Стянув футболку, кое-как перетянул себе пузо. И, сняв с одного из нападавших куртку, побрёл...

Не так-то просто добраться раненному до своих. Тем более что наша доблестная и

неподкупная не дремлет. Но навыки отвода глаз и здесь не подвели. Хорошо, что Рогожин этому умению уделил внимание, а то с невидимостью я бы не справился. Одно: заставить взгляд человека соскользнуть в сторону, тем более что он тебя не высматривает, совсем другое: заставить видеть пустое место... Доковылял!

Перепуганный Саня рванул за Степанычем, у которого и здесь были свои знакомые. Прапор меня и подлатал.

— Везунчик ты, Егорка, считай царапина. Через недельку будешь как новенький. Ну, а теперь рассказывай...

Для меня всё закончилось благополучно, даже Рогожин почти не ругался. Пришёл, послушал рассказ, хмыкнул, дал мне в ухо и на этом успокоился. Ну как успокоился? Без серьёзного разговора не обошлось! Правда, чуть позже, когда я слегка оклемался...

В комнате, которая являлась кабинетом Рогожина, собрались трое: он сам, майор Васильев и прапорщик Иванов. Нежилой вид говорил о том, что хозяин в помещении появился совсем недавно, что соответствовало истине, так как вселение произошло всего день назад. За одной из стенок, была маленькая спальня, такая же необжитая и неудобная, а за другой непосредственно жилое помещение для бойцов — казарма. Но самое главное стол и стулья присутствовали, можно сесть и выпить немного пивка.

Кругом одни стрессы. Но вот сесть и хорошенько полечить нервы народным способом, то есть водкой, не было времени. Хотя желание созрело давно! Но хотя бы так, а то и с катушек слететь недолго. А заодно можно порешать возникшие вопросы.

— Вот скажи мне, Руслан, зачем Мажор попёрся за этой девкой? — Васильев, покачивая головой, открыл бутылку и начал наливать напиток в гранёный двухсот граммовый стакан.

— Петрович, тебе не кажется что этот вопрос... э-э-э... несколько... — пытаюсь подобрать нужное слово, Степаныч с задумчивым видом уставился в потолок.

— Тупой! — закончил Рогожин. — И не смотри на меня так. Мы пиво пьём или гадаем: почему это боец, почти год не видевший бабу, на предложение потрахаться, согласился?

— Руслан, твой боец покалечил гражданских! Это дело такое, можно и загреметь!

— Мой! Вот именно мой! А, значит, и отвечать мне! Хочешь мне что-то предъявить? — капитан с ледяным спокойствием уставился в глаза майора.

Отхлебнув из стакана и усмехнувшись, Васильев продолжил:

— Тебе нет! А Милославский покалечил гражданских...

— Бандитов, он покалечил! Бандитов! И говорить здесь не о чем!

— Ну, тут ещё надо разобраться: как там всё было. Может он и правда девку изнасиловать пытался, а ему помешали!

Взрыкнув, Рогожин потянулся через стол и, схватив майора за грудки, прорычал:

— Ты что несёшь!

— Руслан! — во весь голос гаркнул прапорщик. — Отпусти! Он шутит!

Казалось, что этот вскрик, не возымел никакого действия, но вот капитан отцепил руки от ворота и сел на свой стул. А Степаныч, повернувшись к Васильеву сказал:

— Ты, Витя, говори да не заговаривайся. Егор парень нормальный, за ним даже в его прежние времена такого не водилось. А теперь и подавно...

— Всё равно, — потирая шею, не согласился Васильев, — надо разобраться... А то устроили вольницу, хочу — бью, хочу — калечу. И вы тоже хороши: в самолёт закинули и сдёрнули, а если он убил кого-нибудь? Что тогда?

— Сказал же, все живы, значит живы! А переломы зарастут, глядишь, умнее станут! — отнёс все возражение капитан. — А вот в причинах того, что его смогли подрезать, надо разобраться!

— Вот мы и разберёмся! Насколько он виноват! Всё выясним, а там посмотрим! Конечно, в дисбат я его отправлять не буду, но...

— Ах, ты, сучёнок! — начал заводиться Рогожин. — Вот ты чего удумал! — встав, упёрся руками в стол и, нависнув над майором, прошипел: — Это теперь ты будешь решать, что делать и кому за что отвечать? Хрен тебе! Я сказал: правильно поступил, значит правильно! И не тебе права качать!

— Я старше по званию и я буду решать...

— Удавлю...

— А ну хватит! — прапорщик вклинился между, сверлящими друг друга взглядом, офицерами. — Достали! Ты гляди, удумали, письками мериться! Руслан, ну этот молодой идиот, а ты то куда?

Майор, будучи старше капитана почти на десять лет, возмутился:

— Степаныч, я вообще-то постарше капитана буду!

А вот Рогожин среагировал весьма странно:

— Степаныч, ты за языком следи!

— И не подумаю, — неожиданно взвился Иванов. — Вы меня достали! Ты, Руслан, своей скрытностью, а ты, Витюша, своим гонором! Командовать всё пытаешься, думаешь выслужиться. А вот хрен тебе! Здесь один командир! А ты или помогай или вали домой...

— Не вам решать! — опять ошетинился Васильев. — У меня своё начальство! А вот вы голубчики совсем распустились, если субординацию забыли. Я вообще-то старше вас по званию.

— Видишь, Руслан, — Степаныч покачал головой и присел на краешек кровати, — всё из-за твоей скрытности! Объяснил бы по-человечески товарищу майору, — ехидным голосом почти пропел он, — глядишь, он и не пытался бы главного из себя корчить.

Потом тяжело вздохнув и добавив трагизма в голос, продолжил:

— Ну, вот ты бы сейчас убил бы дурака со злости. А потом что? Нет, я понимаю, что от трупа бы мы избавились! Но ведь потом бы люди ходили, спрашивали: «А где майор?». А мы не сном ни духом, ещё бы в дезертиры записали! Неудобно, как то! Он же не дезертир, а просто дурак!

— Это ты точно подметил. Дурак и есть! А убить? Это вряд ли, я-то не дурак!

Майор аж закашлялся, с подозрением смотря на них. И тут Степаныч вместе с Рогожиным начали смеяться. Васильев сперва дулся, но тоже начал подхохатывать. Напряжение слегка спало и мужчины уже не смотрели друг на друга волками.

Когда все более-менее успокоились, майор всё же поинтересовался:

— Руслан, ты что, правда, мог бы убить меня, а потом спрятать труп?

— Не говори ерунды! Конечно, нет! Дал бы в морду и всё!

Тут Васильев облегчённо вздохнул, но рано.

— Конечно, если бы ты случайно склеил лапы, то, конечно, пришлось бы утилизировать.

— Утилизировать? — что-то не понравилось майору это заявление.

— Ну да. Самовозгорание, отдал бы приказ твоему амулету и всё — пых и хрен какая экспертиза разберётся.

— Амулету?! — Васильев прижал руку к груди. — Разве такое возможно?

— А ты что думал, тебе дали такую игрушку и никакого контроля? У некоторых, бывает, крышу сносит, вот чтоб не бегать за ними и сделали систему самоуничтожения, вместе с носителем! Или ты не знал? Должны были предупредить!

— Предупредили, — майор неожиданно побледнел, — но ещё я знаю, что даже мои начальники не могут сделать этого. Нужно... — глаза у Васильева стали большими-большими как у анимешки в японском мультике.

— Вот именно! — довольный Степаныч, откинулся на спинку стула. — А товарищу капитану нужно просто приказать! Теперь до тебя дошло, перед кем ты права качаешь?

— Простите, я...

— Витя! — Рогожин вытянул вперёд руку, останавливая Васильева. — Успокойся! Ты меня, конечно, достал. Но убивать? В конце концов, мы ведь были друзьями, это не моя вина, что тебе моча в голову ударила. А я, знаешь ли, не привык друзей убивать только за то, что у них временное помутнение, — и, прикрыв глаза, спросил: — Надеюсь, ты понимаешь, почему я тебе раньше этого не рассказывал? Да и не сказал бы никогда, если бы ты не начал по больному бить — по моим парням! А этого делать не надо!

Потом встав, начал ходить по комнате от одной стены до другой. Степаныч и всё ещё смущённый майор следили за ним взглядами. В конце концов, придя к какому-то решению, сказал:

— А давайте ещё по пиву. И Витя нам расскажет, чего это он, вдруг, из адекватного человека превратился в идиота!

— Руслан!

— Надо, Витя, надо! Я ведь вижу, что-то тебя гложет, а сказать не хочешь. И дуреть начал, неспроста. Говори, может, сможем помочь?!

— Мне теперь уже ничего не поможет! Только хуже сделаю...

— А ты попробуй, — глотнув холодного пивка, Степаныч был расположен к решению мировых проблем местного значения. — Одна голова хорошо, а моя вообще сегодня в ударе! — и радостно хохотнул. — Давай!

— А чёрт с ним, слушайте. Может и правда, чего изобретём!

И как будто, враз постаревший, Васильев начал свой рассказ и чем больше он рассказывал, тем сильнее мрачнели его собеседники, стискивая кулаки, и бросая многозначительные взгляды друг на друга.

— Дочка моя — Оленька, заболела. Рак у неё. Где мы только не были, к кому только не обращались, всё без толку. Угасала прямо на глазах. Сказали, полгода осталось — не больше, — всхлипнул безутешный отец. — А тут вызывает меня к себе Зайцев, генерал-лейтенант Зайцев... Вызывает и говорит: «Есть способ вылечить твою дочку! Только цена велика!» Я-то конечно сперва о деньгах подумал и готов был последнее отдать, но всё оказалось намного сложнее. Ну да вы знаете... А я-то вообще был готов на всё! Дочку сразу забрали и увезли. Через месяц письмо пришло, написала, что ей намного лучше, — по щекам майора бежали слёзы. — Я тогда ещё активней за учёбу взялся, меня учили обращаться с амулетом, историю преподавали и вообще рассказывали, что к чему. Вы тогда ещё в учебке были, ну, а я в своей. Отучился, сдал зачёты, и почти сразу к вам. Только перед отправкой, дал мне Зайцев установку. Чтоб я вас со всех сторон обложил, а если надо, то и устроил что-нибудь — подставу грамотную. Чтоб значит, когда дело дошло до того, кому достанется группа или большая её часть — вопрос решился в пользу нашей конторы. Очень ему хотелось

получить к себе «Наделённых силой». Таких бойцов нет ни у кого! А у него бы были. Мужики, я честно не знаю, что он там ещё замутил, чтоб отжать вас... Только вот этот случай с Милославским нельзя было упускать!

— Ты уже доложил о произошедшем? — поинтересовался Рогожин.

— Нет. Не успел. Хотел первичную работу провести, если бы я взял Мажора за мягкое место, можно было бы докладывать. А так!.. — Васильев махнул рукой. — Теперь, когда вы всё знаете, ничего не получится. Надеюсь, что хоть дочку успеют вылечить! Главное время потянуть!

— Зачем? — не понял Степаныч.

— Что, зачем?

— Время тянуть? При чём здесь твоя дочь? Ну, провалил задание начальства, так оно и было невыполнимо! Ещё и с душком! За такое можно и схлопотать.

— Так ведь...

То, что совместными усилиями Рогожина и Иванова удалось вытянуть из Васильева, было настолько диким в их понимании, что мужчины просто выпали в осадок. Шокировало же их то, что Васильев был абсолютно уверен в том, что теперь его дочь умрёт, потому что лечить её перестанут. Фактически она являлась заложницей. Но если ему помогут то, есть надежда потянуть время...

— Стоп! — капитан поднял руку, останавливая речь майора. И посмотрев на Степаныча продолжил: — Что скажешь?

— А что говорить? Может, лучше помянем?

Васильев вздрогнул и втянул голову в плечи, теряя последнюю надежду на помощь...

— Да уж... — Рогожин вышел в соседнюю комнату и вернулся с жестяной флягой: — Стаканы освободите!

Прапорщик с энтузиазмом, в пару глотков, освободил тару, посмотрел с сомнением на майора и освободил его стакан, тем же незамысловатым способом. Рогожин плеснул из фляги в стаканы грамм по пятьдесят спирта, взял свой и толкнул речь:

— Ну, за упокой души генерал-лейтенанта Зайцева, чтоб ему в аду кочегар расторопный попался! — и вместе с прапорщиком «замахнули», крикнув от удовольствия, после чего с ожиданием уставились на майора, а тот, большими глазами, смотрел на разошедшихся сослуживцев.

— Мужики, вы что охренели? Это же не шушера местная... — только договорить ему не удалось. Степаныч содрогаясь от смеха, громко хлопал себя по коленям.

— Руслан, ты понял?.. Он решил, что мы этого Зайчика мочить будем... Ой, не могу... — похоже было, что спирт удачно лёг на удобренную пивом почву!

— Действительно, Витя, ты это... — пытающийся держать серьёзное лицо капитан погрозил пальцем: — Не говори ерунды, его без нас шлёпнут. Хотя... — лицо стало задумчивым и слегка мечтательным, — сперва попытают, наверное? Давненько такой хрени не было! Ты за беспокойное посмертие то выпей! Выпей, не стесняйся.

Чисто автоматически, ничего не понимающий майор, влил в себя содержимое стакана и, выпучив глаза, закашлялся.

Каково же было его удивление, когда он понял причину такого поведения сослуживцев. Оказалось, что за попытку повернуть с его помощью свои дела, генералу, скорее всего, просто дали бы по шапке и объяснили где его место. А вот за попытку создания «вассала», уже могли грохнуть, чтоб другим неповадно было. Но взятие заложника... Это верный путь к

смерти через пытки, ещё и в присутствии других членов Организации. По той же причине! Ибо, если причина вербовки была понятна и правильна, то всё остальное... Тут ведь как в банке, дают кредит, а потом отработываешь с процентами! Только в залоге твоя жизнь, а не твоих близких!

— Понимаешь, Витя, — слегка расслабившийся от выпитого прапорщик приступил к разъяснениям. — Зачем, твой начальник это всё замутил, мы можем только догадываться. Но могу предположить, что когда он протянул свои загребушие лапки...

— Степаныч! У него нет допуска!

— Руслан, может, хватит играть в секретность? Видишь, к чему это привело? Если бы Зайцеву объяснили, что к чему, может, он бы и не маялся ерундой! И у Вити таких проблем бы не было!

— А если бы не лез, куда не надо, тоже! Он же не в детском саду!

— Руслан, ты пойми, если Витя будет понимать, что делает, то пользы будет значительно больше! Может ему выделенный допуск дать? А? Ну ты же можешь!

— Угу... Под мою ответственность! А он, между прочим, только что сдал своего шефа! Почему я должен ему верить?

— Руслан, а у него выбор был?

— Нет!

— Вот! И о какой преданности можно говорить: если его, по сути, на коротком поводке держали? Вот представь, что кто-то твою дочь в заложники взял! И обратиться не к кому?

— Руслан, — Васильев, быстро поняв, что сейчас решается вопрос о его дальнейшей судьбе, прижав руки к груди, сказал, — ты же меня не первый год знаешь! Если бы не дочка, я бы никогда!

— А... Отстаньте! — махнув рукой, продолжил капитан: — Шучу я. Но учти, если что, я тебя из-под земли достану... Степаныч, валяй, рассказывай...

— Начну с главного! Раз твоей дочери лучше стало, то лечат её не в нашем мире и можешь быть уверен, будут лечить. Тебя конечно, если накосячишь, могут и того... Но вот её не тронут. Теперь о наболевшем! Руслан, а может ещё по пятьдесят грамм? Ну, дык пиво же кончилось! От это дело! Ага... О чём это я? А? Ага! Ну, так вот. Ты ведь тоже думаешь, что парней готовят для армии? Вот, вот... А это очень вкусный кусочек. Твой генерал наверняка пытался урвать себе кого-нибудь, что-то такое проскакивало... не он один. Но вот только всем сказали: «Самим мало!». Это, кстати, касается только посвящённых, остальным то дела нет — подумаешь: ещё один армейский спецназ! Сколько их на просторах нашей Родины? А вот Зайцева, похоже, заусило. И Мажора того же, обязательно бы посадили. А там дело техники... Что значит, зачем? Ты знаешь, что, например, отводить глаза можно научить людей с очень маленьким уровнем силы? И другие вкусные плюшки! Тут ведь главное методика... Короче закружилась голова у человека! Но всё это прелюдия к моральному падению! Эх, как завернул! Кстати, может за скорейшее выздоровление Егорки, а то лежит один как перст? Ух, хорошо! Ни чё! Оклемается! А ведь ты, гад такой, на парня напраслину возводил! Что? Стыдно тебе? Ну, тогда ладно! Ты главное, Витя, пробей, что и как! Ищут или нет. Может надо чего замутить? Ну, за удачное разрешение проблем? Обязательно надо! Эх, хорошо! Да. О деле. Ну, ты сам понимаешь, что нужен был человек посвящённый, желательно в хороших отношениях с нами... А тут ты со своими проблемами... А чтоб ты нам не признался, кто тебя знает? Генерал тебя и запугал! Вот сука! Руслан, давай помянем? Чтоб уголёк возле котла не переводился... Эх! Хорошо пошла родимая! Кстати, Руслан, надо

бы сообщить про генерала! А когда ты успел? Ув-в-важ-ж-жаю...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Лежа в своём укрытии, Эльза думала о том, как будет хорошо вернуться домой: к детям и любящему мужу. Вот только выполнит контракт и всё — можно полгода не работать. Пожалуй, сегодня надо подстрелить офицера, как-никак юбилейный — пятидесятый. Да и стоит он подороже обычного солдатака.

Прижавшись щекой к прикладу, рассматривала в прицел шевелящихся далеко внизу людишек. Нет не так! Какие же это люди? Русские! Грязный и подлый народ, так долго державший в рабстве её Родину. Но ничего народы Прибалтики восстали против узурпаторов, упорно продолжающих лелеять мечту о возврате старого режима. И вот она борется за свой народ: убивая мерзавцев. Сегодня она выберет особенно тщательно. Юбилейный!

О! Вот он! Вышагивает, поглядывая по сторонам как хозяин, сейчас ты получишь мерзкая тварь. А потом, когда он будет валяться на земле и выть от боли, можно будет пострелять по конечностям. Всегда найдётся дурак, который попытается вытащить своего, и тогда их станет двое! А если повезёт то и больше. Нет сегодня определённо хороший день! Задержать дыхание, и медленно потянуть спуск... Что за ерунда? Почему нет выстрела? Не сняла с предохранителя?

— Что, красавица, не получается? Давай помогу!

Грубые лапы схватили винтовку и вывернули из рук, ломая указательный палец. Сильные мужские руки скрутили Эльзу, больно вдавливая лицом в мелкие камешки, запястья чем-то стянули. И резко перевернув, швырнули на спину.

— Ну что, тварь, попалась?

Перед ней на корточках сидели трое: два здоровенных амбала и один поменьше, но тоже весьма внушительный персонаж. Одеты в лохматые камуфляжные костюмы, с лицами закрытыми сеткой.

— Кто вы? Что вам надо? — конечно Эльза уже поняла, кто перед ней: русский спецназ. Как же она их ненавидит! Но роль надо играть до конца. Они мужчины и не смогут убить женщину. Слабую и беззащитную. И так уже было: пять лет назад её поймали, но не убили, а отправили в тюрьму собираясь судить. В результате, она стала героиней у себя на родине, Хозяева очень постарались, вытаскивая её из тюрьмы, и через полгода она, в ореоле славы, была уже дома!

— Заткнись, сука, — не сильный, но весьма болезненный удар по губам.

«Первый», как она назвала его для себя, откинул с лица сетку, обнажив молодое лицо:

— Видишь, как выглядит твоя смерть? Ты, тварь, долго подыхать будешь!

— Вы не имеете права, — в груди Эльзы разгорался пожар. «Да, как смеет этот грязный мальчишка угрожать ей?»

— Я буду жаловаться? Вас будут судить!

Новый удар. А двое других, всё так же молча, сидят на корточках и смотрят!

— Конечно, будешь! Дьяволу в аду! Куда ты попадёшь после того, как я тебя грохну!

И этот, больной на голову варвар, прижал к её шее холодную сталь ножа, испепеляя яростным блеском глаз. В этот момент Эльзе действительно стало страшно, а вдруг этот,

ничего не понимающий в ценностях жизни варвар, действительно убьёт её? Нет! Это же не возможно! Нельзя же просто так взять и убить человека! Это преступно! Надо что-то сделать, сказать? Но что может повлиять на мозг этого сумасшедшего?

— Боец! Охолони! — неожиданно заговорил второй из здоровяков.

— Мы не можем просто взять и убить, — поддержал невысокий крепыш.

Сердце женщины радостно забилося. Неужели здесь есть здравомыслящие люди?

Первый, скривившись, повернул голову назад к откинувшему сетку с лиц, молодым парням.

— Эта тварь, три дня назад убила Лёху и Серёгу, с третьего поста. И что теперь? Пожалеть?

Маленький, достав огромный нож начал чистить ногти:

— Или она, или напарник её. Хотя может и напарница!

— И что?

— Ничего! — вмещался Второй. — Пытать будем! Пока не сдохнет!

Страх захлестнул её с головой. Этот спокойный и равнодушный голос напугал больше, чем истеричные угрозы Первого.

— Вы не можете, у меня есть права... — новый удар по опухшим губам заставил замолчать. Мокрое от слез лицо, скривила гримаса боли. «Ничего вы не сможете мне сделать. Мужчины не в состоянии противиться женским слезам. Главное: держаться своей роли!»

— Скажи. Где второй снайпер и кто платит? Не убьём, — всё таким же равнодушным голосом спросил второй.

— Я ничего не зна... — поперхнувшись от боли, зажмурилась. Крепыш, повинувшись кивку Второго, воткнул ей в бедро нож.

— Где второй снайпер? Кто заказчик?

— Что же вы делаете, звери? Я же женщина! А-а-а... — нож, раскачиваясь в ране, скребанул по кости.

— Где снайпер? Кто заказчик?..

Боль обволакивала, временами отступая и снова нарастая... Да кто они ей, чтоб защищать их? Пусть... Зато потом этим русским не поздоровится, уж она всё расскажет... И, захлёбываясь словами, Эльза начала «колоться»...

Вот и всё! Балагур обтёр нож об одежду наёмницы, которую только что убил. Я брезгливо рассматривал тело снайперши, прикидывая с какого ракурса лучше сфотографировать?

— Мажор, что делать будем? Наверное, надо с Джинном связаться, доложить? — поинтересовался Санек.

— Сейчас сфоткаю и свяжемся!

— А зачем фоткать!

— Да эту тварь Джинн уже ловил, а её потом отпустили. Злится очень. Подарок! — я многозначительно воздел палец в небеса.

— Думаешь, понравится? — усомнился Сашка.

— А то! — хохотнул Балагур. — Мы эту мразь целую неделю всей бандой ловим, а теперь ещё и знаем, где вторая. А если повезёт, то и Хасана застанем! Чур, я его зарежу!

— В очередь! — гаркнули хором вместе с Саньком. Смешно. А жизнь то налаживается!

Связавшись с командиром, получили приказ выдвигаться к точке сбора в двух километрах от нас. Прибыв на место, попали в «заботливые» командирские руки. И были тут же допрошены с пристрастием: что, где, когда? Кстати, посмотрев на сфотографированный труп наёмницы, кивнул и тут же удалил фотографию:

— Порадовали! А теперь будем думать, как поступим?

Импровизированный военный совет в составе: Рогожина, Иванова, меня и Хаматшина, ломал голову, а как быть?

— Мы знаем, где эта дрянь находится. Но предъявить ей нечего, как и Хасану. На горячем ловить? — командир задумчиво потёр подбородок. — Нет. Рискованно: вдруг ещё кого-то убьёт. Хасан же всё равно выйдет сухим из воды. Уважаемый человек!

— Да, войсковую операцию никто проводить не позволит! — Степаныч был мрачнее тучи. С сомнением покачав головой, предложил: — Может сами?

— Что сами?

— Грохнем и всё! Кругом бандиты: спишут на разборки, а мы ни сном, ни духом. Будем ловить снайперов до посинения. Ну, потусуемся в лесу пару дней, может, случайно и поймаем ещё кого.

— А если нет?

— Да и хрен с ним! Труп куда дели? — это уже ко мне.

— Да там и бросили.

— Вот! Отправить кого-нибудь, пусть оружие на место положат. Если найдёт кто, удивятся и всё. А если нет: сами найдём и очень удивимся...

— Нарекаю тебя «Хитрый Змей», — хохотнул капитан. — Стало быть, выдвигаемся, нам ещё до места добираться, там осмотримся и решим, как действовать.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Рабы. Русские рабы. И всё это считай в паре десятков километров от наших армейцев. Совсем ничего не боятся, суки! И чего миндальничаем с ними? Думают, если находятся на отшибе, так и в гости никто не заглянет? Ну, ничего! Рогожин так скрипнул зубами, когда увидел солдатиков в рваной форме покачивающихся от голода и побоев, что, наверняка, будем убивать всех, кого найдём. Я только за! Тошнит уже от этого лицемерия. Пальцы сами стиснулись в кулаки. Хотя, несмотря на всю ненависть, которую я испытывал к этим рабовладельцам, в душе я был рад, что во всём этом гадюшнике нет ни одного ребёнка.

Прикинув к окулярам бинокля, наблюдаю дальше. Большой двухэтажный дом, сад с беседкой и куча охраны: около двадцати человек и трое рабов: худых, замордованных пацанов. Пять женщин, снующих туда-сюда по двору. Может быть, для меня и встал бы вопрос, а хорошо ли убивать их. Но эту проблему, лично для себя, я решил в тот момент, когда один из невольников, неся дрова, споткнулся и упал. А проходящая мимо сучка стала бить его палкой. Парнишка только закрывался руками и пытался отползти, не знаю, может она и забила бы его до смерти, но стоявший рядом охранник прикрикнул на неё. И дамочка пошла дальше по своим делам.

Охранник, подойдя к парню, пихнул его ногой и, убедившись, что он жив, вернулся на пост. Спасибо тебе, надеюсь, что сегодня ты умрёшь без мучений.

Избитый же, видимо услышав мои молитвы, поднялся на колени, собрал дрова и потащил их дальше. Убью! Всех убью, суки!!! Надеюсь, капитан позволит прикончить их медленно, так же, как они убивают этих мальчишек.

Не обманула-таки наёмница! Снайперша тоже здесь! Вышла на крыльцо дома, постояла, покурила, потрепалась со стоящим рядом с крыльцом бородатый хмырём и умотала обратно в дом.

Когда же начало смеркаться к дому подкатили три машины. О! Кажется, хозяин вернулся! И плевать, что с ним лишний десяток охраны!

Оп-па! А это что такое? Из УАЗика-«Таблетки» вытаскивают кого-то... Заложники? Судя по всему — да. Руки связаны, на головах мешки. Вот мешки сняли. Мужчина, женщина средних лет и совсем молоденькая девчонка! Это мы удачно зашли в гости! Хотя теперь появилась проблема... Надо быть в сто раз осторожней! Конечно, все эти заложники, для нас, вроде как, не нужные свидетели того беспредела, что мы собираемся учинить, но, уверен, теперь командира даже главнокомандующий не остановит. А уж потом что-нибудь придумаем: должен же Васильев чем-то заниматься, вот пусть и работает.

С наступлением ночи, дождавшись, когда все утомонятся, мы, заряженные злостью, поползли на штурм. Ну как на штурм? Первым делом надо забраться в дом и найти заложников, а то грохнут ненароком!

Часовых мы сняли на «ять»! Даже булькнуть никто не успел. Минус восемь. Не злите Русского Солдата, придёт и чиркнет по горлышку ножиком! Тем более, если он носит гордое имя: «Российский Спецназ»!

Молота с пулемётом, сразу посадили в засаду на въезде. Приехать, уехать только через него. Вторым номером Пьеро. И это правильно, парни хоть и лихие, но до подготовки

остальной группы им ещё расти и расти — пусть в сторонке посадят. Марат и Саня засели на деревьях с «Винторезами» — контролируют периметр. Они же перед атакой и сняли двух псин бегавших по двору. Жалко собачек, но...

Собрались возле главного входа и командир начал раздавать команды:

— Так. У нас два входа, делимся на две группы. Входим, по одному остаются возле дверей, остальные тихонько ищут и режут бандитов. Главное заложники, если что, напоминаю — обе заложницы блондинки, мужчина в костюме и бритый. Хотя костюм могли и забрать. Это так, на всякий случай, скорее всего, они заперты — так что не ошибётесь. Ещё у нас отдельный домик, в нём местные женщины. Есть мнения?

— Это не женщины — твари! — Степаныч покрутил головой. — Моё мнение, убить. Что б землю не топтали...

— Другие мнения есть?

Все разом замотали головами из стороны в сторону.

— Ясно. Степаныч идите в дом...

— Нет, Иваныч, я предложил, мне и исполнять, — рот прапора кривится в хищном оскале.

Рогожин пожевав губами, тяжело вздохнул и согласился:

— Справедливо! Закончишь, поищи мальчишек и охраняй.

— Добре...

Возможно, вам покажется странным этот разговор? Но лично для меня всё понятно. Такую неприятную работу... которая предстояла Степанычу, командир собирался выполнить сам. И в этом есть смысл. Поручить молодым пацанам? А смогут? А как это на голове скажется? Виртуально приговорить к смерти легко, а выполнить? Вот то-то же! Нет, что ни говори, а с командиром нам повезло. Как в песне группы «Любе», про Батяню Комбата! А Степаныч, вообще, как к детям относится. Хотя по возрасту, мы для него и есть дети.

Плохо, что раций с гарнитурой всего три и те Васильев отжал у кого-то. Не полагается срочникам... Ага! Воевать полагается, а тактическая связь нет? Вот гады. Ну да ладно, при отсутствии гербовой пишем на туалетной. Одна у Молота, вторая мне и третья у командира. Пошли...

Я, Андрей и Антон с чёрного хода. Командир, Вовка, Витек и Димас с парадного. Как это ни забавно, но дверь не закрыта. Тем лучше, нам же проще. На входе оставляю Андрюху-Пепла, он здоровый кабан — пусть дверь охраняет. В доме темно и приходится двигаться очень осторожно, что б ни зацепить чего-нибудь. Света падающего сквозь окна едва хватает, что б видеть силуэты предметов.

— Мажор, смотри, — Антон показывает на ступени ведущие вниз.

Подвал? Не было печали. Если так, то и заложники, скорее всего, там. Надо посмотреть. Вот только командир рассчитывает, что мы с этой стороны идём. Видимо поняв мои сомнения, Листик предложил:

— Давай я посмотрю. Если заложники там, то охраняют их два-три человека от силы. Справлюсь.

— Давай. Если найдёшь, останься с ними.

И вот бесшумно передвигаясь, Листик спускается вниз. Вот ведь позывной у парня. А какой ещё может быть у человека с фамилией Листьев? Конечно, сперва все было повзрослому: Лист — вот только не прижилось.

Проверив несколько дверей, никого не нашёл и вот приоткрыв очередную — слышу

храп. Почти ползком добираюсь до кровати, спит красавец, на соседней кровати ещё один. Как там пел незабвенный Андрей Миронов? «Чик-чик — уноси готовенького!» Правда, уносить никуда не надо — пусть тут лежат.

Иду дальше. Голоса. Из-за приоткрытых дверей пробивается полоска света. Гляди-ка, в карты режутся! Сколько их? Четверо? Хотя возможно, что и больше, за дверью не видно. Хотя нет. Вон шкаф со стеклянной дверкой, но лучше рассчитывать на худшее. Эх, вот сейчас бы ускорение пригодилось... Но, увы!

Помните, я рассказывал, что Рогожин обещал научить меня? Вот он и учит. Как он мне объяснил:

— Теперь при любой стрессовой ситуации, будет включаться ускорение. Мало того, что оно может просто убить тебя, при такой-то скорости, так ты ещё и развиваться перестанешь — привыкнув к нему. И тебя, не только истеричные бабёнки, детишки начнут резать! Вон только пузо зажило! Так что проведём привязку к «Чувству Смерти», а то мало ли... Развивай свои реакцию и скорость. Адреналиновое ускорение куда надёжнее, хотя и не даёт такого преимущества, а вот потом... потом, мы все это смешаем — конфетка получится.

Нет, я командира понимаю, но ведь охото всё и сразу, а тут пахать надо как медному котелку. Да и заморочек оказывается... Ну да ладно, Рогожин садист известный: все жилы вымотает, но и результат всегда на лицо! Вот и терплю, тренируюсь скрипя зубами, развиваю реакцию. Радует только одно! Не один страдаю, а вместе с парнями, командир и их гоняет, как потерпевших! Говорит, что лучше он нас угробит, чем бандюки — типа не так больно. Врёт! Как есть врёт! Бандит что? Прибил его и нормально, а капитана хрен прибьёшь... Хотя стоп. Что-то я увлёкся. Нашёл о чём говорить... Лучше, я сейчас этих самых бандитов мочкану!

ПБ (пистолет бесшумный) в правой руке, в левую нож на всякий случай. Вперёд...

Пук, пук, пук, пук... «Четыре трупа-а-а, возле танка-а-а, дополнят утренни-и-ий пейзаж!» Ох и прёт меня, в ушах: бум, бум — колотится сердце. Вот так вам, суки, это не пацанов безоружных шпынять. Это Десант на тропе войны. Даже шевельнуться не успели. Так пора! Не всех ещё зарезал я-а-а-а! Ах, где же вы сучёнки, сучёнки? Отрежу бороденку-у-у, бороденку-у-у!

В этой злой эйфории охватившей меня, я чуть не влип, когда подходя к очередной двери, нос к носу столкнулся с выходящим бандитом. Недолго думая воткнул ему в живот нож и, толкая его впереди себя, ввалился в комнату. Пук, пук... И двое смотревших телевизор полуночников валяются на бок, с простреленными головами. Закрыв дверь, сполз по стене и обхватил голову руками...

«Чёрт! Что со мной? Я только что, чуть не завалил всё дело: если бы кто-нибудь закричал или просто грохнулся с шумом? Надо успокоиться, боевой азарт это хорошо, но только пока не заносит, как меня. Всё! Нет времени расслаиваться, соберись тряпка! Вперёд!»

Не судите меня строго, ведь я только что убил десяток человек. Пусть они бандиты, но ведь люди! Мне не жалко их, я просто пьян от крови. Встречаю Балагура, узнаю по фигуре и манере движения. Подаю едва слышный сигнал — свои. Идём наверх, там снова расходимся в разные стороны. Оп-па! Что за звук? Похоже на стон!

Приблизившись к двери прислушиваюсь. Ну, точно! Вот опять! Потихоньку давлю на ручку, и с замиранием сердца толкаю дверь, едва-едва. Только не скрипни, не скрипни... Пытаюсь хоть что-нибудь рассмотреть в образовавшуюся щель. Ничего не видно, кроме

стены. В комнате горит не яркий ночник и в висящем на стене зеркале отражается... Твою мать!

А видно в нём: широко раздвинутые женские ножки, а между ними волосатая мужская задница!? От это я сходил на диверсию! Пытаюсь рассмотреть, а не блондинка ли... Тьфу ты, идиот! Если бы насильовали, то женщина не стонала! Наверное! Тут я не специалист... И тут, как бы в подтверждение моих слов, слышу: «Хасан, ты настоящий мужчина! И бла, бла, бла...» Главное здесь: «Хасан» и то, что женщина говорит по-французки. Сомневаюсь, что найдётся много местных женщин в порыве страсти балакающих на языке Наполеона. И так — Мадлен. Фамилии Эльза не знала, но вот то, что наёмница француженка — указала однозначно. Вот это фарт — сразу два фигуранта! Надо брать живьём. Только как? Два таких хищника просто порвут меня — только дай шанс. Но делать нечего — надо, да и бесшабашная весёлость, всё ещё бродит в крови...

Прижимаюсь к полу, чтоб, если что, не отразиться в зеркале и толкаю дверь: не сильно, как будто сквозняком качнуло. Глупо, но может и прокатить. Стоны и всхлипы продолжаются. Не заметили? Или может Мадлен извращенка и надеется, что за ней подглядывают? Ох, тяжела ты жизнь диверсанта. Пытаюсь подсмотреть в щель между косяком и дверью. Вроде глаза закрыты: стонет и подмахивает, а на дверь плевать.

Ложусь на пол и бочком, бочком... Фух, пролез! Всё! Теперь пишите письма — нет меня — я тень. И смотреть только боковым зрением, а то учуют взгляд. Я ещё не слишком большой специалист и если присматриваться меня можно увидеть. Ползком до кровати! Опять одолевает азарт и бороться с ним нет ни сил, ни желания. На кровати всё движется к финалу. Пора...

Интересно: успел Хасан до того, как я засветил ему по башке? Дамочка-то точно недовольна и чего спрашивается? Подумаешь, в рот ствол запихал!? Какой-то весёлый бесёнок дёрнул меня за язык:

— Что? Что-то другое в рот хотела? Извиняй, для порядочных женщин берегу.

От как глазками сверкает — поняла! А что?! Французкий у меня практически без акцента. Но дожидаться ответа я не стал. Придавлив слегка шейку, вырубил дамочку, как минимум на полчаса.

К двери кто-то подходит. Недолго думая, отскакиваю к стене, замирая в ожидании. Слышится лёгкое движение и щелчок языком. Отвечаю. Родной до боли голос говорит:

— Джинн.

— Мажор. Заходи, командир, у меня подарок!

Рогожину подарок пришёлся весьма по нутру. О чём ясно свидетельствовала довольная улыбка:

— Живые?

— Обижает, командир! Только вот, у Хасана шишка будет, а так здоровье не пострадало. Нервы же в расчёт не берём?

— Не берём! — засмеялся капитан. — А шишка... Я думаю, это меньшая из его проблем!

Вот тут пришла моя очередь улыбаться. Это точно, ножом под рёбра — это ещё та проблема!

— Мажор, на кухне твоя работа?

Киваю, а что, по-моему, хорошо сработал. Или нет? Напрягшись, жду продолжения.

— Хвалю!

Видимо удивление от того, что вместо ожидаемых звездюлей, получил благодарность, написана на моём лице во весь рост. Хмыкнув, командир пояснил:

— За то, что пристрелил, а не стал в героя играть и с ножом не попёр. Ведь была мысль?

— Была, — опускаю голову.

— Вот и хвалю... — и резко сменил тему: — Заложников нашли?

— Антон в подвал пошёл. Я приказал: если найдёт, с ними остаться. Сейчас здесь закончу и пойду, — отчитываюсь, упаковывая пленников пластиковыми ремешками.

— Подвал? Хм... Разумно. Вместе пойдём, — и, повернувшись к зашедшим вместе с ним Тихоне и Балагуру, командовал: — Оставайтесь здесь. С этих глаз не спускать. Мажор, отдай им рацию и показывай дорогу.

Пока осторожно шли к спуску в подвал, размышлял: «Раз парни пришли вместе с командиром, значит: живых в доме нет. Скорее всего... Могли ведь и пропустить кого-нибудь, но именно на этот случай: Пепел и Маркони караулят двери. Так что нужно быть просто внимательным, вдруг какой недобиток вылезет, хотя вряд ли, но бережённому, как известно — Бог бережёт!»

Вот и ступеньки вниз. Спускаемся, ПБ в боевой готовности — мало ли... Оп-па! Возле стены, лицом вниз, лежит труп. На полу лужа крови, осторожно перешагиваем, чтоб не запачкаться. А через несколько метров справа — открытая дверь.

Похоже, что это была комната охраны. Решил я так потому, что тут стоял стол уставленный снедью, у стенки разложенный диван и старое кресло. Интерьер же разнообразили пять трупов: четыре мужских и один женский... Кто-то тут нехило полютовал: кругом кровь, мозги и внутренности. И если трое бандитов были в более-менее приличном состоянии, то у четвёртого — со спущенными штанами, голова была просто расколота. Ну, а женщине просто выпустили кишки... Кто? Думаю не ошибусь, если предположу, что это был Листик.

— Что-то мне не нравится обстановка, — задумчиво произнёс капитан, — и гложут меня сомнения... Пойдём-ка искать нашего бойца!

А чего его искать! Подкрадывается по коридору — ниндзя доморощенный... Практически одновременно прижимаемся к стене... Немая сцена. Листик-то не знает, кто вошёл, а мы не уверены, кто подкрался... Хотя? Сигнал нам подавать, мы хоть шаги слышали и уверены, что кроме Антона тут живых нет. Ну, бандитов точно! Рогожин щёлкнул языком, подавая сигнал. Оба напрягаемся, готовясь к действию, а вдруг нам сейчас подарок в виде гранаты прилетит? Секундная пауза, щелчок.

— Джинн.

Молчу, а вдруг там враг? Зачем ему знать, что нас двое?

— Листик.

Фу-у-у... Не люблю такие моменты...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Наверное, стоит рассказать, что же произошло в этом подвале. И не теми словами, которыми коротко и лаконично отчитался Антон, а немного подробнее... Объяснить, почему такой холодный профессионал, как Листик, устроил кровавое побоище, а не спокойное умерщвление — как оно должно было быть. Да и история имела своё продолжение в будущем, как и своё прошлое, которым парень в своё время делился с нами — своими друзьями.

Расставшись со мной: Антон тихим, неслышным шагом начал спуск в подвал. Дойдя до угла лестницы, делавшей поворот на девяносто градусов, остановился, прислушиваясь. Послышался звук спускаемой в туалете воды. Незаметно выглянув из-за угла: увидел, как из двери вышел мужчина и, повернувшись к нему спиной, начал удаляться. Стремительно преодолев три последних ступеньки, зажал бородачу рот и воткнул в шею нож. Придержав тело, аккуратно опустил на пол и только после этого освободил оружие, не забыв обтереть его об одежду убитого, после чего убрал в ножны и взял в руку ПБ. Снова прислушался... из-за приоткрытой двери, метрах в трёх дальше от него, раздавались странные звуки: мужские голоса и тоненькие всхлипы.

Картина, которую он увидел в приоткрытую дверь — шокировала... Листик ненавидел насильников, а то, что девушку насилуют, у парня не было сомнений. И, похоже, что это действие продолжается уже давно: светловолосая заложница, неподвижно лежащая под насильником, уже не сопротивлялась, а только тихонько всхлипывала.

В глазах парня вспыхнул огонь ярости, рука сама убрала пистолет в кобуру и достала нож. Твари не достойны пули...

Да! Листик ненавидел насильников, и тому была причина... Из-за таких вот ублюдков, парень пережил главную трагедию в своей жизни...

Тогда его звали Антон Листьев, который даже не мог подумать, что ему суждено стать диверсантом, убийцей, палачом... Он был весёлым и в тоже время серьёзным молодым человеком. Любил пошутить, но думал о будущем, а ещё он любил девушку Надю и думал о будущем с ней. Ему было семнадцать, ей уже исполнилось восемнадцать, и они ждали совершеннолетия Антона, чтоб пожениться. Данное событие должно было произойти через семь месяцев. А пока, чтоб не терять время и заработать немного денег на свадьбу, парень поехал на работу в геологическую партию — на полгода. Конечно, он был молод, но его дядя был закадычным дружкой с начальником геологов и его взяли. Надя не хотела его отпускать и постоянно плакала, уговаривая остаться. Но совместными усилиями, подключив её и его родителей, девушку смогли уговорить, что так будет лучше. Ах, если бы он знал...

Работа была интересной, хотя и забрались в такую даль, что до ближайшего жилья было не меньше трёхсот километров. За ежедневными заботами время летело незаметно, единственно — Антошка скучал по дому и любимой девушке. Но всё когда-нибудь заканчивается, вот и геологи вернулись в родной город. И здесь Антона ждал удар, уничтоживший все его мечты о счастливой семейной жизни.

Примерно через месяц после отъезда: Надя, допоздна засидевшись у подруги, возвращалась домой и решила сократить дорогу через парк... Трое пьяных отморожков,

пытавшиеся познакомиться, сперва вызывали лишь раздражение. И вот один из них схватил девушку за руку, пытаясь вырваться, Надя ударила наглеца сумкой. Возможно, это послужило сигналом? И вот отчаянно сопротивляющуюся девушку потащили вглубь парка...

Зачем двое патрульных свернули вглубь парка, отклонившись от своего маршрута? Кто знает?! Может причина в том, что одному из них понадобилось в кусты по неотложному делу? А может само провидение привело их? Кто знает!? Но вот подозрительное пыхтение и женские всхлипы, вкуче с мужскими смешками — заставили их заглянуть в близлежащие заросли...

Картина, открывшаяся молодым милиционерам, ясно говорила о том, что здесь происходит. Девушка в разодранной одежде, двое ублюдков держащих её за руки и ещё один лежащий на ней...

В скорую увозили четверых... На счастья патрульных: никто из отморожков не умер, хотя ребята и подошли к делу весьма ответственно! (Первый раз радуюсь тому, что ублюдки будут жить!) Разразился жуткий скандал и парней чуть не выгнали с работы. Очень правозащитники старались, но не тут то было. Нашлись и порядочные люди в журналистской братии. Хотя как посмотреть!? Фотографии избитой девушки появились во всех местных газетах и на телевидении. А ведь у многих такие же дочери и сёстры. Короче пикет правозащитников, возглавляемый родственниками «потерпевших», был жестоко бит! С применением бейсбольных бит и других подручных материалов... (Вот иногда горжусь нашими мужиками!) Скандал вышел первостатейный! Да и коллеги обвиняемых патрульных не остались в стороне. В общем, парней оправдали, а насильникам, в конце концов, дали срок! Может я не всё понял в этой истории!? Может Листик не так рассказал!? А может мы оба!? Но запомнилось мне именно так!

А Надя? Надя, Надя, Надя... Бедная девушка: натерпевшаяся сперва от насильников, потом от правозащитников, от родственников насильников — столько грязи на неё вылили...

Сегодня какая-то страшная, толстая тётка сказала ей, что порядочные женщины по ночам не шляются и их не насилуют! Потом гордо оглядела очередь в магазине, где стояла вместе с Надей. Какой-то молодой парень заржал... И тут же поперхнулся от мощного подзатыльника... Хотел возмутиться, но! Стоящий рядом здоровый мужик сунул ему кулак под нос:

— Чуешь чем пахнет, шкура? — и, повернувшись к тётке, спросил: — А если бы твоя дочка пострадала?

— Моя порядочная! — гордо заявила толстуха.

— Кто? Твоя? — раздался женский голос. — Да твою Катку только ленивый не поимел!

— Что?! — взвыла тётка. — Да я тебя!

А Надя плача выскочила из магазина! Прибежала домой и обессилено рухнула на кровать. Сколько она так лежала, неизвестно...

Когда мама пришла домой, то первым делом решила проведать дочь. Надя лежала на кровати, а рядом на тумбочке валялись пустые упаковки от лекарств...

По счастью девушка выжила! Но какой в этом прок, если жить не хочется? И рано или поздно Надя выполнила бы задуманное, если бы не одно событие... Навестить больную пришли патрульные нашедшие её, а возможно и спасшие от смерти в тот злополучный вечер. Вадим. Так звали парня, ставшего тем спасательным кругом, позволившим — сохранить

разум и обрести надежду на будущее.

Все эти события легли тяжёлым грузом на душу вернувшегося Антона. Нет, он ни в чём не обвинял свою бывшую невесту, винил же только себя: за то, что уехал, за то, что его не было рядом. Ведь останься он дома, обязательно пошёл бы встречать Надю... Но сделанного не вернуть!

Через неделю после приезда, сидя на лавочке возле подъезда, Антошка увидел их... Они шли вдвоём и о чём-то болтали... Сердце стиснули тиски печали. Надя! Чужая. Больше не его! Он потерял свои права в тот момент, когда оставил её! Первым желанием было убежать, но пересилив себя, остался.

Уже подходя к подъезду, Надя узнала Антона, и замедлила шаг, в конце концов, остановившись. Её жених тут же насторожился и сделал шаг вперёд — защищая! От кого? От Антона? Нет! От всего! И именно это увидел Антошка в глазах Вадима: решимость защитить свою женщину от всех бед.

— Здравствуй, Антон, — девушка вышла вперёд, слегка отодвинув в сторону своего парня и пояснила. — Вадим это Антон! Нам нужно поговорить.

Парень кивнул и хотел отойти в сторону.

— Не уходи, — чуть дрогнувшим голосом сказал Антон, — останься, тебя это тоже касается!

Вадим снова напрягся, ожидая какой-нибудь гадости от бывшего жениха, но нет, тот спокойно смотрел ему в глаза и грустно улыбался:

— Прости меня, Надюшка, что подвёл! Что в нужный момент меня не было рядом... — и, повернув голову к Вадиму, продолжил: — А тебе спасибо!

— За что? Я же вроде девушку у тебя увёл!?

— Увёл! Только не у меня... — и с грустной улыбкой глядя на удивлённые лица, Антон продолжил: — Я потерял на неё все права, в тот момент, когда, несмотря на слёзы, оставил одну и не смог защитить. Теперь это твой долг. Надеюсь, что ты справишься лучше, чем я!

И протянул руку для рукопожатия. Мужчины крепко пожали друг другу руки и Антон развернувшись, пошёл домой.

— Стой! — Вадим широким шагом догнал Антона. — Скоро свадьба. Придёшь?

— Нет.

— Приходи. Надя очень переживает.

— Скажи ей, что всё хорошо, но на свадьбу не приду. Зачем эти пересуды, вам оно надо? Ей и так досталось, по самое не балуйся, а тут опять начнут языки чесать. Объясни ей всё. Он умная поймёт... Прощай!

Тут бы стоило сказать, что вскоре Антона забрали в армию, и как сложилась судьба молодых людей он не в курсе! Но жизнь порой имеет свои виды на то, как оно должно быть. Вот и на свадьбе Антон был!

Рано утром Антона разбудил надрывающийся дверной звонок... На пороге стоял Вадим и ещё какой-то парень. Позже выяснилось, что это был второй милиционер из парка...

— Сам пойдёшь, или?.. — в руках Вадима покачивались наручники.

— Вадим, не майся хернёй.

— Антон, одевайся! Это не обсуждается! А болтуны пусть слюной подавятся...

— Кстати, будут такие цыпочки... У-у-у... — второй парень мечтательно закатил глаза.

— Искусители! Я сейчас...

И вот теперь Антон стоял перед дверью, за которой творилось насилие. Стиснув

побелевшими руками нож, толкнул дверь. Первой под удар попала женщина, она как раз зачем-то подошла к двери. Острый как скальпель нож, воткнулся в левый бок и, раздирая внутренности, пропутешествовал до правого. Листик даже не испачкался, настолько быстро он оказался за спиной у своей жертвы. И пока женщина с расплосованным животом падала, он успел убить троих, сидящих за столом, и, довольно наблюдающих за процессом, бандитов. А последний, ничего не замечая, продолжал сладострастно дёргался на неподвижной девушке.

Шаг, и вот: схватив насильника за подбородок, боец рванул его со всей мочи. В тот момент, когда голова коснулась пола, и мозги расплескались вокруг — ноги всё ещё летели... Антон очень надеялся, что тот умер от удара, а не от того, что он сломал ему шею!

Взгляд парня упал на лежащую девушку. Бедняжка! Всё тело покрывали синяки и ссадины, ногти сорваны в кровь — до последнего защищала свою честь: за что и была избита.

«Ну и что с ней делать? Лежит как неживая. Может противошоковое вколоть? Не вариант...» — тяжело вздохнув, Листик потянулся за лежащим рядом одеялом — прикрыть девчонку. И в тот момент, когда он навис над ней, глаза жертвы насилия открылись и взгляд упёрся в него. Рот открылся для крика. «А вот этого допускать нельзя, истерики ему ещё не хватало». Зажав левой рукой рот, правой слегка нажал на тонкую шейку. Дёрнувшись, девушка обмякла — пусть поспит...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Выслушав короткий, буквально в пару слов, доклад Листика, Рогожин кивнул и спросил:

— Родители девушки в порядке?

— Почти. Накосячил я, командир, — повинился Антон.

— Что такое?

— Да я когда их нашёл, они, как зомби были. Слышали, как дочка кричит... Я им говорю, сидите, сейчас принесу... — замолчав, понуро опустил голову и тяжело вздохнул.

— Ну! Листик, не тяни кота за хвост! Что случилось?

— Девчонку на руки беру, поворачиваюсь, стоят в проходе! А тут сами видите! Короче: женщина в обморок упала!

— Эк, ты... Не услышал?

— Да, о девушке этой думал, как она жить то теперь будет, а? Дай бог, если нормально всё! А если удумает чего?

— Антошка, ты это... — смутился командир. — Ну, тяжело конечно, но не смертельно. Переживёт... — а потом нехорошо так усмехнулся. — Там у нас где-то, командир этих ублюдков был!?

— Командир, это... — Листик запнулся и, отведя глаза, продолжил: — В больничку её надо, у неё низ живота в крови. Или повредили чего, или...

— Чёрт! — выругался Рогожин. — Вот тебе и первая любовь. Ну, суки! Ладно, я сейчас пойду вопрос решать, а Хасана чуть позже кастрируем!

И замерев на мгновение, скомандовал:

— Мажор, берёшь Листика, и проводите заложников наверх: в гостиную, — и припустил к выходу, бубня на ходу: — Яйца отрежу, и сожрать заставлю, и подстилку эту французкую... — тут голос командира затих.

Что-то железного капитана накрыло, вон как разошёлся! А я что? Я ничего! Ножик там поточить, или наоборот, лучше тупым пилить? Надо, на кухне столовый поискать, они всегда туповатые... Право слово, не командиру же этим заниматься! Вот я и подсуечусь...

Поднялись наверх, в гостиную. Девушку пришлось нести отцу, так как при нашем приближении она в страхе скукоживалась. Ну да понятное дело: пережить такое, врагу не пожелаешь...

Сидим, ждём, а командира всё нет! А вот и он: злой как чёрт и явно жизнью не довольный. За ним Димка-Маркони со своей рацией... Вот ведь интересно: живём в век высоких технологий, а радист таскает на спине дуру — в двадцать килограмм весом?! Да ещё запасные аккумуляторы! Абсурд какой-то!

— Мажор, за мной. Маркони, с Листиком.

Ох, вот чего не люблю, так это злого командира... Он тогда превращается в натурального Джинна: дымится и так же непредсказуем. Выходим, на улицу. Там уже сидит на крылечке Степаныч и задумчивый Марат. А у нас, похоже, военный совет? Рогожин всегда по возможности подтягивает нас с Маратом — учит думать! Мы же младшие командиры?! Вот и приобщает к таинству.

— Степаныч, хлопцы все целы? — командир интересуется состоянием пленных-рабов.

— Да как тебе сказать, Иваныч... — прапорщик достает из кармана пачку сигарет, тяжело вздыхает, — состояние паршивое, да и с головой у ребят, того... — крутит пальцем в воздухе и, наконец, прикуривает сигарету. Выдохнув дым, продолжает: — Один на меня кинулся. Ох-хо-хох... Связал их на всякий случай. Один побит сильно: это, которого сегодня видели. Остальные истощены. Ну и били, конечно... В больничку бы их. Не ходоки.

— Я так и думал, — Рогожин покачал головой. — Короче: будет вертолёт, отправим всех в больницу. Но! За это, мы не убьём Хасана... — было видно, как этот факт расстраивает командира.

— Как же это? — не выдерживаю и влезаю в разговор старших: — Джинн, гляди, какой я ножик на кухне нашёл! Совсем тупой! Нельзя его отпускать...

— Цыц! Его никто не отпускает — засветились мы. Понимать должен, что на руках мы всех не упрём, да и молчать они не будут! Вот я с Васильевым и связался. Он теперь хочет сделать из нашей самодеятельности — законную операцию. Тут же всего навалом: дело сшить раз плюнуть. Нужен только приказ! Вот он и ищет того, кто его отдал!

— Как это ищет? Мы же сами! — заинтересовался Марат.

— Молча. Если захотеть, то из всего этого можно такую конфетку сделать, что и награды и звания не заставят себя ждать. Вот Васильев и ищет кого-нибудь, кому звезда на погон требуется. А таких пол штаба, как минимум. Так что ждём! Но самое главное: нужен тот, кого можно судить...

— Или договариваться! — сказал и прикусил язык. Рогожин и так как пороховая бочка, а тут я!

— Или договариваться! — сверкнув в мою сторону глазами, командир сплюнул и душевно выматерился.

— Соскочит, как есть соскочит! — стискиваю кулаки: обидно до слёз!

— Мажор, ты кто?

— А?

— Я спрашиваю: какая у тебя профессия?

— Диверсант.

— А специализация?

— Э-э-э... Разведка?

— Угу. Это понятно. А поконкретней? Расширенно так сказать!

«А гори оно всё огнём! Один чёрт не могу понять, что он от меня хочет!» — и я решил приколоться. А что? Если и получать по шапке, то хоть за дело!

— Незаметное проникновение и удовлетворение потребностей врага в суициде!

Вместо гневной тирады, Рогожин хрюкнул и начал смеяться. К нему тут же присоединился Степаныч. Ну и мы с Ханом до кучи. Отходняк, однако!

— Вот проникнешь и удовлетворишь, если что... — сквозь смех выдавил из себя командир, — незаметно! Ты главное баб удовлетворяй — заметно! — продолжило веселиться начальство.

— Командир, — смахивая набежавшую от смеха слезу, пытаюсь говорить серьёзно, — давай, хоть руку ему сломаем!

— Кхм... — Рогожин даже смеяться перестал, — руку, говоришь? Интересная мысль... — и старательно почесав затылок, вынес вердикт: — Левую, чтоб бумаги подписывать смог!

Не буду углубляться в подробности, скажу только: руку мы Хасану сломали. Точнее не руку, а только кисть, но зато качественно — в щепень! А как вы хотели? Если уронить на эту самую лапу комод, стоящий у стенки в спальне, предварительно положив её на что-то твёрдое, например, на пол — что будет? Правильно! Хреново ему будет! Жалко только три раза, но мы ведь типа случайно! Мы ж не звери какие — специально людей калечить!

После того, как Балагур с Тихоней утащили скулящего бандита, приступили к разговору с наёмницей — слегка офигевшей от произошедшего, но, тем не менее, не в павшей в истерику. Железная дама, сразу видно профи! А как она нас разводила! Но по порядку...

Вот лежит эта дамочка на кровати, голенькая и со связанными ручками. Всё как полагается, психологический эффект: обнажённый человек завсегда в проигрышном состоянии перед одетым. Ага! Щаз!

Вначале-то парни её прикрыли покрывальцем, чтоб значит не отвлекаться... И всё было нормально. Пока мы, значит, в психологов играть не начали. Мы — это я, Рогожин и Степаныч. Стянули покрывальце и приступили к допросу. Вот какой... умный человек сказал, что голая баба перед мужиками в невыгодном положении? А если эти мужики голых баб уже... Короче давно не видели? И кто тут в этом самом? А она типа застеснялась со связанными ручками, вроде как прикрывается! И ножками сучит... Так чтоб рассмотрели. И титьками мотает! Аркх...

И невинные глазки строит, и то, что она журналистка рассказывает, и то, что она невинная жертва, и документики вон лежат, и вообще она мягкая и пушистая... И всё это под показ женских прелестей, а мозг кипит, гормон попёр! Тут Степаныч и спрашивает:

— Я не понял, она что, нас совращает?

— Могу спросить! — я ж единственный, кто понимает, что она там лопочет.

— А ты спроси, — по виду Рогожина уже видно, что он ни в чём не уверен. Может и журналистка! А ведь попадалово! Мы же, только что, на её глазах человека покалечили! Спросил, конечно, куда я денусь. А дамочка в слёзы, и давай значит, на жалость давить: и про испуг, и про то, что больно, и то, что жить хочет, и молчать будет, и никому не скажет. И что если нам очень надо, то мы можем её... Только не убивайте.

Перевожу синхронно, а сам закипаю. У меня последнее время аллергия на женские слёзы... Говорят, что это самое страшное женское оружие. Не спорю и сам раньше вёлся, но меня вылечили: жёстко, больно, зато надёжно! Помните, как мне пузо располосовала такая же — со слезами? Мужики-то уже в сомнениях. Нет, не по поводу попользовать, а всего остального! Того и гляди утешать начнут. А у меня паранойя разыгралась. Гляди, как старается, и ведь не забывает позы поэффектней занять. И плечиками поводит. Плечиками!

— Ах ты, сука! — честно говоря, едва успел. «Надо, надо верить себе и своей паранойе!»

Схватив за волосы: рванул вперёд, пригибая голову к коленям. Вот ведь! Почти перепилила ремешок! Вырвав из рук нож, швырнул её на пол. И отбросив подушку в сторону — офигел. Там лежала граната.

— Охренеть, она даже трахается с арсеналом под подушкой! — и душевно так вытянул бёрцем в бочину. Аж перекосило всю...

Мужиков уже нет, остались только злые, как черти, солдаты. А дамочка-то, вдруг взвилась вверх, ремешок в процессе падения лопнул, и попыталась воткнуть Рогожину в глаза пальцы. Наивная! Хруст, сопровождающий перелом шаловливой ручки, прозвучал в ушах как музыка! После чего командир просто впечатал тварюшку в пол.

— Гранату! — требовательно протянутая рука. И команда: — За дверь!

Пока мы со Степанычем шустро выметались из спальни: капитан, надавив на челюсть, заставил наёмницу открыть рот и просто вбил в рот, вместе с зубами, безоболочечную гранату, найденную мной под подушкой.

Выскочив вслед за нами, прижался к стене и, открыв рот, заткнул уши. Вот в таких позах мы и встретили взрыв.

— Ик... Джинн, а можно, не я пойду проверять? — с надеждой в голосе поинтересовался я.

— И не я! — отрезал Степаныч.

Рогожин усмехнувшись, приоткрыл дверь и сразу закрыл.

— А не хрен там проверять... — и потирая грудь, добавил: — Не блевануть бы...

— Да уж... — прапорщик усмехнулся в усы, — облажались мы. А молодой молодец, не повёлся на титьки... Пора! Пора — старшого давать.

— Повёлся я, Дед, повёлся. Только, как слезу пустила, меня аж колотить начало, знаешь ведь мою историю. У меня с тех пор иммунитет на слёзы...

— Вот! И от дурасти есть польза, — усмехнулся пришедший в себя капитан. — Так что походи пока сержантом!

Пришлось изображать разочарование. А что!? Пусть начальство думает, что мне оно надо. Глядишь, и других наказаний придумывать не будет.

— Здесь Джинн. Всё в порядке! — выкрикнул Рогожин стаду носорогов, летящему по лестнице.

Носорогов изображали: Пепел, Балагур и Тихоня. Ну, это понятно: сидишь, никого не трогаешь, а тут бабах! Вот и прибежали — кони. Сейчас огребутся... И огреблись... по полной! С нарядами, всё как полагается. Спросите за что? А вот за топот и появление скопом! Ну, это я так объясняю... У Рогожина оно красочней получилось. Хотя в последний момент командир передумал и отменил Балагуру кухню:

— Тебе я персональное наказание придумаю!

— За что?

— За пререкание!

Поняв, что спорить бесполезно, Вовка покаянно опустил голову и засопел. И тут капитан объяснил для народа свой поступок:

— Есть у меня подозрение, что твоя наглая морда на кухне себя очень хорошо чувствует. Вот обрюхатишь повариху, и что?

— Я да ни в жизнь! — начал долбить себя пяткой в грудь это прохиндей. — Я ж аккуратно, со всеми предохранениями...

— От молодец! — Рогожин, довольно улыбаясь, пару раз хлопнул в ладоши. — И сразу расколосся! Всё! Нет больше нарядов на кухню! А то я его наказываю, а он и рад стараться.

Тут-то до Вовки и дошло, что он сам себя подставил. И тяжело вздохнув, поинтересовался:

— Что хоть тут случилось?

— Ты слышал, что спички детям не игрушка? — менторским тоном спросил командир.

— Как бы, да.

— Не как бы, а так точно!

— Так точно! — выпучив глаза и вытянувшись по стойке смирно, гаркнул этот балбес.

— Вот... А солдатам — граната! Понял?

— Так точно! А что случилось?

— Тьфу ты. Иди, посмотри...

Когда зелёный Вова вывалился из бывшей спальни, добрый Рогожин, постановил:

— Будем считать, что наряд ты отработал.

Дальше было не интересно: прилетело два вертолётa: на них генерал-майор с сопровождением и взводом десантников. Ах да! Ещё был майор Васильев, который быстренько состыковал Рогожина и генерала — небольшие переговоры и мы свалили... А что? Нас же тут не было! А прилетевшие приступили к освоению найденных богатств! Среди которых нашлось много интересного и забавного: на пару пожизненных точно! Кстати: по старой, доброй традиции мы опять затарились гранатами и патронами. А что? Запас карман не тянет и не учтено нигде. Чувствуете перспективу?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Фух! Хорошо-то как! Всё-таки, горячий душ это что-то! Правда, комплект: сауна, бассейн и пару симпатичных массажисток — было бы куда лучше. Но не до жиру... А теперь спать!

Вот только выспаться мне не дали! Степаныч, будь он неладен, разбудил меня часов в восемь вечера, а уснули то часа в четыре. Вот приползли, после того, как сбагрили домик Хасана генералу, помылись и спать. Устали все, поэтому командир отправил всех отсыпаться, после подвигов ратных. А тут прапор трясёт и чего-то шёпотом вещает:

— Егор, Егор!

— Степаныч, что случилось? — так же шёпотом интересуюсь у этого «врага».

— Да всё путём. Егор, мне надо отлучиться по делам...

— Степаныч, охренеть! Ты мне-то чего докладываешься?

— Дык, Рогожин то свинтил. Как Васильев позвонил, так и умотал. Будет только завтра!

— Ну, а я-то при чём? — спросонок никак не могу понять, чего ему нужно.

— Ну, я же за старшего, а мне очень надо! Тут такое дело... Короче выручай!

— Степаныч, ты же знаешь я для тебя, что угодно! Но ты можешь по-русски объяснить, что ты от меня хочешь?

— Тьфу, ты, — чертыхнувшись, прапорщик замялся и выдал: — Ну, если что, ты за старшего, а я просто отлучился!

— Ну, для этого меня будить не нужно было и так понятно!

— Что тебе понятно? Иди в каптёрку спать! Если кто ломиться будет, услышишь. А там: «Отошёл, скоро будет». Только не спались, если Руслан узнает, прибьёт!

— За что? — вскрикиваю с возмущением.

— Тихо ты, — зажимает мне рот, — не тебя, меня!

— Дед, ты охренел? — до меня наконец-то дошло, что происходит. — А если спалят?

— Цыть, молодой, не отросла ещё такая палилка, чтоб прапорщика Иванова застукать.

— Да ну? А как тебя командир поймал?

— Ну, на то он и командир, у него нюх как у собаки. А в части кто? Правильно никто? Ну что, прикроешь старика?

— Да куда я денусь! Слушай, признайся, — во мне проснулся нездоровый интерес, — ну что в этой бабе такого? Ну, базара нет — симпатичная, но не стоит забывать, кто её муж?

— Вот именно муж! Терпеть не могу замполитов, а я ему такие шикарные рога помогаю отращивать... — Степаныч мечтательно закатил глаза. — Слушай, такой шанс, Руслана нет, и замполит уехал! А баба, небось, тоскует... Ты ж понимаешь, настоящий гусар...

— Ты не гусар!

— Тем более! Настоящий десантник, всегда готов помочь даме! А если он ещё и настоящий диверсант... — прапор ехидно усмехнулся, — то его ещё и никто не спалит.

— Особенно если его другой диверсант прикроет! — хохотнул я, пробираясь к каптёрке.

Нет! Ну что за фигня! Только снова уснул, как припёрся Балагур и давай будить.

— Егор, Егор! Проснись, дело есть!

— Что тебе, собака страшная!

— Я сейчас обижусь! — Вовка надул губы.

— Не по уставу.

— А по уставу, друга собакой называть?

— Тоже верно. Извини. Давай я снова лягу, а когда ты меня позовёшь, как другу дам в глаз?

— Собака, так собака, — неожиданно согласился Балагур. — В конце концов, ефрейтор я или нет?

— Ладно, проехали. Чего не спишь?

— Говорю, дело есть.

— Да хрен с тобой, рассказывай! — поняв, что поспать он мне не даст, сажусь на кровати и прикуриваю сигарету. Потихоньку фигею, от Вовиной деятельности.

— Короче, когда уже спать легли, мне в туалет приспичило. Иду и слышу, как Дед с Джинном разговаривают. В общем: командира сегодня не будет, такой фарт! Я на кухню к Таньке, договориться, чтоб вечером задержалась. Ну, ты понимаешь, чайку попить там... — хихикнул Вован, — в общем, такое дело!

— Балагур, ты от меня чего хочешь? Свечку подержать? Или может у неё подруга нарисовалась?

— Да!

— Что да?

— Подруга! У них мужья на вахту уехали.

— Млять! С этого и надо было начинать! А то дело, дело! — я уже во всю натягивал на себя форму... — Ох, ты-ж! Я же за старшего!

— Давай Марата озадачим!

— Точно! — и сплюнув, выразил мысль. — Надеюсь, Марат по бабам не рванёт, а то к утру, в казарме один Саня останется!

Может, конечно, было совсем неправильно уходить, ведь Степаныч на меня надеется. Но с другой стороны, Рогожин тоже на него надеется! А тут такое дело! Я же целый год без женского полу!

Так началась история моего морального падения... Почему падения? Да потому что подруга эта была страшная! Реально! До армии на такую, не то, что не посмотрел бы... Ещё и отвернулся бы! Было желание сбежать, но как-то неудобно — Танька обидится и всё! Плакал мой компот!

Кстати с нашей поварихой — забавный случай! Баба она симпатичная и весьма приятная со всех сторон. И не слишком старая — лет тридцать пять. Мужики с гарнизона ни раз и ни два к ней подкатывали. Но облом! Замужем! Пока не появился Балагур — чёрт языкастый. Кого хочешь, уболтает! Вот он её и уболтал... Даже завидно немного. Я ведь тоже пытался. Но, увы...

И что мне оставалось делать? Уйду, Таня может обидеться, подруга ведь. А чёрт с ним! Посижу, выпью, но на эту страшилку не полезу! Хоть режьте, лучше ещё год без бабы! Дома оторвусь...

Кто сказал, что бог любви Эрос? Плюньте ему в левый глаз! Бог любви — Бахус! Чем больше я пил, тем симпатичней становилась Галя. Куда там пластическим хирургам! А уж в темноте, и на ощупь — так вообще прелесть! Хотя, что греха таить, помню я происходящее с трудом — уж очень я старался в деле улучшения женской привлекательности, но вроде не ударил в грязь лицом! По крайней мере, полежать за себя смог!

Под утро меня разбудил, более опытный в таких делах Балагур. С трудом напялив на себя форму, мутным взглядом осмотрел поле боя. Вздрогнул, посмотрев на Галю, с ненавистью уставился на Балагура. Тот сразу понял, о чём я:

— Егор, сука буду, не знал! Танька зараза!

— Хрен с ним. Но если кому проболтаешься, прибью... — придерживая рукой больную голову, собрал с пола валявшиеся там использованные презервативы и сунул в карман. От греха подальше. — Всё-таки молодец, не забыла — уважаю! Но, давай сваливать!

Вот кому говорил, чтоб не трепался? Не успели покинуть столовую, как Вовка начал меня подкалывать! Давно известно, что самый главный враг Балагура — его язык. А самый лучший аргумент в любом споре, удар в печень. Вот и сейчас помогло: дошло, что я не шутил! Причём быстро так!

Но польза от всего этого была огромная: выраженная в дополнительных котлетах и пирожках. Танька по-своему извинялась передо мной за подставу. Да я и не в обиде, давление снял, и самое главное: вкусняшек в моей тарелке стало больше! Короче, оно того стоило!

Но вот женская тема на этом не закончилась. Вернувшиеся, Рогожин с Васильевым, привезли письмо! Листик! От девушки, которую он освободил в подвале. Надо ли говорить, что мы всем табуном обступили парня, требуя прочитать письмо вслух. Конечно, были посланы, обиделись и спёрли у него конверт. Потом долго убегали от него по всей казарме. Правда, письмо не вскрывали, что мы гады какие? Но вот, выторговать у Листика обещание пересказать своими словами, удалось! После чего письмо было торжественно возвращено, и пока он читал, мы, как пай мальчишки, сидели перед ним на табуретках и кроватях — мешая сосредоточиться. Но тот терпел и мы тоже! Вот парень дочитал и с задумчивым видом откинулся на кровать.

— Листик, не тяни, рассказывай!

— Антоха, будь человеком!

Мы все с нетерпением начали теревить парня, а он лежал и пялился вверх, в левой руке держа прочитанное письмо. Но, как бы нас не мучило любопытство, взять его уже никто не пытался. Даже нетерпеливый Балагур, только подпрыгивал в ожидании.

И вот сев на кровати, Антоха потёр лицо правой рукой, а левую, с зажатым в ней письмом, протянул мне:

— Прочитай, там ничего такого нет, да и, по сути, оно не только мне адресовано.

— Уверен?

Листик кивнул:

— Да. Читай вслух!

Прокашлявшись и взглянув на нетерпеливые лица ребят, приступил:

«Здравствуйте, уважаемый Листик, и все ваши друзья! Простите, но настоящего вашего имени я не знаю. Мне и ваш позывной, кажется так, это называется? Мне говорить не хотели, вечером вот только сказали. Это большой начальник разрешил, у него четыре звёздочки на погонах. А тот, который первый был, у него только одна! Его Виктор Петрович зовут, ну того с одной звёздочкой! А второго не знаю, они добрые, только очень серьёзные... Виктор Петрович не хотел говорить, как вас зовут, потому что вы жутко секретные! И вас там не было, объяснял что говорить, сказал так надо! Но я всё поняла, я же взрослая уже, вы же секретные. Спасибо вам, что спасли меня, жалко, что вы раньше не пришли».

В этот момент я замер, глядя на слегка расплывшиеся чернила: здесь на бумагу упала

слеза. Слеза девочки, пострадавшей по тому, что мы опоздали... Подняв взгляд на моих парней, увидел те же чувства, обуревавшие их. Серьёзные лица и стиснутые кулаки. Сглотнув комок, вставший в горле, продолжил:

«А вот второй начальник, он сказал! И разрешил письмо написать! Вы только не подумайте, я вас не виню, вы же не знали что я там, ведь правда, да?»

Поперхнувшись словами, прекратил читать, пытаясь уговорить враз застучавшее с бешеной скоростью сердце! Мы знали! Знали! И действительно опоздали, разбив девочке жизнь. Только не предполагали такого финала, жаль, что пришлось Хасана отпустить... И вот, пересилив себя, продолжаю:

«Я первую ночь спать не могла, мне снились кошмары и эти бандиты. Я плакала и боялась, но мама сказала, что вы всех убили! Я больше не боюсь. Мне снова снились бандиты, но вы их убивали... Я помню, там была кровь, я видела. Я вспомнила, когда мама сказала...

Ой, простите меня! Я не хотела вас расстроить. Ваш начальник, он добрый, тот, у которого четыре звёздочки он, наверное, генерал, да? Он же извинялся, сказал, что если бы подозревал, что так получится, то вы бы пришли раньше. Я всё понимаю! И благодарна вам всем! Вы настоящие мужчины! Вы не думайте, я всё понимаю, я не маленькая! Я сперва плакала, а Виктор Петрович сказал, что всё будет хорошо! Он добрый! Только всё это не правда, как раньше не будет! Я боюсь, что если в школе узнают, что со мной было... Нет, и думать об этом не хочу... Мама сказала, что вы всех убили! А у нас одну девочку изнасиловали, а потом ещё её обвиняли! Но я ведь не виновата? За что они со мной так?

А ещё ваш главный начальник сказал, что вашу девушку изнасиловали, но у неё всё хорошо теперь. Но вы её не бросали... Я сразу поняла, что вы не такой! И он сказал, что я могу вам написать, что вы очень мучаетесь! И думаете, что это вы виноваты, из-за меня! Это не правда! Вы не виноваты! Это бандиты виноваты, а вы их убили! Вы герой! Я вас почти не помню, а мама сказала, что вы симпатичный! Только грустный! Вы не расстраивайтесь, вы не виноваты! Вы мне напишите, ваш главный начальник сказал, что вы можете захотеть написать. Я адрес внизу напишу! Всё будет хорошо, вы главное ничего такого не думайте! Я уже взрослая, я всё переживу! Спасибо вам! И поблагодарите от меня ваших друзей! До свидания! Вера».

— Вот ведь, — качаю головой, — капитан молодец, заставил девчонку о Листике подумать, что ему плохо. Теперь точно держаться будет!

— Какой капитан, — заулыбался Балагур, — бери выше! Генерал!

— Ага! Представляете, — тут же подключился Пепел, — наш строит полковников и майоров и они у него по струнке ходят!

— Какие полковники и майоры! — не согласился Балагур. Парни старательно пытаются отвлечь вконец, расклеившегося Листика. — Наш и маршалов заставит строем ходить, с его то характером!

— А по-моему, из командира классный бы генерал получился! — заметил Санек.

— Ага! — скрючиваясь от смеха, заметил Балагур. — Добренький!

— Добренький, говоришь? — раздался голос Рогожина. Кто бы сомневался? Пока командир не захочет, его хрен заметишь!

— Млять! — тоненьким голоском пискнул Вовка. — Это писец!

— Ну, от чего же? У меня вот, лично для тебя, есть две новости и обе хорошие! Хочешь узнать?

Балагур, только обречённо кивнул:

— Так точно.

— Ну, так вот. Первая: теперь ходя в наряды, тебе не придётся пачкать руки об грязную картошку, теперь они всегда будут в чистоте! Ибо мытьё полов, это круто! Согласен? Сортиры тоже в полы входят! Учти! Теперь вторая новость! Сегодня у тебя будут чистые руки, так как у тебя наряд!

— За что?

— За пререкание! Ух ты! — Рогожин довольно потёр подбородок. — Даже настроение поднялось. Надо же! Возьму на вооружение!

— Товарищ капитан, дык вы, по-моему, всегда так настроение себе выправляете! — это Пепел решил сумничать.

— Да? Точно? Ну и ладно! Быстров, вот тебе напарник! Сегодня моете вдвоём. Хочешь спросить за что?

— Никак нет! — браво гаркнул Андрюха. — У Балагура плохому научился, буду отвыкать!

— Блин, догадливый!

Похоже, что Рогожин включился в игру, которую начали парни, по-своему, но как всегда действенно. Вон, Антоха уже слегка улыбается. Грустно, но ведь улыбается! А была, не была!

— Товарищ капитан, разрешите обратиться?

— Обращайся, сержант.

— Вы сказали, что новости хорошие? А они какие-то — того!

— А я что, говорил, что они для Быстрова хорошие? Нет? Вот и я о том же! — и вдруг подозрительно уставился на меня. — Кстати Милославский, а у нас есть график очередных дежурств?

От это вопрос! Конечно, нет! Откуда! И вообще, что это и с чем его едят? Вздохнув, начал каяться, может меньше прилетит?

— Так точно! Есть!

— Вот как! — удивился командир. — И где он?

— У вас!

— Ты охренел, сержант? Ты чего это из меня дурака делаешь! У меня с памятью всё нормально! Нет у меня графика!

— Как нет? Я могу доказать!

— Ну, давай! — и, ткнув меня пальцем в грудь, предупредил: — Учти, если что, неделю сортиры драить будешь!

— Есть, если что, неделю драить сортиры! Разрешите начать!

— Валяй!

— Командир, мы уже год служим и за это время, я в очередном наряде, только в первой учебке был! А в остальное время всегда вне очереди! У нас ещё ни дня не было, чтоб кто-то наряд не схлопотал! Балагур-то, за всегда умудрится! Так что график есть и он у вас, товарищ капитан!

— Ох ты ж! Ты, что хочешь сказать, что я самодур?

— Никак нет! Хочу сказать, что график у вас! — и весело ухмыльнувшись, добавил: — Я тут как-то посчитал! Балагур несомненный лидер, в месяц: от пятнадцати до двадцати нарядов его! Надо бы на доску почёта повесить! Стахановец!

— Ладно! Отмазался! Но график составь! За все месяцы! Документы должны быть в порядке! А то мало ли! Вдруг вы косячить перестанете? — и с сомнением посмотрев на Балагура, вздохнул: — Что вряд ли! Но всё же пусть будет!

Потом повернувшись к Листикю с грустной улыбкой сказал:

— Ты извини, Антошка, что я про тебя девочке рассказал! Но она совсем расклеилась и я побоялся... Ну, ты понимаешь! А теперь она думает, что тебе хуже, чем ей, и тебе нужна её помощь! Девчонка ведь совсем, — садится на кровать и, опустив голову, едва слышно говорит: — Ей едва шестнадцать исполнилось, месяц назад! — И подняв взгляд, упёрся им в глаза Листикю: — Пиши, Антошка, туману напусти: мы ж жутко секретные! — грустно улыбается. — Спасать девочку надо! Напишешь?

— Спасибо, командир! Я же взрослый, — грустно улыбается, — понимаю, что вы нас разводите. Но всё равно спасибо! Это мой шанс, искупить свою вину! За Надюшку.

— Ты это брось! Нет в том твоей вины, сколько мужиков по вахтам работает... И что? Пойми! Нельзя возле юбки просидеть всю жизнь, — и резко выбросил вперёд руку, прерывая пытавшегося что-то сказать Антона. — Знаю, что скажешь: просила не уезжать, так, не только она одна. Или, может, предчувствовала? А чего дома не сидела? Ты глазами не сверкай! Таким макарком, можно кого угодно обвинить... А виноваты ублюдки, напавшие на твою девушку и только они! А не ты или она. Так что просто помоги девочке... — обводит нас всех взглядом. — Парни, плохая она совсем, закрылась в себе и как будто того... — капитан многозначительно постучал себя по виску. — Вот только как про Листика разговор зашёл, что-то промелькнуло... такое... не знаю... Вот я и решил рискнуть, и, похоже, не зря. Так что не для себя, для неё — постарайся. Понял?

— Да, командир, только писатель из меня... — Антошка грустно вздохнул. — Я и домой то: жив, здоров, кормят нормально! А тут надо... Сам же говорил, туману, про секретность. Вымарают же.

— Кто?

— Ой, да ладно, командир, не поверю, что наши письма не читают!

— Кхм... А это мысль! Ты напиши, вон Милославский тебе поможет. Зря, что ли в институтах учился? А мы там с Васильевым вымараем, для антуражу. Создадим завесу тайны! Только надо, чтоб она поверила, что здесь опасно, и начала за вас ребятки волноваться. Тогда и на глупости времени не останется. Согласен — жестоко! Но по-другому никак! Мать девочки вообще в ужасе — дочь свою не узнаёт! Главное растормошить — пиши, а Васильев завтра вечером передаст. Ну, а потом по почте!

Поставил задачу и свалил, а я расхлёбывай. Вот ведь... Как быть? Я ведь тоже в письмах: жив, здоров, в штабе всё так же скучно, тайга: сотовый не ловит, интернета нет — всё нормально. Как выяснилось: у парней та же беда! Два часа мы всем коллективом творили. Отнесли Рогожину на цензуру, тот почитал, и обозвал нас: бездарными баранами. Сел писать вместе с нами... Ещё через полчаса позвали Степаныча... Потом подключился Васильев, пошло веселей, психолог — есть психолог! И ругался он всякими не понятными словами, от чего это было ещё веселей. Правда, ругался он только на нас, а Рогожина с Ивановым мягко укорил. Вроде как:

— Ну, от вас-то я такого не ожидал!

На что командир жутко обиделся:

— Умный, да? Слова разные, научные знаешь? Вот сам и пиши!

Написал. За пятнадцать минут, написал! И гордо зачитал нам, предварив своё

выступление словами:

— Учитесь, бездари!

Выслушали. А куда деваться? Молодец конечно — хоть на выставку отправляй! Высокий стиль, однако! Но...

— Виктор Петрович, ты теперь всегда за Листика писать будешь? А может, ты хочешь в девочке комплекс неполноценности развить, а? — полным скепсиса голосом поинтересовался Рогожин.

— С чего бы это? — недоумевающий майор удивлённо уставился на капитана.

— А с того! У меня же образовался! Так, от тебя толку нет. Шёл бы ты отсюда, писатель! Хотя стой! Будешь ответственным за вымарку. Листик пиши сам, сил нет сочинять! А товарищ майор покажет, в каких местах закрашивать... Для антуражу. Блин, вот сколько раз было сказано: лучшее — враг хорошего!

Написали, Васильев, конечно, плевался, а вот командир был доволен... Как он выразился:

— Не шедевр, зато от души!

Зато как он матерился, когда ехидный Балагур подсунул ему под нос, наше первое творение... Почти один в один. Вовка даже не расстроился от того, что схлопотал ещё один наряд, такое лицо у командира было!

«Здравствуйте, Вера! Пишет вам... он же Листик. Мой командир, капитан... это тот, что с четырьмя звёздочками, передал мне ваше письмо. Большое спасибо, за то, что вы мне написали. Мы с ребятами очень волновались за вас. Как ваше здоровье, что говорят доктора? Вы их слушайте, плохого не посоветуют, там очень хорошие врачи. У нас вот... там лежал, его... так они... думали, что... а он... теперь бегают, как все. Главное: что вы живы и ваши родители тоже, им сейчас очень тяжело и нужна ваша поддержка. Мой командир, капитан... сказал, что вы девушка сильная, и сможете о них позаботиться. Я думаю, что вы со всем справитесь и будете счастливы — вы девушка красивая! Очень жаль, что мы познакомились при таких обстоятельствах, возможно, если меня... то мы ещё на вашей свадьбе погуляем. Очень на это надеюсь, но здесь... и... в любой момент. Но если... то обязательно, навещу вас, а может и вместе с ребятами. Вы не будете против? Мне ещё... служить. Передайте привет вашим родителям, скажите спасибо маме за лестный отзыв обо мне. Надеюсь меня... и я вас... при встрече! Заканчиваю письмо, пришёл... так что пора! Жду вашего письма! Вы даже не представляете, какая это радость письмо на... От ребят привет! До свидания, ваш...»

— Виктор Петрович, будешь письмо отдавать, грамотно там объясни, что это за кляксы. Туманно, но чтоб поняла! Сделаешь?

— Обижаешь, Руслан Иваныч, что я не понимаю. Вот только меня кое-что в этом письме беспокоит.

— И что же?

— Обещание приехать... В её то возрасте? А если девочка влюбится? Как бы хуже не вышло!

Тут все уставились на пылающие уши Листика. И тут Рогожин добродушно засмеялся, и, хлопнув Васильева по плечу, резюмировал:

— А ты, Петрович, не беспокойся. Похоже, наш пострел и правда в гости собрался, и на свадьбе гулять в роли жениха надеется!

— Товарищ капитан, — подскочил, красный как рак, Антошка, — вы, что такое говорите?

— А ну цыть, жених! Видишь, генерал говорит, — и, состроив серьёзное лицо, возмущённым голосом, добавил: — Кстати, забыли написать, что я строгий! Косяк! Надо добавить!

— Э-э-э нет! Нафиг, нафиг, — майор торопливо спрятал письмо, — не будем девочку разочаровывать. И так четыре часа потеряли! Так что пойду я. До свидания, товариш добренький капитан! — и пока Рогожин возмущённо хлопал глазами, шустро свалил.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Вот только подумаю, что Рогожин нормальный человек, как тут же — на тебе, в нём опять просыпаются садистские наклонности. Это надо додуматься!? Придумал: плавать через речку — туда и обратно. Я, конечно, люблю это дело, если кто забыл, то я кандидат в мастера спорта по плаванию. Но, не в ноябре месяце же! Вода ледяная! Сволочь, одним словом! Хотя нет! Только садист...

Стоим на берегу не слишком широкой реки, переплыть, раз плюнуть, в смысле, в нормальных условиях. А в такой дубак? Представляете, я замёрз только при виде спокойно раздевающегося капитана, а тот, не торопливо сложил одежду на брёвнышко, которое мы только что притаранили. Ну как брёвнышко? Охрененных размеров бревно, вот что это было! Хотя капитан сказал: «Берём, вот это маленькое брёвнышко!» Не спорить же с ним, всё лучше, чем бетонную плиту таскать, в любом случае удобней...

Сложил вещички и полез в воду, у меня аж мурашки по телу побежали и передёрнуло всего! Хотя это наверное от того, что мурашки где-то посреди пути замерзли и осыпались ледяными бусинками. А этот, как ни в чём не бывало, правда, громко матерясь, нырнул и айда саженками речку мерить! Два раза туда-обратно махнул, вылез, неторопливо обтёрся большим полотенцем и так же спокойно, не спеша оделся.

— Ну что, пернатые, убедились, что у командира с головой порядок? Вижу, что нет! Но плавать всё равно будете. Итак, заходим в воду парами, туда и обратно, и сразу в спарринг — греться. Всё понятно? Первые: Мажор и Пепел!

— Руслан, погодь! Ну, нельзя же так! Простынут ведь! — попытался вмешаться Степаныч.

— Вылечишь!

— А если нет? А если в больничку слягут? Что тогда?

— Не должны!

— А если?

Какой всё-таки хороший мужик наш старший прапор! Заботится о нас! Не то что этот сядюга мерзкий!

— Не должны!

— Все нет, но ведь и одного много!

— Есть предложения?

Вот тут мы всем коллективом затаили дыхание. С надеждой устремив взгляды на этого прекрасного человека, заступившегося за нас бедных!

— Да. Давай я им чайку дам. Будет медленнее, за то наверняка и никто не заболеет!

— Хм... Тогда скорей всего, придётся лишних пять-шесть раз сплывать. Хм... Зато наверняка терморегуляцию наладим! Да и лишним не будет. В снегу как в пуховой перине спать смогут! Только, что ж ты, старая перечница, сразу не сказал, что у тебя нужные травы есть?

«Не понял? Это что же? Нам теперь плюс к задуманному ещё и лишние пяток раз плавать? Во Степаныч удружил!»

— А ты спрашивал? Ты бы хоть предупредил, что купаться будете, а если бы я по делам

куда ушёл? Так бы и простудил мальчишек!

— Да не должны они простыть! Зря, что ли, столько с ними возимся!

— А если...

— А ну свалил чай делать! Если, если! Если бы у бабки был... Ну, дальше ты знаешь, — и с доброй отеческой улыбкой, скомандовал: — Ну что встали? Плавание пока отменяется, до завтра. А сейчас берём нашу лавочку, — взмах в сторону бревна, — и к столовке. Бегом марш! И песню, песню запевай!

И мы грянули, ещё одну Санину песенку:

Десантник парень боевой,

Десантник Родины защита.

Заколем мы врага штыком,

Коль грязью дуло всё забито.

— Эх, Степаныч, каких храбрых вояк рОстим! — расчувствовался капитан.

— Ага. А ты их простудить собрался...

— Степаныч!

— Ушёл, уже ушёл...

Десантник парень боевой,

Десантник Родины защита.

Пинаем в морду сапогом,

Приклад ведь пуля расщепила.

Десантник парень боевой,

Десантник Родины защита.

Ломаем челюсть кулаком,

Зачем нам перегаром в морду дышит?

Десантник парень боевой,

Десантник Родины защита...

Вот так, распевая во всё горло эту незатейливую песенку и, пыхтя от усердия, тащим нашу «лавочку». Кстати, раньше она была меньше... Мы старое бревно «случайно» уронили с обрыва в реку. Спасибо «умному» совету Балагура. Нам бы насторожиться, когда Рогожин не стал нас ругать, и, плюнув на всё, достать его из воды! Но нет, все с улыбкой наблюдали, как течение уносит наше маленькое, лёгонькое брёвнышко. Потом вместо него появился этот монстр. Пятнадцать километров его пёрли до казармы! Ближе естественно не нашлось!

Фух... Прибыли! Теперь можно и подзаправиться. Столовка встретила нас непривычной тишиной! Хотя мы сегодня, совсем случайно, вовремя! Что такое? Голодных нет? На посту одна Татьяна. На вопрос: а где же все? Ответила:

— Да батюшка приехал. Встречают все! Вот и мои все отпросились...

Вот докатились! Уже солдат голодом морят, из-за какого-то попа! Теперь понятно, чего это замполит (тот самый — рогатенький) перехватив нас по пути, втолковывая что-то Рогожину, махал в нашу сторону. Видимо тоже хотел припрячь — встречать! Но, как известно: командир человек принципиальный и дрючит нас только сам! На любые поползновение чужих в нашу сторону, реагирует очень плохо...

Хотя и пользуется серьёзным авторитетом среди офицеров. Как ему это удаётся? Хотя, что думать? Вот взять нас с парнями: мы все твёрдо верим, что Рогожин маньяк и садист. Но уверен, что не только я, с готовностью перегрызём горло любому, за отца-командира. Пусть не в меру строгого, но при этом заботливого. Вот такая противоречивая личность наш

командир...

Хотя самому отвертеться не удалось и Степаныча тоже подтянули... Вот только в толк не возьму, чего это начальство забегало? С чего? Все резко в религию ударились?

— Тань, а что это за поп такой, что все?..

— Егор, ты что такое говоришь? Какой же это поп? Это батюшка Евлампий!

— Да хоть Евлюстра! Чего говорю?..

— Ах ты, богохульник, — Татьяна замахнулась на меня поварёшкой, — а ну, брысь отсюда! А то, голодным оставлю!

— Тань, Тань, ты чего? Ну, виноват, исправлюсь... Вот честное слово, мне уже стыдно! — изо всех сил изображаю раскаянье, а прислушивающиеся к разговору парни сразу же сделали вид, что их тут нет...

Танька отходчивая — простит, не сразу конечно... Вот и сейчас насупившись, выдала мою порцию и сделала вид: что я гад. Ну что ж... обойдусь без добавки.

Вкинув в себя пайку, тянемся к выходу. Вот ведь тоже забавное дело. Если раньше мы постоянно хотели жрать, и, то и дело, подкармливались сухпаем, то теперь вполне обходимся столовкой. Ну, почти всегда! А ведь не верил Степанычу, когда тот пихал нам свой «чаёк», утверждая, что после его травок, у нас улучшится обмен веществ... Я вообще этим народным методам не верю, но выбор как всегда был богат! Или жрать меньше, приучая организм, или пить «чаёк». Догадываетесь, в пользу чего, был сделан этот выбор? Теперь вот, обычно, охото не жрать, а просто есть! Так что, если Степаныч пихает какой-нибудь отварчик, мы его пьём без возражений! В конце концов, прапор и сам пичкает себя всякими «чаями» и до сих пор жив! Значит всё путём!

Рассаживаемся на «лавочке», не зря же таскаем. Хотя возле столовки, имеются настоящие, сидеть на брёвнышке доставляет какое-то извращённое удовольствие. Типа мы тебя таскали, теперь ты нас...

Устроившись всем коллективом, приступаем к процессу... Именно так! Ибо покурить после обеда, это ещё то мероприятие! Достать, слегка обмять, понюхать, вдыхая аромат табака! Что может быть лучше? Правильно! Возможность посачковать! Это ведь целая наука! Особенно с таким командиром, как наш. В случае же с курением, Рогожин, сам не имеющий такой дурной привычки, всегда с улыбкой наблюдает на то, как мы тянем время. Хотя какая же это привычка? Одна после завтрака, вторая после обеда, третья после ужина, ну и перед сном ещё одна. Бывает, что в течение дня, удаётся урвать одну-две. Так что... Это не привычка, а традиция!

У нас, кстати, не действует закон: «Кто не курит — тот работает». Поэтому среди нас есть и не курящие, парни просто сидят с нами и вялятся — законные двадцать минут. Подозреваю, что всё дело в том, что нельзя постоянно закручивать гайки и командир просто позволяет нам одерживать такие мелкие победы. Вот и делает вид, что быстрее нельзя, а мы никогда не выходим за лимит времени!

А то были прецеденты. Отправил как-то раз на горку залазить... Высокая зараза! А сам свинтил, по срочному делу. Ну, мы ясное дело, до подножия добежали и разлеглись на травке. А что? Командира же нет? Засекли время, и давай сачковать! Блин, вот учат дураков, учат, а толку? Десять минут всего провалялись:

— Что, голуби мои сизокрылые, кот из дому — мыши на стол? — радостно потирая руки, перед нами стоял капитан. — Ну что, отдохнули? Теперь пойдём отрабатывать. За лопатами шагом марш!

Спросите, зачем такие сложности? Так ведь дураку понятно. Чтоб в следующий раз, лезли куда сказано, а не надеялись, что командир не видит... Наука на всю жизнь, учитывая извращённую фантазию Рогожина.

Вот вы, наверное, думаете, что мы взяли лопаты и пошли копать яму? Ну, почти так. Взяли пехотные лопатки, и пошли долбить, в крепкой как камень земле, окоп. Весело да!? Говорят, что в армии квадратное катают, а круглое носят? Враньё! Из квадратного сперва делают треугольное, чтоб удобней катать было, а круглому сперва углы делают и только потом катают. Или вот я слышал такой прикоп: «Копать от сюда и до обеда». Это же мечта, копай себе спустя рукава, а пришёл обед и свободен... Эх, мечты, мечты! Правда, копаем мы редко, зато, если выпросили... То ого-го! Как говорит Рогожин, умение отрыть ростовой окоп, дорогого стоит! Вот нафига спецназу окопы, а? Мы что против танков будем в поле воевать? Хотя у меня такое ощущение что у капитана принцип: чем бы солдат не тешился, лишь бы за...ся! С этим ростовым окопом вообще песня была. Выкопали к вечеру, и тут приходит довольный жизнью капитан, а что?.. целый день у него свободный! И загоняет в «стандартный» окоп Балагура и Молота. Поворачивается ко мне и спрашивает:

— А скажи-ка мне сержант, почему это, из ростового окопа чуть ли не пол тушки торчит?

На что я честно отправил туда же: Лаки и Маркони, тычу пальцем и говорю:

— Товарищ капитан, глубже нельзя. Видите, если ещё выкопать то, бойцам придётся в прыжке стрелять!

Командир задумался не на шутку, но вот рано я праздновал победу, рано.

— Действительно косяк! Давайте-ка ройте ступеньками, каждому точно по росту! Куда! Этот засыпьте, вон там копайте!

Надо ли уточнять, что теперь даже если командира нет, на горку мы лазим почестному?!! И курить будем даже без начальства ровно двадцать минут, а вдруг за углом Рогожин с секундомером? Нафиг, нафиг! Вот докурим, возьмём своё бревно-лавочку и попрум к казарме... Там уже можно... Распоряжений никаких не было? Не было! Значит отдыхать!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Вы знаете, как выглядит облом? А я знаю! Только-только прикурил, а из-за угла Степаныч, собственной персоной и морда хитрющая. Ну, конечно, кто бы сомневался. Чтоб нас и без дела оставили...

— Ну что, пернатые, пригорюнились? Не бойсь, Дед сам в самоволке! Кому нужен старый бедный прапорщик, это капитан фигура, а прапор, что есть, что нет... — и радостно заржал.

— Степаныч, а чего там происходит то?

— Хотите пойти?

— Да нет! Как-то мы официальные мероприятия недолюбливаем... — качаю головой.

— Да нет там официального мероприятия, просто поп какой-то известный... Говорят, лет десять уже по войскам мотается — Слово Божие несёт! Вот офицерё и проявляет уважение... Там сейчас типа проповеди, даже бабы окрестные сбежались. Жутко попик авторитетный. Тьфу ты — ну ты!

— А вы, товарищ прапорщик, смотрю, не любите представителей церкви? — задумчивым голосом спросил Сашка.

— А за что их любить то? Вот ты лично, как к ним относишься?

Санек пожал плечами и всё так же задумчиво произнёс:

— У нас батюшка хороший был, добрый, сироток подкармливал...

— Вот! Вот, ты сам и ответил, — перебил его Степаныч. — Батюшка! Только мало их на Руси осталось, может только в твоём Красноярске, ну или ещё в каких Сибирских городах, а в той же Москве или Питере? Молчишь? Вот и молчи! — и, махнув рукой, сел напротив нас — на лавочку.

— Степаныч, Степаныч...

— Ну что тебе, сержант!

— Прощу прощения, товарищ старший прапорщик, ничего! — вскакиваю и вытягиваюсь по стойке «смирно».

— Ох ты ж... Какие мы грамотные, — всплеснул руками прапор, — слова им не скажи. Ладно, чего уж там, что хотел?

— Никак нет! Вопросов не имею!

— Мажор, ты в ухо хочешь?

— Не, Дед, не хочу, — радостно скалюсь во весь рот.

— Вот и добре, — улыбается и показывает рукой: садись мол. — Спрашивай, давай, грамотей.

— Степаныч, без обид, но мне кажется, что у тебя личное, — сказал и замер, прапор не Рогожин, копать за язык не заставит, но может обидеться. А никому из нас это не надо. Не просто же так, у него позывной — Дед. А мы же любящие внуки... Он нас и лечит и зашивает, когда надо. Пьеро вон учит, травки там, заговоры. Пепел тут умудрился, на тренировке руку раскровить, так Петька пошептал над раной и всё — через минуту кровь уже не бежала. Степаныч по возвращении только мазью помазал и пластырем прижал. К сожалению больше способных к этому делу не оказалось... Бездари, как выразился Дед.

Дед? А ведь ему навскидку лет сорок пять не больше. Однако ж, как-то так вышло, что по-другому его никто, никогда не воспринимал...

— Да уж... личное... по-другому не скажешь, — Степаныч покачал головой и грустно так усмехнувшись, продолжил: — Ладно уж, расскажу. Вижу же, что от нетерпения ёрзаете. Да и мне, наверное, выговориться не помешает, хотя, вроде, отболело уже...

Пригладил усы, достал сигарету и начал:

— Было это, хлопчики, лет двенадцать назад, Бориска тогда правил. И приехал в наш полк молодой попик — лет двадцать пять ему было, может чуть больше. Я так думаю, тут без политики не обошлось. Ну да это — не суть важно! Глаза горят, в душе огонь веры! Ну да оно и понятно: только такой и поедет туда, где стреляют. Кто поумней-то на месте сидят, а таких вот отправляют — подвиг во имя веры совершать.

Ух, как он проповеди читал, не знай я, какие они эти попы бывают, точно бы в веру обратился. А так ничего, только грустно стало! Ведь парень то, от чистого сердца старается, а его как бычка неразумного... Фанатик, одним словом!

И тут меня как будто кольнуло. Федька! Младший брат, дружка моего армейского, сколько лет минуло, вот и не признал сразу. И тут так тоскливо стало, ведь какой парень был: мечтал офицером стать. А что вышло? Фанатик! Эхе-хех...

Тут Степаныч горестно покрутил головой, затаился пару раз и, сплюнув, продолжил:

— В общем, ушёл я... А к вечеру, пошёл к нему — поговорить, узнать... Как же так-то? Федька меня сразу узнал, обрадовался:

— Юра, ты? Заходи, заходи, — и глаза светятся, как будто отца родного встретил.

— Здравствуй, Федя, — обнялись.

А он мне и говорит:

— Не Федя я больше, а...

— Стой! Я к брату друга пришёл, а не к попу!

— Что ж ты так, сын мой!

— Федя, я сейчас уйду!

— Нет, нет, Юра. Не уходи, прошу тебя.

Ох, хлопчики, дела то какие... Оказывается: стал Федька офицером-то! Стал. Даже повоевать успел не слабо. До старлея дослужился! А тут Сашку убили: моего друга, его брата. Капитаном был. Так же, как и Федька, и мы все — десантником. На последней гранате подорвался, чтоб в плен не попасть...

Степаныч, резким движением вытер слёзы, и, выбросив окурок, зло продолжил:

— А я даже не знал! Так плохо мне стало, как будто предал его... Ну, а Федька после этого ушёл из армии и отправился грехи замаливать, за себя и за брата! Какие грехи, хлопцы? Он же солдатом был, а не убийцем каким! И погиб, как герой...

В общем: собрался Федя блокпосты объехать, солдатиков навестить. Наш-то командир упёрся, не хотел пускать. Хороший он мужик, правильный — понимал, что не дело это... Вот только: Федька, упрямый оказался — убедил. Ну вот, а меня и ещё пару бойцов в сопровождение отправили. Я если честно: сам попросился, ну а командир, не отказал.

Говорит мне:

— Ты присмотри там за ним. Хороший мужик — жалко, если что случится.

В этот момент: Степаныч замер на некоторое время, вспоминая, и продолжил:

— Случилось, хлопчики, случилось... Приехали на блокпост. Все собрались послушать проповедь. Эх, хорошо, всё-таки Федька говорил — душевно... Вот только закончить ему не

дали. Сук-ки!!! Выбрали же момент! Я бойцов с Федькой оставил, а сам автомат в зубы и помогать...

Степаныч уронив голову на грудь замолчал. Мы, с парнями, затаив дыхание, ждали. И вот наконец-то, словно очнувшись, наш Дед продолжил прерванное повествование:

— Сзади обошли, а там только Федька и мои парни... Серёгу сразу наповал. Молодой совсем, девятнадцать ещё не стукнуло — мальчишка. Федьку в живот пнули, он и упал, убивать почему-то не стали, а на Кирюху уже двое навалились. Даже выстрелить не успел, прижали к земле, и уже почти нож в живот воткнули. Но тут Федька подскочил и в руку вцепился, тянет на себя, не пускает. Шакал этот, нож из руки выпустил, второй подхватил и в бок ему. Потом оттолкнул, тот прям на Серёгу и упал, а бандит Кирилл в живот...

Тут-то Федя и подхватил «калаш»... Вспомнил, что офицером был. Завалил этих двух. Тут-то мы и услышали, что сзади творится, бросились на помощь. А там уже и гранаты в ход пошли...

А Федька лежит, рану на боку прижал и плачет. Я к нему:

— Феденька, держись скоро подмога придёт!

А он, смотрит на меня зелёными глазами и плачет. Думал от боли, ан нет:

— Прости меня, Юра!

— За что же, Феденька?

А он поворачивает голову к куче трупов и говорит:

— Отрока не сберёг... Долго я в себе старлея задавить пытался, а виш зря. Не сберёг, грех на мне.

— Так тебе же нельзя оружие в руки брать!!!

— Ну и пусть, умер бы офицером... Грех на мне!!!

А я и не знаю, что сказать, хлопцы! Взглядом только вокруг шарю, лишь бы в глаза ему не смотреть... Вдруг вижу, рука шевелится, под двумя трупами! Я туда. Кирюха, дурилка картонная — живой! Нож по обойме в разгрузке скользнул. Вот глубоко и не вошёл, он то мне и рассказал потом, что произошло... Я к Федьке:

— Жив, — кричу, — Кирюха жив!

А он так счастливо улыбнулся:

— Есть Бог на свете, есть!

И тут как шандарахнет. Меня на землю швырнуло, в глазах туман, в ушах звон, боль во всём теле... И вот уже теряя сознание, увидел Федю. Он полз ко мне — окровавленный, в изодранной рясе. Полз, загребая одной рукой, а потом замер на миг и рухнул лицом в землю.

В себя я пришёл только в госпитале. Сразу скажу, Кирилл остался жив, его трупы спасли, которыми он был завален, почти все осколки им достались. А вот Федька погиб — как офицер погиб, как настоящий десантник, а не, как фанатик — которого из него сделали. За други своя, жизнь отдал!

Степаныч, закрыв лицо руками, глухо произнёс:

— А у меня не хватило сил, даже на могилку съездить, матери в глаза посмотреть. Не смог я... Виноват перед ней... Мне как сказали, что Федька умер, так я и попросился, чтоб перевели меня куда подальше. Сломался я. Если бы не встретил тогда, парнишку одного, с такой же пустотой в душе, так, наверное, и не оправился никогда... Спасибо Руслану, к жизни меня вернул...

— Какому Руслану, — не выдержал и так долго молчавший Балагур, — не уж-то нашему?

— Нашему, нашему, — неожиданно лицо Степаныча озарила добрая улыбка. — Какому, же ещё! — и хлопнув себя по ногам, скомандовал: — Ладно, хлопцы, берите «лавочку», и айда в казарму... Буду вам чаёк на завтра варить. Пьеро, поможешь? Вот и хорошо!

Встали с бревна, всё ещё пришибленные рассказом Степаныча, и поплелись отдыхать... Ну, по крайней мере, была такая надежда. Кстати: весьма вовремя, из-за угла показалась целая демонстрация, во главе которой вышагивал приезжий поп.

А мы что? Мы ничего! Бревно тащим — стало быть, делом заняты. Рогожин то не всегда рядом, а так, ни у одного офицера язык не повернётся остановить и попытаться озадачить. Это чужих касается, местные и так цепляться не будут.

И вдруг из-за наших спин раздаётся громовой бас:

— Юра? Юра!!! Иванов!!!

Мы аж притормозили. Интересно ведь, кому это наш Дед так понадобился? Возле столовки, от которой мы так и не успели отбежать, стоял здоровенный, бородатый мужик в рясе. Наверное, это и есть приезжий поп — отец Евлампий. И раскинув руки вешал:

— Юрка! Живой! Я ведь похоронил тебя давно!

А наш Степаныч, бледный, с белыми губами шептал:

— Федя, живой, живой!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Вот кто бы сомневался? Только не я. Плавать мы на следующий день не пошли, «чайк» то варить не кому. Степаныч, естественно, завис со своим нашедшимся другом, и капитан, традиционно, гонял нас — в искусстве убивать себе подобных...

Вот почему, все люди как люди, а я в спарринге постоянно с командиром? Нет, моё самолюбие, конечно, весьма на высоте от осознания того, что Рогожин считает, что для меня нет противников среди парней... Вот только, он с завидной регулярностью загоняет это самое самолюбие под плинтус, и оно тихонько там поскуливает! Вот может быть с Пеплом потягаться? Он парень резкий, всю жизнь единоборствами занимается. А, бесполезно, не разрешит, капитан меня только с Сашкой выпускает — на ножах. А без оружия — фиг. Хотя да! Прав командир, прав! Не то чтоб я совсем круче всех, парни то у нас резвые и настучать в ответку могут, но... Как сказал Рогожин, пару недель назад:

— Ещё месяц и будешь тренироваться с парнями, а пока ешь землю.

— Ну, Руслан, сколько можно по морде получать?

— А-а-а! Лёгкие победы любишь? Ясно, ясно...

— Да что тебе ясно-то? Я понимаю, ты бы какие-нибудь приёмы новые показывал, а так просто возишь меня по земле... Парни ржут, я так совсем авторитет потеряю! Что тогда? А так пусть и с ответкой, но постоянно напоминаю что сильнее!

— Ты с Лаки спаррингуешь — на ножах.

— Вот именно. Я ему в половине случаев проигрываю! И что получается? Что я совсем ослаб?

— Дурак ты, а не Мажор. С ними ты на месте стоять будешь, а против меня всё время растёшь! Потерпи, нужно создать зазор между вами... Стисни зубы и старайся! Давай так, как только свалишь меня с ног или синяк там поставишь — сразу же ставлю на спарринги... На пол тренировки, а потом снова со мной.

— Ты прикалываешься? Где ты, а где я?

— Ну, значит, жри землю!

— Злой ты.

— Сам дурак. Я из тебя бойца сделаю. Ну, или покалечу!

— От спасибо, от это удружил!

— Да, пожалуйста, обращайся.

Хотя, что греха таить, Лаки — Руслан тоже чаще других на холодняке гоняет. Хм... А ведь со стороны видно, что у Сашки нет конкурентов среди нас. Я, по сути, только за счёт реакции и скорости, бывает, побеждаю, а он за счёт техники, и если чуток быстрее станет — всё капец. А расти, можно, только, если есть к чему стремиться... Наверное, надо Руслана попросить и на холодняке меня погонять! Блин, как представляю, что Саня меня каждый раз уделывает, так холодным потом покрываюсь... Да будь ты не ладно — самолюбие моё...

После мордобития, поплелись к Васильеву. Мы там задачки по математике решаем, головоломки всякие и ещё в шахматы играем, ну и лекции от майора, куда без них... Вот только не надо смеяться! Не до смеха тут...

Беда пришла, откуда не ждали. Степаныч как-то поинтересовался, кто умеет играть в

шахматы. Оказалось, что не умеют только, Маркони и Балагур. Хотя с последним понятно, у него другое увлечение! А у Вити-Тихони вообще разряд. Так вот, когда даже Витька проиграл, стало ясно — тупеем! Рогожин даже за голову схватился и отправил нас — Васильева развлекать, по пути припомнив красные уши Листика, когда он засмутился, из-за письма.

Самое здоровское, что майор вполне прилично говорит по-английски, правда с жутким акцентом... Так что он весьма был рад, что может попрактиковаться со мной в языке. Ну и я тоже. Практика — великое дело. А вот командир меня приятно удивил — оказывается, он почти идеально говорит на немецком! Тоже практика! И мозгу нагрузка. А Степаныч на китайском шпарит, я в шоке. Утверждает, что у него даже акцента нет. Пошёл к нему в ученики! Класс!!! Я ж по-китайски ни бельмеса! Говорить, может, и не начну, но понимать буду, наверное...

Короче, два часа в день нагружаем мозг. Ну и отдыхаем, от злобных издевательств, любимого командира! Кругом польза!

Но вас то, наверняка, волнуют не страдания бедных солдат, а то, как же всё-таки случилось, что два живых человека похоронили друг друга? Мутное это дело... Как есть мутное! Вернувшись с посиделок со своим вновь обретённым товарищем, Степаныч попал в оборот, а так как главной движущей силой, в вопросе получения ответов, выступал Рогожин... А что? Он-то эту историю узнал, куда раньше нас. Так что знать ему хотелось не меньше нашего! Вот только вразумительного ответа не было...

Ну, со Степанычем вообще не понятно: ему полковник сказал, что Фёдор погиб. Может причина в том, что тот даже до больницы дожить не должен был? Не знаю. Но вот выжил, по странному стечению обстоятельств, а может и Божьим провидением, как сказал сам Фёдор. Вот с тех пор отец Евлампий и катается по военным частям, считая это своим предназначением. И самое интересное, что встретиться приятели могли раньше... Если бы Степаныч в своё время захотел узнать новое имя Фёдора. Ведь слышал о нём, слышал!

А почему Фёдор был уверен в том, что Степаныча нет в живых? Он, конечно, пытался узнать... Но Степаныч уже был в другом месте, и место это было секретным, он попросту исчез... Вот и вышло так, как вышло... Но не будем о грустном: встретились и хорошо! Лучше поздно, чем никогда!

И вот, наконец-то, Дед приступил к своим тайным зельям. Припряг к этому процессу Пьеро, целый день они что-то там варили, и вот оно — счастье!

Ранним утречком — на речке,

Взвод солдатиков стоял.

От холодной, от водички

Их мандражик пробирал.

Воет ветер, стынут руки,

И позёмка по земле.

Ну, за что такие муки,

Есть же лето на земле...

Закончить Сане не позволил Балагур, отвесив ему знатного леща... Да уж никогда ещё Санек не был так близок к смерти — стихоплёт хренов! Пришлось спасать, друг всё-таки! Хорошо хоть бегают быстро, как раз до речки добежали... А там я скомандовал строиться, после чего, уже со спокойной совестью наладил этому стихоплёту подзатыльника.

Тут и Рогожин нас догнал, офонарел бедный от нашей прыти:

— Ох тыж... Не те я вам стимулы задаю, не те! Это же надо, как вчесали! Можно смело от норматива отрезать ещё пару секунд!

«Всё, теперь точно капец Саньку!»

— Молодец, Балагур, если бы ты ему леща не наладил, я бы так и не узнал, что вы такие бегуны...

«Вот молодец командир... Теперь вроде и не Сашка виноват!»

— Ладно. Проехали. Бойцы, у меня для вас три новости, одна плохая и одна хорошая — для вас и одна просто замечательная — для меня! С какой начать? Вижу по вашим радостным лицам, что вам пофиг. Ну что ж... Ваша хорошая новость в том, что поплывёте вы все вместе, то есть разом, что сократит время пребывания на холодке. А та, что похуже состоит в том, что поплывёте вы изо всех сил! Пять раз: туда обратно... Теперь пьём отвар... Весь пьём, знаю что горький, всё равно весь... Выпили? Вот и молодцы! Нет блевать не надо, держите в себе. А я сказал, держите! Учтите, у Степаныча запас! Вот молодцы! Я всегда говорил: главное, правильная мотивация! Кстати о мотивации, это и есть моя хорошая новость. Я её специально приберёг! Я вас даже подгонять не буду, и отставших наказывать... Ну чего вы все так перепугались? Ну да, если не будете выкладываться, скорее всего, хана вам! Тут пятьдесят на пятьдесят, всё зависит от того какую нагрузку себе дадите, если мало, то всё: пишите письма. Вот поэтому и не сказал! Силком, что ли в вас заливать... О, вижу, начало действовать. Раздевайтесь! Быстро!

Мамочка моя, как же всё горит-то! Такое ощущение, что внутрь залили кипятка, а в зад вставили раскалённый штырь... И кто сказал, что вода холодная? Можно было бы и попрохладней, а тут ещё гребёшь как сумасшедший. Эх, полежать бы просто: остыть, так нет же, гребу; скоро на глиссирование выйду. От усилий становится только жарче, но жить то охото! Кто-то другой, мог бы подумать, что капитан пошутил и всё это не правда!? Но только не мы... Тем более, что честно сказано, если грести изо всех сил, то ничего страшного не случится — а вот если сачковать то да, будет плохо. Такая жара, пока до воды добежал, думал вспыхну как спичка. Может поэтому всё происходит в воде? Значит, этот садист нифига не шутил! А-а-а... Быстрее, быстрее...

Похоже, что подобные мысли пришли не только в мою голову, потому что парни гребли так, что отстали от меня всего на один раз. С того берега на этот... А чего вы удивляетесь? Я всё-таки КМС, а техника великая вещь!

Доплыв, я не торопился вылезать из воды. А зачем? Она такая прохладненькая... Вот только насладиться мне не позволили. Кто? Да Рогожин, будь он не ладен. Пришлось ещё бегать вокруг него по кругу, хорошо хоть в одних трусах...

Кстати, нарисовался бонус, приятный бонус... Не удивлюсь, если наш командир всё специально рассчитал! Не далеко от реки проходила дорога, и на ней стоял автобус. Точнее он ехал и остановился, ну, естественно, такой цирк! И это транспортное средство было битком забито девчонками. Это местное медучилище к нам на экскурсию прикатило! А мы как раз все вылезли и в спарринг... Я конечно с Рогожиным. А он меня даже ни разу не уронил, только ехидно улыбался! Ну, точно подстроил, хороший человек!!!

Спросите, чего я радуюсь, бегая в трусах перед полным автобусом девчонок? А тому и радуюсь. Вы просто представьте картину: молодые горячие дамочки, а перед ними полуголые парни. Ни один стриптизёр не выглядит так круто, как тренированный спецназовец, да ещё в спарринге... А если ещё и под взглядами восхищённых дам? Надо ли говорить, что Рогожин зря улыбался? Я всё же зарядил ему в глаз. Понятно, что это не

считается, но ведь приятно же!? День явно удачный...

Поскакав ещё какое-то время, я понял, что жарко мне просто от движения... И собственно на этом на сегодня всё и закончилось. Капитан объявил выходной. А теперь догадайтесь, кто оказался первыми парнями на деревне, во время экскурсии женского пола по нашей части? И куда мы с парнями направились в первое же увольнение? Да! Это того стоило! На командира даже никто не обижался. Правда, Санек как всегда по бабам не ходил, но и ему капитан сделал подгон. Договорился с каким-то товарищем и Сашка смог поговорить по «Скайпу» со своей женой и родителями. Всё же, у нас самый лучший в мире командир!!!

— Да уж, Руслан, — Степаныч задумчиво почесал затылок, — не думал я, что сработает. А ведь получилось же!

— Тут, Степаныч, главное верный подход! Замотивировал как следует и все, выложились по полной. Теперь процесс пошёл и можно больше не заниматься такими извращениями, четверть дозы за глаза!

— Да. Это ты здорово придумал... Как только устроил?

— Да чего тут устраивать? Главное правильно сказать. Они ведь сами решили, что умереть могут? Сами. А я всего лишь недетский понос имел в виду! — Рогожин радостно засмеялся.

— Да при чем здесь понос? Как ты экскурсию устроил? И чтоб автобус вовремя подъехал? И чтоб водила остановился? Теперь то, никто даже не вспомнит, как ты над ними измывался!

— Ах, ты об этом... Секрет фирмы! Да ладно не обижайся, директорша училища приятельница моя...

— Приятельница? — не доверчиво переспросил прапорщик.

— Ну, типа того... — улыбаясь, подмигнул капитан.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Тут во время посиделок, это так Балагур окрестил наши занятия с майором, произошёл забавный случай. Так сказать вроде ничего особенного, но парни повеселились знатно — надо мной. Хорошо хоть урона для моего авторитета не случилось, даже наоборот.

Почему-то Васильев заинтересовался странным набором языков, которыми я владею. А что в них странного? Языки как языки... Но майор был другого мнения. Он как раз задвигал речугу, и что-то ему пришло в голову:

— Милославский, я вот всё стесняюсь спросить...

Рогожин в этот момент, рубившийся с Тихоней в шахматы, аж фыркнул:

— Виктор Петрович, что такое? Вы никак заболели?

— Да нет, Руслан Иваныч, это я так для красного словца. Но вот мне интересно, а почему наш юный друг имеет такой странный набор изученных языков?

— Да? — заинтересовался Рогожин. — А давай выясним...

— Вот и я о том, — и отхлебнув чаю, приступил к выяснению: — Английский и французский понятно. Они у тебя профильные в институте. Но это не суть важно, это понятно. Как и немецкий, всё же можно сказать язык банкиров. Я даже испанский могу понять... Ну, мало ли? Но венгерский? Этот-то откуда? — качает головой. — Можно сказать, спать не могу, понять пытаюсь... — улыбаясь, разводит руками.

— Хм... Интересная подборка, — согласился командир. — Колись, откуда дровишки?

Ну и что делать бедному сержанту? Когда отцы-командиры так горят желанием? Пришлось колотьясь...

— А у меня был выбор? Познакомился с потрясающей девушкой. Ну, такая вся... потрясающая. Из приличной семьи, папа в посольстве трудится, приехала к нему на лето в гости. Сплошные достоинства: спортсменка, комсомолка... Вот как глянул на неё, сразу понял, девушку с та-а-а-а-кими достоинствами, — изображаю руками, — короче, где-то между пятым и шестым...

Ты посмотри-ка, оказывается, процесс изучения языков интересен не только командирам? После слов о таких выдающихся размерах, парни прям прониклись желанием... узнать, где я нахватался знаний.

Продолжаю:

— ...Упускать нельзя. А она по-русски ни бельмеса. Пришлось учить, вот так всё лето и прозанимался языком, — тяжело вздыхаю.

— Мажор?

— Чего тебе? — оборачиваюсь к Балагуру.

— Ты хоть скажи, зря учил или нет?

— Ты с какой целью интересуешься?

— Мажор, Егор... — я думал, меня порвут.

— Да, да... — отвалите от меня. — Где бы я так хорошо натаскался? Вот так всё лето и практиковался... Слава богу, что никто из родителей против не был. Ни её, ни мой папан.

— А при чём здесь родители? — оторвался от шахмат Тихоня.

— При том! — начинаю сердиться. — Думаешь, мне кто-нибудь позволил бы зависать

целое лето с какой-нибудь швей-мотористкой? Или её бате понравилось бы, спутайся она... А-а-а... — машу рукой. — Тут ведь деньги крутятся, короче чуть не женился. Спасибо испанскому...

— Чего? — это уже Васильев заинтересовался.

— Да чего? — вздыхаю. — Тут ведь как вышло. Мой батя, по сути, не стремился меня женить, ему главное, чтоб не на ком попало. А вот Нати с семейством, желанием как раз обладали... Уехала она домой, с мамой видать посоветоваться. А тут, как учёба началась, приехала студенточка по обмену, из солнечной Испании. Такая Кармен! Стройная, смуглая, брови как стрелы амура...

— Кхе... Кхе... — бросивший шахматы капитан, явно намекал, чтоб я не отвлекался.

— Ага. Ну, так вот смотрю на неё и понимаю...

— Мажор.

— Балагур? Ты чего отвлекаешь?

Парни тут же зашикали на Вовку. А тот слегка смутившись, спросил:

— Да я только уточнить насчёт достоинств... — и значит, пытается изобразить арбузы.

Пришлось расстроить:

— Не-е-е... Максимум второй, — Балагур огорчённо качает головой. — Зато как камень, соском глаз выбить можно.

Даже Тихоня бросил шахматы, подсаживаясь поближе. Васильев отставил в сторону чай, подперев подбородок ладонью.

— Ну и я к ней. Цветы, конфеты, всё такое. А она мне и говорит: «Я девушка порядочная, без любви никак...» Ну, я ей конечно про любовь. Верите, нет мужики, не врал. Такая красотка, помереть не встать. А она мне: «Все вы за любовь говорите, а доказать слабо?» Я ей: «Что ты хочешь, принцесса?» А она так ехидно улыбается и говорит: «Ты парень настырный. Пусть и не совсем в моём вкусе. Но мне нравятся целеустремлённые мужчины. Вот это всё, что ты мне тут плёл на русском языке, повтори на языке моё родины. И не заучи, а поговори со мной! И если сможешь сделать это через месяц, у тебя будут все шансы!»

Держу паузу, нагнетаю интерес. Но всю малину, как всегда, испортил капитан:

— А в ухо?

Пришлось рассказывать дальше:

— Понятное дело, что такое обещание меня никак не устраивало. Все шансы! Что за бред?! Дураку понятно, что оставляет себе простор для манёвра. Только не надо удивляться таким странным пари. Мы же на «инязе» учились. И она прекрасно понимала, что выучить за месяц, это только при полном погружении в среду. И то... Не всякому дано.

Мужики возмущённо зароптали, обсуждая женское коварство. Только Васильев сидел с какой-то странной улыбкой на лице. И вот с ехидной такой миной спросил:

— Но ведь язык ты знаешь?

— Ну да, — чешу затылок, — не будь она новенькой, не проканал бы. А так... Вот и говорю ей: «Богиня, ради твоей красоты готов не спать ночами...» А она опять ехидно так: «Ну, зачем же себя так истязать? Вдруг упадёшь без сил?» Ну, я и говорю: «Или в порыве страсти выучу раньше!» Смеётся и, глядя мне в глаза... — держу паузу. Даже Васильев перестал улыбаться. — С придыханием говорит: «Девой Марией клянусь: если не загнёшься и сможешь сделать это за три недели, можешь отыметь меня, прям там, где поразишь своими талантами... Хотя нет. Сперва до постели доведи, а то вдруг это случится на лестничной

площадке! Но если не сможешь, больше ко мне не подойдёшь, на пушечный выстрел». И давай смеяться...

Молчу, изображая трагедию. Вот только надолго меня не хватило, потому что некоторые, не хорошие личности, собрались вести одного милого сержанта на расстрел. Пришлось продолжать:

— При желании найти испанца в Москве раз плюнуть. Парни из охраны нарыли его уже к вечеру.

— Ну и что успел? Не тяни...

— Сомневаетесь? Конечно, успел. Я дольше акцент шлифовал, чтоб по-дурацки не выглядеть.

— Стоп! — Васильев хлопнул по столу ладонью. Народ и в том числе Рогожин удивлённо уставились на майора. — Ты что хочешь сказать, что осилил испанский за три недели?

— А что такого? Проблема то только в навыке произношения, а слова выучить это даже не разговор.

— Так что у тебя идеальная память?

— Ну не то чтоб идеальная, — иду на попятные. — Просто очень хорошая.

— Не ври командирам, морда, — погрозил пальцем Рогожин. — Мне тебя Степаныч уже сдал. Память у него действительно почти идеальная, — повернувшись к майору, пояснил капитан. — Не во всё, но то, что слова запоминает с первого раза, это точно.

— Так, а почему ты дурку гонишь на занятиях? — возмутился Васильев.

— По привычке.

— Какой нафиг привычке?

— А вы представьте себе, товарищ майор, если бы мой папа, думал, что я не «умный мальчик», а почти вундеркинд? Какая бы жизнь у меня началась? А так свинтил на иняз, грызу науку. Даже дополнительные языки знаю, хоть такой талант у сына! Заодно и время свободное есть. Тем более что денег батя всегда отстёгивал на преподав, чтоб экзамены сдать мог. Тут главное творчески подойти к процессу...

— То есть ты сознательно балду пинал?

— А что? Я мажор или нет? Мне что, надо было думать, как я и на что жить буду? Или вы думаете, что у меня жизнь была сахар? Ни какой жизни: ни половой, ни общественной. У меня, между прочим, здесь вот рядом с этими головорезами, — обвожу рукой парней, — свободы значительно больше, чем дома!

— То есть твой отец тиран и сатрап?

— Да нет. Но вот если бы он меня поменьше любил, было бы проще... А так-то папка хороший... Вот только не уважает совсем, — вздыхаю, — да и не за что было...

Наступила напряжённая тишина. Кто о чём думал не понятно, возможно, что о своих отношениях с родителями. Кто знает? Но о чём думал Балагур, стало ясно очень скоро:

— Прошу прощения, а можно всё же узнать, что там с испанкой то, а?

Народ моментально оживился, какие могут быть ещё вопросы, если тут разговор о бабах? Пришлось продолжать:

— На чём я остановился? Ну ладно, ладно — помню я. Вот видите какие от этого проблемы? Да рассказываю, чего уж там. Освоил язык, на более-менее достаточном уровне и вперёд покорять испанскую красотку. Конечно, сперва напомнил про пари, позволил над собой посмеяться, уточнил, что всё в силе... И сразил своим гением на повал!

Молчу, пусть помучаются. Когда же молчать дальше стало опасно, продолжил:

— Вот что интересно. Был готов к тому, что начнёт юлить и выворачиваться. Но как бы странно это не звучало, девушкой она оказалась порядочной и обещание сдержала.

— Дала?

— Быстров! — рявкнул Рогожин. — Я тебя сейчас удалю из зала.

Вовка обиженно замолчал. Ну да ему полезно.

— А ты прекрати паузы делать и давай нормально объясняй, какая связь между венгерским и испанским.

— Дык ведь, товарищ капитан, куда податься бедному мажору, если не в свои роскошные апартаменты, там и шампусик и джакузи. Куда мы и переместились из кровати, — вновь делаю паузу.

— Мажор! — хором рявкнули присутствующие, включая майора.

— Ну, блин, никакой интриги создать не дадите.

— А хочешь, я сейчас интригу закручу, — ехидно поинтересовался Рогожин.

— Плескаемся мы, понимаешь, в ванне, с испанским, — поспешно продолжаю рассказ. — А тут венгерский заявляется, типа соскучился, сюрприз, млять! — вот тут они и начали надо мной ржать. Сволочи... Мне вот нифига не смешно было.

Проржались кони и Рогожин спрашивает:

— А что с немецким? Тоже что-то подобное было?

— Ну да, только там меня испанский застукал... — вот чего хохочут, у меня тогда такой бланш на пол лица был.

И тут Васильев решил прояснить обстановку до конца:

— Милославский, я уже боюсь спрашивать. А вот профильные языки, тоже имеют отношения к женскому полу или ты всё же их просто учил?

— Имеют, — решил покаяться до конца.

— И тебя тоже застукали?

— Не-е-е... Я знаю, что бледнолицый брат может наступить на грабли два раза, но три это был бы перебор.

— А что тогда?

— Да Жули и Стейси подружки, и в общежитии в одной комнате жили. Тоже по обмену. Так что, немку я сам бросил. Три бабы для меня оказалось многовато...

— Сука... — майор начал тихонько сползать под стол. И уже в процессе выдал: — Ни какой жизни: ни половой, ни общественной. Не могу, сдохну...

Повеселились, короче! Ну да ладно, для хороших людей не жалко. И время пролетело. На целый час меньше терпеть издевательства любимого командира. Польза, однако!

И тут... Только, понимаешь, жизнь налаживаться стала, как нате вам: наше с кисточкой! Командир обрадовал. Я конечно согласен, что на боевых операциях куда легче, чем на тренировках, но как не вовремя... В любое другое время — вприпрыжку бы рванул: подумаешь, убить могут... Тут Рогожин каждый день пытается и ничего!

У нас же через три дня увольнительная. Ах, эти девчонки из Меда! Мы туда уже вполне нормально дорожку протоптали, ну мы с Балагуром так вообще широкое шоссе. Два раза уже в гости ходили, и прям нарасхват...

А тут? Собрание генерального штаба, в капитанском кабинете: командир, прапорщик и один жутко симпатичный сержант, ах да: есть же ещё младший сержант Хаматшин, но он на стрёме, чтоб уши не грели... Вы когда-нибудь видели здорового татарина на стрёме? И не

надо. У него такое серьёзное лицо, что пытаться подслушивать будет только самоубийца. То есть Балагур, но тут всё нормально, от Хана ещё никто не уходил... без звездюлей...

— Ну что, пернатые, у меня для вас есть три новости. Как водится две плохих и одна хорошая.

Я аж вздрогнул, что-то мне это начало не нравится:

— Командир, можно уточнить, для кого она хорошая?

— А для всех! И давай без чинов.

Прям полегчало. Если без чинов, значит, строить не будет, а остальное фигня. Как выяснилось, я поторопился с выводами, фигня она разная бывает...

— Для начала, о приятном. Наши подвиги с Хасаном больше не наши и, слава богу, проблем меньше... Вот только, у генерала этого аппетит разыгрался, где-то рядом звезда на погон летает, а приземлиться не может. Что-то тянут там наверху... Сомневаются! — довольно хохотнул капитан. — Вот он и вышел на Васильева... Короче, дело такое, нашли у Хасана в доме флешечку, случайно нашли... И очень там интересные сведения. В горах есть то ли база, то ли перевалочный пункт, но факт в том, что что-то есть... Вот только генерал наш мужик ушлый и прекрасно понимает, что если делу дать официальный ход, то найти там можно только бамбук — чтоб покурить и то не в затыг... — задумчиво почесав затылок, попросил: — Егорка, поставь чайник.

Пока я наливал воду и включал, Руслан задумчиво смотрел в окно. И вот видимо что-то решив про себя, продолжил:

— Я, конечно, поломался для приличия, но согласился сходить посмотреть — что там? Вот это и есть плохая новость, напороться можем.

— И что, генерал тебя уговаривал? — не поверил я. Остальное не так уж и важно, риск дело благородное.

— Хм... Сперва он приказывать пытался, но мы с Васильевым ему быстро объяснили, зачем в хлебе дырочки.

— И он сразу проникся? — сомнение широким потоком пёрло наружу.

— Ты чего такой любопытный, а?

— Да интересно же...

— Да ничего интересного. Мы тут прикомандированные, типа со своими задачами... Ну и ещё пару убойных аргументов. Тебе знать не нужно. Мал ты есчо! Короче, решено с нами дружить! А я что, против, что ли? Дело то хорошее замышляется, да и обязан будет этот фрукт нам. А это плюс... Я если честно и понтаваться бы не стал, но уж больно момент подходящий ништяков отхватить...

— Каких? — хозяйственная натура Степаныча никак не могла пройти мимо такого сладкого слова — ништяки!

— Ну, тактическую связь нам не дадут. Нету! Хорошие рации дорогие, заразы. А хрень всякую, даром не надо, лучше без них... А вот новенькие броники будут. Операция то штурмовая — наверное. По крайней мере, генерал пусть так думает... И оружие всё новое будет, достали уже расстрелянные «калаши». Новенькая СВД для Хана и ВСС Сашке...

— А может...

— Не может, — перебил меня Руслан, — ни «Валов», ни «Гроз» — нифига: рылом не вышли. Право слово, как за своё торговался. Правда, пяток ПБ отжать удалось, самые расстрелянные заменим. И всё! Но и то хлеб...

Как раз закипел чайник, и я как самый молодой пошёл изображать официанта.

Странная у нас подобралась компания, чай пьём без сахара... Все трое! Ну, уж вкусы начальства я изучить успел. Сказал бы мне кто, ещё год назад, что буду пить «Канди» и нахваливать, только пальцем бы покрутил у виска. Далеко не элитный сорт чая, но уж получше чем «Гита»... О, Господи, о чём рассуждаю? Я ведь даже названий таких не знал, всё элитными чайками баловался... Виски, Махито, Абсент...

Чертовщина какая-то, тут разговор о боевой операции! Меня, может, шлёпнут через пару дней, а я о чае! Хотя, наверное, прав был философ, сказавший, что человек ко всему привыкает? Вот и меня уже не просто не напрягает, а радуется возможность боя. Хотя мне кажется, что всё дело в том: что не нужно тренироваться? Как говорят? Тяжело в учении легко в бою? Нет, нелегко. Нелегко потому что, вместе с тобой рискуют жизнью парни давно уже ставшие чем-то родным и близким — друзьями, братьями. Мне до сих пор, несмотря на прошедшее время, снится Тунгус. И я всё так же не могу его донести, а он всё шепчет: «Брось меня, брось». А я всё тащу и тащу, и каждый раз: снова и снова, с моих плеч снимают холодный труп, я кричу и просыпаюсь...

— Егор, Егор! Мать твою! Ты чего? Мимо же льёшь!

— Извини, Руслан, задумался...

— О чём?

— Да о задании.

— Врёшь, ты о заданиях не с таким лицом думаешь. С огоньком, я б сказал! — хохотнул капитан, вздёрнув кулак вверх. — Что-то я последнее время мало тебя гоняю, раз опять сны снятся... — с грустью прошептал он.

— Какие сны? — пытаюсь улыбнуться.

— Не знаю. Но ты так стонешь, а то и орёшь...

— Я?

— Эх, Егорка, а ты что думал, все с криком просыпаются, один ты молчишь как партизан? Так же как и остальные блажишь. Надо вас ещё сильнее нагружать...

— Зачем? Не надо! Всё нормально! — перепугался я. — Куда ещё сильнее? И так, ноги еле ворочаем.

— Когда вы реально устаёте, то в казарме тишина как в склепе! А как не дожму вас, так: то один, то второй, мечетесь в бреду и стонете, стонете...

— Так всё плохо? Мне же не всегда сны снятся...

— Вот именно: не снятся... Когда устаёте.

Я только обречённо вздохнул. А что тут сделаешь? Я тоже замечал, когда, бывало, просыпался ночью, что многие парни мечутся во сне... Правда, такое бывает, только если спим в казарме. В поле: даже не всхрапнёт никто. Это наверное от обстановки зависит, но я не психолог...

— Но ничего, Степаныч обещал вам «чаёк» сварить, спать будете как младенцы. Ведь сварить, Степаныч?

— Сварю, — кивнул тот.

— А что ж раньше-то не приготовил? — удивляюсь такой нерасторопности.

— Дык, вас лечить надо, а не снотворным пичкать. А травы очень редкие нужны. И когда я говорю редкие, это значит, капец, какие редкие. Но, вроде, удалось достать: через пару недель привезут. Вот тогда и подлечим нервишки...

— И что, кошмары сниться перестанут?

— Нет, они видоизменятся.

— Э-э-э...

— Не заморачивайся, потом поймёшь.

Помолчали, прихлёбывая чай и думая каждый о своём.

— Руслан, а Витя то где? — ни с того, ни с сего спросил Степаныч.

— Остался вопросы утрясти. Кстати, ты завтра возьми машину и дуй в город — к нему.

Получишь амуницию и смотри, чтоб местные, хрень какую, не подсунули!

— Обижаешь! — усмехнулся прапорщик. — Там где эти подсовывальщики учились, там я преподавал! Не родился ещё человек, который...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Всё, всё верю. Можешь не продолжать! — со смехом поднял руки Руслан. — Я в тебе не сомневаюсь.

И пока начальство развлекалось, мне вспомнилось начало нашего разговора...

— Руслан, ты вроде говорил, что плохих новостей две? А озвучил только одну.

— Да? Как это я так? Даже странно, вроде говорил же? Ты точно уверен, что нет?

— Русла-а-ан!

— Да ладно, шучу я. Новость в том, что увольнительные отменяются.

— Млять. Я так и знал.

Ну что ж. Придётся девчонкам подождать. Нас ждут великие дела!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

День, в общем-то, начинался неплохо: сгоняли в столовку без «лавочки». Видимо капитан решил перед делом не нагружать нас. Вернулись в казарму, на крыльце сидит Степаныч и подымливая сигаретой, изображает из себя занятого человека. Рядышком стоит УАЗик, на котором он, собственно, и собрался ехать.

— Товарищ капитан, что ж вы так-то? В город отправили, а пропуск зажилили. Хорошо хоть у меня голова работает.

— Ой, какая цаца! Голова у него... А вчера почему не сообразил? Ладно, пойдём, он у меня в столе.

Капитан, вместе с прапорщиком, скрылся за дверью. Мы тоже проследовали внутрь: холодновато, просто так, без дела, стоять на ветру. Не успели даже сесть, как начался цирк!

— Что? Опять? Степаныч, я тебя предупреждал!

Всё-таки забавная это картина, когда два мужика носятся по казарме, сворачивая по пути, мешающие их развлечению предметы: Степаныч сбил Сашку, а Рогожин врезался в Молота... И как ни в чём не бывало, продолжили свой забег:

— Стой, скотина, всё равно догоню!

— Ага, счас. Вот всё брошу и начну хернёй заниматься!

— Догоню, хуже будет!

— Ты догони сперва!

Вот скажите мне: Степаныч давно уже знает Рогожина и всё равно убегает, почему? Ведь дураку, понятно, что так больнее! Или надеется сбежать? Эх, как скачут, прям «Кони Ногайские», хоть ставки принимай. Вот только, кто ж против капитана поставит? Или всё же удастся смыться? Нет, не удалось... Поймал. И взяв за шкуру, уволок к себе. Ну, правильно, не при нас же воспитывать! Хотя и так понятно, что попал Степаныч не по детски. И я даже догадываюсь за что.

А из-за дверей кабинета раздавалось:

— Ты зачем убегал?

— Ну, мало-ли. А вдруг бы получилось?

Бумс!

— Ну и как получилось?

— Ну, попробовать то, можно было?

Бумс!

— Ты, гад, какой пример молодёжи подаёшь?

— Наоборот! Теперь-то точно никто смываться не будет.

— Да? Хм... Логично. Ладно, считай, простил. Теперь объясни мне, друг ситцевый, ты где это с утра был?

— Так ведь за машиной ходил...

Бумс!

— Я тебе сколько раз говорил, не шляться к жене замполита?

— Да я не шлялся...

Бумс!

— Руслан, да я только одну палочку...

Бумс!

— Что значит одну? Десант позоришь, сволочь!

— Ну, хорошо, не одну...

— Тьфу, на тебя. Ну, сколько можно повторять... Ты думал что будет, если он вас застукает. Тебе то, ладно, а если на бабе отыграется? Ты башкой своей дырявой думал, а? Ты же порядочный мужик, а так подставляешь женщину? Я тебя не узнаю.

— Да ничего с ней не будет! Он же её даже пальцем не тронет. Забыл, что ли как этот козёл карьеру делает? Через тестя. А если он генеральскую дочку хоть пальцем тронет... Сам понимаешь!

— Степаныч, я сам замполита терпеть не могу, но так нельзя! Ты позоришь мундир...

— Да ну? А мне показалось, что я очень даже не опозорил!

— Млять! Пошёл вон. Иди примочку поставь, что ли. А я сам в город поеду. Вот гадство! Уйди с глаз долой, ловелас!

Да уж! Замполита любят все! Ещё та скотина... Я б ему гаду тоже рога наставил... Тем более что жена его — ух! Ядрёная бабёнка! Фигуристая и сисястая, да и на мордашку весьма хороша. Но как говорится: рылом не вышел. Хотя нет. Рылом то как раз вышел, а вот статусом нет... Хотя вроде и прапорщик для генеральской дочки маловато? Так это в мужья, а в любовники — самое то! Да и Дед наш ещё тот дамский угодник, кого хочешь, уболтает... Ну, почти.

Спросите, за что такая не любовь? Да этот гад мне в морду дать пытался, наивный! Но давайте-ка по порядку. Так сказать, чтоб расставить точки...

Появился майор в нашей части совсем недавно. Пару месяцев как. И сразу начал ставить всех на место, ну тех, кто званием и должностью не вышел. Почти неделю нас как-то проносило мимо этого персонажа, но вот однажды...

В порыве какой-то своей логики, Рогожин напялил на нас всю амуницию, какую только можно, и от щедрот своих урезал норматив на две секунды... Караул!!! Две секунды! Да ещё и гружёные, как маленькие лоси. Почему маленькие? А вот когда вы в седьмой раз подряд не уложите в норматив прохождения полосы препятствий, и будете «бодренько» бежать в её начало, чтоб не уложиться в восьмой — вы меня поймёте! Почему это «лоси» измельчали...

А тут эта скотина, на УАЗике мимо едет. Честь ему, видишь ли, не отдали! А кто его видел? Тут бы воздуха лишний глоток найти... И потом, бегущим ручьями, не захлебнуться! Местные офицеры в жизни бы такого себе не позволили: они обычно только сочувственно на нас поглядывают.

А этот перец не поленился догнать нас и поставить машину поперёк пути... Собственно об неё мы всей толпой и остановились... Ну, точнее я об неё, об меня Балагур... Чертыка здоровый! Ну и дальше по цепочке. Чуть не перевернули «драндулет», вместе с замполитом...

Ох, как этот горлопан орал! Как орал! Аж покраснел бедняжка. А нам то что? Стоим, отдыхаем, делаем вид, что слушаем. Внимательно так. Ну, зачем же офицера обижать невниманием.

Смотрю, он мне уже в лицо орёт и пальцем в разгрузку тычет. Зачем? Вот так увлечётся и свернёт тыкалку набок. Прислушался...

— Скотина! — и как даст мне в грудь...

Похоже — дебил! Я даже уворачиваться не стал. Надо уважать старших по званию!

Даже навстречу подался... Чтоб у него удар сильнее вышел. Вот он со всей дури и зарядил в рожок...

Ох ты ж! Я думал, он громче орать уже не сможет! Ан нет, смог! И в морду мне с левой. Правая то, того... заболела, однако! Хотел ему каску под удар подставить, да пожалел дурачка... Просто голову убрал. После пятой попытки, он ствол начал вытягивать. Мдя... Тут то у него почечная колика и случилась.

Пока он калечил себя и безрезультатно пытался заехать мне в лицо, Рогожин просто стоял рядом и развлекался. А чего вы хотели? Так орать, тут не только капитан за сотню метров услышит... А вот когда дело до ствола дошло... Тут у него проблема со здоровьем и приключилась!

Шикнув на наше маленькое, уставшее стадо выючных животных, командир отправил нас вместе со Степанычем на полосу препятствий. Правда по пути обозвал тунеядцами, и накинул ещё пару кругов: чтоб больше не сачковали. А сам начал что-то душевно объяснять замполиту. Тот, правда, не понял доброго к себе отношения, и поволок капитана к полковнику... Не знаю, что уж там было? Но с тех пор майор обходит Рогожина седьмой дорогой, и нас естественно тоже не трогает... Почти. Гадит по мелочам, но что поделаешь, натура такая у человека. Капитан то, что? Добрая душа, дал по почкам и успокоился, а Степаныч обиду затаил... Ему-то, не по статусу, майоров воспитывать. Вот он по-своему и отыгрывается на нём. А Рогожин понятное дело беспокоится. Вот и пытается воспитывать. Да только толку-то? Степаныч, похоже, во вкус вошёл, и уже не столько мстит, сколько красивую бабу имеет... А в норматив мы уложились, правда только на следующий день...

Злой, как чёрт, Рогожин выскочил из своей каморки и, хлопнув дверью, направился к выходу, что-то бубня себе под нос. Поравнявшись с нами, остановился:

— Сержант, пару кругов на полосе препятствий, для разогрева, потом займитесь проверкой снаряжения. В остальном пока свободны, меня до вечера не будет, — и вышел на улицу.

Вот только что-то не доброе шевельнулось внутри...

— Командир! — кричу, выскочив вслед за ним. Что-что, а доверять внутренним ощущениям уже научился.

— Ну, что ещё? — раздражённым голосом поинтересовался капитан.

Подскочив к нему, шепчу:

— Хреновое у меня предчувствие...

— Хм... А поконкретней?

— Не знаю. Свербит и всё. Возьми меня с собой, для подстраховки...

Рогожин задумался, но вот доверять моим предчувствиям он тоже научился:

— Ладно. Возьми оружие, я тебя в машине подожду.

Я развернулся и рванул в казарму. Вот только, чем ближе я был к дверям, тем сильнее зудело что-то внутри меня... Остановившись, делаю шаг назад. Мать моя! Чувство опасности взвыло сиреной! Значит сзади! Сзади? А что там? Только Рогожин и машина. Оборачиваюсь, а в мозгу яркая вспышка! Командир! Машина!

Откуда взялась эта мысль — непонятно, скорее всего, шутки подсознания. Со мной такое бывает: пропадает часть логической цепочки и приходит готовый ответ. Это потом уже можно не спеша обдумать, а что это было? Но сейчас-то на это нет времени.

— Джинн, машина!

Капитан не подвёл! Услышав свой позывной, он тут же перешёл в боевой режим, и

второе слово воспринял как опасность. Резко развернувшись, и ускорившись, рванул прочь... От УАЗика, до которого оставалась всего пара метров. Правильно, что время терять? Если что, по шее молодому можно и потом дать! Вот только максимум, что он успел сделать это пара шагов...

Прогремел взрыв. Яркая вспышка резанула по глазам. Взрывная волна от разорванного на части автомобиля, подхватила Рогожина и швырнула вперёд. Осколки горячего металла, впивались в вытянутое в струну тело, продолжавшего даже в этот момент бороться, капитана.

Боже мой, какой же силы был взрыв, если изувеченное тело командира, сломанной куклой, приземлилось всего в шаге от меня?

— Руслан! Руслан! — пытаюсь перевернуть бесчувственное тело. — Руслан, не умирай!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

В чувство меня привёл подзатыльник Степаныча:

— Не тряси, ирод! Если ты его не угробишь, то жить будет!

«Живой! Мать его, живой! Живой, сволочь такая! Вот ведь гад, напугал до полусмерти!»

— Степаныч! А он точно не умрёт?

— Будем надеяться.

Перевернув начавшего постанывать Руслана на живот, поручил мне придерживать голову. Срезав ножом лохмотья, покачал головой:

— Охренеть. Везучий чертяка! Смотри, если не считать торчащих кусков железа и кучи мелких порезов, да шишки на голове — почти целый... Только одна глубокая борозда, сейчас края пластырем стянем и можно везти.

Посмотрев на Степаныча, как на умалишённого:

— Дед, ты чего? Смотри, из спины железяка торчит! И вот и тут тоже...

— Я и говорю фигня, все под углом вошли. Жить будет, сто процентов. А вот и «таблетка» наша!

Подкатила местная машина, с пассажирского места выскочил Сашка:

— Надо на пол что-нибудь постелить! — и бросился в казарму.

Следом, закинув за спину автоматы, бросились Балагур и Пепел... Блин, только сейчас заметил, что наши парни, все как один вооружённые, окружив нас держат под прицелом периметр... Молодцы! Они-то не знают, что это «закладка», а не прилетевшая граната... Капитан мог бы гордиться своими питомцами...

Постелив на пол УАЗика в несколько слоёв матрасы, аккуратно положили капитана лицом вниз.

— Лаки, что с лицом?

— Так стеклом посекло, — Санек пальцами прикоснулся к довольно глубокому разрезу на левой щеке, — ерунда. Вы бы ехали, Степаныч!

— В машину! Ещё есть дебилы, у которых ерунда?

— Мелочи, сам обработаю, — махнул рукой Пьеро. — Мажора заberi, у него из плеча что-то торчит!

Ох! Ты ж! А я и не заметил! Тут же левое плечо выстрелило болью.

— Млять! Одни дебилы кругом! Какой командир, такие и солдаты! В машину! — дурным голосом взревел Степаныч.

Думаю, что нет смысла описывать дорогу в город. Как водила не получил инфаркт, до сих пор поражаюсь... Вот как бы вы себя чувствовали, если бы вам под руку орали:

— Быстрее, — при этом тыкая в бок стволом «калаша». И делал всё это чувак с окровавленным лицом и бешеными глазами? Пришлось даже прикрикнуть на Сашку:

— Отстань от парня! А то влетим куда-нибудь...

Ну, хоть тыкать перестал... А то бедный парнишка, аж побледнел от такого напряжения. Но довёз до больницы быстро — молодец!

Рогожина сразу увезли в операционную, а нас с Сашкой заштопали под местной анестезией. Мой осколок вошёл не глубоко, на излёте, практически под кожу.

— Заноза, — так охарактеризовала ранение молоденькая докторша.

А Сашке наложила пару швов, предварительно достав из раны осколок стекла.

— Ничего, девки только сильнее любить будут, — улыбнувшись, похлопала по плечу.

— Я женат! — возмутился таким предположением Санек.

— Тем более, не кукся. От такой мелочи жена не разлюбит. А она ведь тебя любит?

— Конечно!

Так, ну это надолго. Докторша допустила ошибку, которую в нашей группе уже давно никто не совершал... На тему своей Лидочки Санек может говорить часами. «Пойду-ка я к Степанычу, узнаю как там Руслан».

Капитан был никак. То есть всё ещё в операционной и как обстоят дела, было не ясно. Сел на диван стоящий возле стены, всё же лёгкая слабость в ногах присутствует — несмотря на то, что рана неопасная, крови натекло прилично. Степаныч же, замерев как статуя, стоял возле стены и бездумным взглядом пялился на противоположную стену, едва заметно шевеля губами. Через пару минут, как будто только что заметив меня, поинтересовался:

— Зашили?

— Нет. Только перевязали, там шить нечего. А Лаки пришлось... Шрам будет. Докторша решила его успокоить и на свою голову задела любимую тему: про Лидочку.

— Хм... — Степаныч едва заметно улыбнулся. — Пусть выговорится, от докторши не убудет.

И убедившись, что с нами всё в порядке замолчал, вновь уйдя в себя, всё так же беззвучно бормоча.

В конце длинного коридора появилась представительница местного персонала. Девушка явно пророчила себя в модели, потому что, вышагивала как на подиуме строго по одной линии и раскачивая бёдрами. Ох ты ж! А ведь не зря о себе мнит, не зря! Я таких красавиц почти и не встречал, даже в бытность свою... А ведь девушки вокруг меня увивались — ух, какие! Хотя надо думать, что увивались они по большей части вокруг папиных денег! Но мне то что? Имели их не деньги, а я!

Хотя что-то в ней было не так? Я молчу о расстёгнутом верхе белого халата, из которого на волю пытались вырваться такие!!! Такие!!! Мать моя женщина, какие! И как только пуговица, удерживающая это великолепие в плену, ещё не оторвалась? А, может, оторвётся? Ну, пожалуйста, оторвись, а! Оторвись!!! Нет счастья в этом мире, нет его!!!

Проходя мимо Степаныча, девушка остановилась и, повернувшись на девяносто градусов, посмотрела огромными глазами на прапорщика.

Ох ты ж! А вид сбоку то, тоже шикарен! Халат настолько короткий, что казалось ещё миллиметр и можно считать её голой. Даже в моих эротических фантазиях у медсестёр не бывало таких халатов? Это ж беспредел. Тут больные вместо выздоровления от спермотоксикоза косяками отмирать начнут... А белокурая красавица внезапно заговорила, бархатным и до боли сексуальным голосом, у меня аж мурашки побежали. И нифига не по спине...

— Я вижу, вы молитесь?

Степаныч, с каким-то чумным выражением лица, кивнул.

— Я слышала, что искренняя молитва помогает?

Обалдевший прапорщик продолжает кивать.

— А ещё я слышала, что просить нужно тогда, когда помощь нужна, а не отвлекать по пустякам! — и, приблизив лицо к Степанычу в плотную, прошептала: — Хватит!

После чего отвернувшись от обалдевшего прапорщика, подошла к кулеру с водой и, повернувшись ко мне спиной, слегка наклонилась! Млять! Вот как назвать то, что показалось из-под краешка халата? Очаровательные такие — полужопицы...

Обернулась через плечо и, стрельнув в мою сторону глазами, призывно улыбнувшись... показала мне язык! Охренеть!

— Кто тут ожидает результатов операции капитана Рогожина? — раздался сзади мощный бас.

Вздрыгнув от неожиданности, вскакиваю и оборачиваюсь. Передо мной стоит здоровый такой дядька с уставшим лицом, в белом халате и сжимающий в руках марлевую повязку.

— Мы... — хором разрешили его сомнения, измученные ожиданием вояки. То есть я и Степаныч.

— Всё в порядке. Везунчик ваш капитан: нашпиговало его знатно, но ничего критического. Повезло, что все осколки попали уже на излёте. Месяцок, полтора полежит у нас и будет как новенький. Но скажу вам, будь он чуть ближе и всё — кранты, даже не довели бы. Повезло, одним словом!

Я только открыл рот, как вмешался Степаныч:

— Да, да... А ведь как раз собрался к машине идти!

Я удивлённо обернулся. Оп-па! А куда красотка делась? Мало того, что шагов не слышал, а на слух я последнее время не жалуюсь... Можно сказать, что он у меня... Короче, тут опять прапор походу с зельями намудрил? Или это от природы? Хотя, наверное, прапор. У парней-то тоже слух прорезался...

Ах да... Как ушла, не слышал, да и не успела бы она дошагать до поворота! Только если бегом? На шпильках? Ага, не смешите меня!

— Степаныч, а куда эта медсестра делась?

— Какая?

— Ну, вот которая с тобой разговаривала?

— Не было никого, Егор.

— Ну как же... — врёт, прям в глаза. Я же чувствую ложь, вот и Степаныч брешет, честные глазки мне строит.

— Отдохнуть тебе надо. Это от кровопотери...

Ну, уж нет! Повернувшись к доктору спрашиваю:

— Вы когда вышли, здесь медсестра была? В белом, коротком халатике, офигенная блондинка, с вот такими... — изображаю руками с какими...

— Нет у нас таких молодой человек. А жаль, конечно! — хохотнул доктор. — Товарищ прапорщик прав отдохнуть вам надо. От кровопотери и не такое привидеться может.

А вот доктор не врал... Никого он не видел! Что тут ещё можно сказать? Начнёшь настаивать — вколют успокоительного... Нафиг, нафиг! Но разобраться стоит, не нравятся мне сексуальные девицы исчезающие, как по волшебству. Нет, я такое уже видел — Руслан демонстрировал не раз, да и очень надеюсь сам рано или поздно так смогу. Но доктор!? Он-то ничего не видел, а так не бывает. Да и Степаныч темнит... А это не есть гуд!

Кстати, а чего это Степаныч притих? Отворачиваюсь от сочувственно смотрящего на меня хирурга... М-дя... А железный прапор поплыл. Сидит на корточках, прислонившись к стене, и уткнувшись лицом в берет, стянутый с головы... Вот как на него наезжать? Я ведь не дурак: понимаю, что вся его показная бравада была направлена на нас... А может и себя пытался убедить, что всё в порядке? Подойдя к нему, опускаюсь на корточки: рядышком. И

задаю вопрос, совсем не тот, что так волновал меня секунду назад. Теперь можно, мы одни — доктор, повздыхав, удалился.

— Дед, а почему ты сказал, что Руслан только собирался идти к машине?

Степаныч какое-то время помолчал, потом убрав от лица берет, посмотрел на меня покрасневшими глазами:

— Понимаешь, Егорка, Руслан сам себя спас... Взрыв не такой уж и сильный был — только, убить того, кто в машине. Не могло его так далеко отбросить, ускорился он. Ведь так?

— Да. Я как крикнул, так он сразу рванул... — чешу в затылке, — получается, что он за пару шагов так разогнался, что почти обогнал осколки?

— Ну, обогнал сильно сказано, но вот то, что уменьшил их скорость в отношении себя это да. Потому и лежал так далеко. И в воздухе вытянулся, так что пострадала в основном спина и задница. Берцы его видел?

— Нет. А что?

— Только выбросить. Хорошо подошва толстая, пару осколков так и застряли. Так что тут не везение, а умение. А об этом местным эскулапам знать не надо... Да и никому не надо. Понял?

— Да.

Посидели рядышком, уставившись на стену, а потом Степаныч усмехнувшись, порадовал:

— Месяц, полтора? Да я его за пару недель на ноги поставлю, ну за три точно, дырки глубокие... Надо ехать, всё равно в себя ещё не пришёл. Лекарства взять, да вас с Сашкой отвезти. Пока за старшего будешь. Надеюсь положиться на тебя можно? По бабам не рванёшь?

Я аж задохнулся от возмущения:

— Ты меня за кого принимаешь?

— Не кипятись. Если уж тебе не доверять, то кому тогда?

Аж расчувствовался от таких слов:

— Степаныч, да я... Ты ж знаешь! Да я...

— Всё, всё... Не шуми. Поехали.

Только чуть позже до меня дошло, что прапор просто развёл меня как младенца... Как после таких слов от службы отлынивать? Да и парней придётся строить... Развёл!!! Хотя от осознания... слова эти, менее приятными не стали. Вот такой загиб психики...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Вернусь в часть уже к вечеру, парни все на нервах... Мало того, что с нашим командиром случилось, так ещё и следаки мозг выели. Правда и у тех чуть дед Кондрат не приключился. Попробуйте разговаривать с людьми, которые на любой вопрос отвечают:

— Я не буду отвечать на этот вопрос, без приказа непосредственного командира...

А командир где? Правильно! В больнице без сознания. Даже командира части приводили, но тот только рукой махнул:

— Бесполезно, ничего не скажут...

— Вы хоть осознаёте последствия? — поинтересовался старший из следаков.

— Ждите майора Васильева — это их особист. Может, что и скажет...

— Может? Да я вас всех под трибунал...

— Закрой рот, капитан! Ты как перед старшим по званию стоишь? — гаркнул полкан. — Ты офицер или гражданская штафирка?

— Я вам не подчиняюсь...

— А они мне!

— То есть, как это?

— А так! Голову включи! У них свой особист — майор! И это на двенадцать человек!

Так что закрой рот и молча жди...

Капитан оказался человеком умным, и ковырять мозг перестал. Примчавшийся на всех порах Васильев, очень порадовал его:

— Жди. Опрошу и подумаю, что тебе можно сказать...

На попытку возмутиться сунул под нос корочки:

— Прочитал? Теперь слушай. Я ссориться не хочу, но моих людей никто допрашивать не будет. Понял? Это дело государственной важности. Если поведёшь себя правильно, я с тобой очень вкусным делом поделюсь, как раз умный следак из военной прокуратуры нужен. Умный! Ты понимаешь?

Капитан понял, задав только один вопрос:

— Очень вкусное?

— Пальчики оближешь. А если не ступим, то ещё и звёздочки поймаем. Как раз по одной на брата.

Следак повернув голову, задумчиво посмотрел на четыре звёздочки у себя на погоне, прикидывая, как там будет смотреться одна — большего размера. Смотрелась она просто замечательно!

Естественно майору парни всё рассказали, а тут мы... Конечно Васильев тут же приступил к «пыткам», но шепнуть парням о том, что капитан в порядке мы успели... Что тут началось! Крики, прыжки и обнимашки... Что уж греха таить, майор наш Васильев, принял самое активное участие в этом мероприятии. Кажется, он стал своим...

— Скажи, Олег, это нормально когда майоры с рядовыми обнимаются? — поинтересовался старший лейтенант Крымов у своего непосредственного начальника капитана Зиновьева.

— Это же спецназ — у них всё как не у людей...

— Да какой они спецназ? Срочники. Гонору только.

— Ох, не скажи. Я как с майором этим пообщался, так сразу пошёл к полковнику — извиниться за своё поведение.

— Зачем? — удивился старлей. — Ты же правильно всё сказал...

— Вот поэтому я твой начальник, а не наоборот, — усмехнулся Зиновьев. — Если ничего нельзя сделать, то зачем плодить врагов?

Достал из карманы пачку сигарет, вынул оттуда одну и закурил. Затянувшись, выдохнул сизый дым и продолжил:

— Поговорили. И он интересный момент упомянул... Такие у них наколочки интересные... Знаешь, что на них изображено?

— Не томи, а?

Капитан картинно затянулся, выпустил через нос дым, и хитро поблескивая глазами, наблюдал за подчинённым. Тот, почуяв что-то интересное, подпрыгивал от нетерпения, но молча ждал — позволяя начальству насладиться моментом.

— Так вот, Андрейка, Коршуны это...

— Какие Коршуны?

— Смотрю, ты совсем нюх потерял...

— Чёрт! — осенило старлея. — Не может быть, я думал там профи, а тут пацаны сопливые...

— А они и есть профи, и не завидую я тому, кто эту бомбу подложил. Факт: мы его не посадим, даже если найдём...

— Почему это?

— Ты корочки майора видел?

— Нет.

— А я видел... Серьёзный дядя. А трудится простым особистом при пацанах? Боюсь даже предполагать, кто на самом деле их капитан... Такое не прощают... Да и видел я один караван. Бр... Мы тогда пытались разбираться, начальство местное очень недовольное было — суки продажные! Типа разбой и беспредел, а по мне, так и надо их...

— Ну! Что замолчал, дальше что?

— А ничего, пришли серьёзные дяди, дали по голове нашему непосредственному и горячо любимому, и мы так ничего и не нашли. Да и не очень хотелось, я ж сразу понял, что там спецура работала. Настолько всё качественно было, даже не проснулся никто... Да и дружок один шепнул, что это Коршуны шалят. Так что я особо и не рыл. Мне оно надо? Весь прикол в том, что в тихую информация про них ходила, а вот кто именно — не известно. Подумать только, срочники!

— Офигеть! А ты уверен, что это они?

— Ты больной? Это же срочники, вчерашние школьники... Ну, какие из них убивцы?

— Э-э-э... Ты же сам...

— Ничего я тебе не говорил, — зло сплюнул капитан. — А ты если жить хочешь, ничего не слышал. Я тебе зачем сказал? Чтоб ты глупость какую, не совершил. Майор этот — нас схарчит и не подавится! Понял!

— Понял — не дурак!

— Ладно, поехали отсюда, майор обещал вечером сам приехать...

«Пытал» нас майор долго, точнее долго только меня. Потом чесал репу, плевался и грозил карами неведомому террористу. Потом слегка успокоившись, поведал:

— Я так понимаю, что кто-то очень хочет сорвать нам операцию, но ничего у них не выйдет. А гада мы этого найдём, старший следак мужик с головой, припрягу его... Ты давай Милославский впрягайся, у меня дел полон рот. Помогай Степанычу, а я вас прикрою, чтоб рыло никто не топил.

Я только кивнул. А что тут говорить? Какая операция? Руслан в больнице, Степаныча от него хрен отгонишь, пока на ноги не поставит... Кто операцию проводить будет? Со стороны кто-то? Ага, шаз! Васильев же почти прямо сказал, что посторонних не пустит. Да и хрен мы с чужим дядей куда пойдём! Я подписку хорошо помню. Командир у меня только один, мне даже Васильев, по сути, не указ... Только если капитан прикажет, тогда да. Так что плакала операция, горячими слезами. А жаль, конечно, я бы сейчас пару бандитов зарезал, чтоб напряжение снять...

Тем временем майор продолжил:

— Так, я Степаныча к капитану в больницу увезу. Пусть пока там посидит, а то, как бы разбираться не начал, кто это его грохнуть пытался. Кандидат то только один! — и уперев в меня тяжёлый взгляд, продолжил: — Прикинь, если он за замполита возьмётся?

— А при чём?.. — и тут до меня дошло! Ехать то в машине должен был Степаныч! И рвануть должно было где-то в пути, типа нападение! От ведь сука!!!

— А ну осади! — погрозил мне пальцем майор. — Проверим, конечно! Но трусоват наш замполит, да и не знает, кто его бабу окучивает. Догадываться, что зам у него есть, может, но конкретно вряд ли. Если только жена не проболталась, во что я не верю. Такие даже если с любовником в постели застанут, не сознаются... Так что здесь что-то другое, нет, точно другое! Вижу, не веришь? Ладно, слушай, Степанычу я сам скажу, а ты парням. А то вы ребята горячие, ещё натворите чего... Знаешь, почему майор в нашу часть перевёлся?

— Нет, конечно, — пожимаю плечами, — откуда? Мне такое не докладывают.

— А мне докладывают, — хохотнул Васильев, — баба его любовника себе завела, лейтенантика молоденького. Что поделать: слаба на передок. Вот он и узнал об этом, люди добрые донесли. Нормальный мужик, что бы сделал?

— Да выгнал бы в шею!!!

— Вот. А если он карьерист и всего лишь капитан?

— Не знаю...

— А я знаю. Тесть-генерал, в качестве компенсации: дал майора, ну и помог с переводом от скандала подальше. Лейтенантика же на Северный полюс медведей охранять...

— Охренеть! — выпадаю в осадок, бывает же такое!

— Да ничего здесь запредельного нет. Двое детей у них, а дед внуков любит, а майор хоть и карьерист, а отец хороший. Детишки пока с дедом и бабкой живут. Хм... Вот и простил, а тут ещё и бонус поимел... Так что не стал бы он взрывать любовника жены, тем более Степаныча никто кроме капитана и не палил ни разу. Глаза отводит не хуже тебя — точно. Да и матёрый он, собаку съел на таких заходах! Так что не замполит это... Ну, дошло?

— Дошло.

— Вот и молодец! Я тебе сейчас какую-нибудь бумагу грозную нарисую — будешь любопытных посылать. Сперва, записывать кто?! Если местный. Ну, а чужих крути и в подсобку, завтра приеду — разберусь. Кто у нас такой любопытный!

Эх... Вовремя мы с майором вернулись, ох вовремя! Жизнь замполиту спасли точно... Не только мы с Васильевым такие умные, местные горячие парни уже разобрались, кто виноват!

— И куда это мы собираемся? — поинтересовался майор у подгоняющих снарягу, сосредоточенных парней, во главе с прапором. — Далеко ли путь ваш лежит?

— Да мы это... Пару кругов пробежаться, — забегал глазками Степаныч.

— Ты охренел, старый хрыч! Ладно, сам в петлю лезешь, а молодых то зачем с собой потянул?

— А ты попробуй от них отвяжись! — зло бросил Степаныч.

— Разоблачайтесь народный мстители! Пустышки ваш удел, а не гранаты! Раз башкой думать не умеете!

— Мы всё равно эту суку достанем, — прошипел Балагур, парни синхронно кивнули.

— А ну отставить, горячие финские опера! — всё происходящее меня просто взбесило. — Ах вы, суки позорные! Значит, Мажора можно в расчёт не брать, да?! Мажор, значит, за командира отомстить не хочет! — пытаюсь отломать дужку от кровати. — А может: Мажор — сука?! И всех сдаст?! — наконец-то отломал. Васильев отодвинулся от греха подальше. — Товарищ майор, мне прапоров пи...ть не по статусу, вон табуретка — приступайте.

И пошла потеха... Они ещё сомневаются, справлюсь ли я с командованием этими оборматами!!! Ещё как справлюсь! Вот только догоню всех, хотя б по разу и справлюсь!!! А майор молодец, не подвёл — хотя и слабоват оказался! Никак этого доминирующего самца догнать не может. Пришлось Степанычу подножку поставить, рука то не поднимается. Эх, хорошо табуреточка пошла...

И вышел могучий, великий Егор,

В руках булаву он сжимает.

Трусливых шакалов, предателей подлых.

Суровой рукой наказуя.

Вот в праведном гневе пылает лицо,

Ведь предали други батыра.

Накажет предателей, подлых, никчёмных,

Суровою дланью своей.

Пусть будет уроком, для низких уродов,

Гнев лучшего в мире сержанта.

Так славься же славься Великий Мажор,

Предателей подлых лупцуя.

Мелкий и хитрый Санек, первым делом смылся под кровать и умудрился не попасть под раздачу. Что я их считал что ли?! Хотя вроде всех отоварил? А когда все запыхались и сидя по разным углам, пытались отдышаться, грустно посматривая на учинённый погром — вылез и зачитал. Мне понравилось, Васильеву тоже — он даже не возражал, что его в поэме не упомянули. Но простил я гадов, только через полчаса, после того, как они кряхтя и постанывая, зачитали поэму хором...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Ну что ж, Васильев и Степаныч укатили в город, а я занялся ликбезом... Это вот таким мудрёным словом называется вправление мозгов излишне активным личностям в количестве девяти человек. Вначале народ офигел от такой постановки вопроса, потом застыдился, излишней горячности, ну и как результат — поржали... Сперва над замполитом, потом над собой: вспоминая особо пикантные моменты бега с препятствиями по казарме. Героем дня, по понятным причинам, оказался Санек: единственный избежавший расправы, ну и в довершение всего умудрившийся на скорую руку состряпать поэму — смягчившую мой гнев... Парни чувствовали себя виноватыми.

Но как говорится, всё что ни делается — всё к лучшему. По крайней мере, напомнил всем кто в доме хозяин, ну в отсутствие основных фигурантов. Ну да пора приниматься за уборку, бардак знатный навели, я б даже сказал эпический!

Не думаю, что кому-то будет интересно то, как протекал этот процесс... Не шатко, не валко, учитывая, что приходилось по одному ходить и лечиться у Пьеро. Без синяков процесс воспитания не прошёл... Прав, прав Рогожин — утверждая, что с «звездюлями» можно добиться большего, чем без них...

А вот с утра приключились заморочки, не глобальные — производственные так сказать...

— Подъём!!!

— Мажор, может ну его? Посачкуем? Пока начальства нет... — подал вполне здравую идею Балагур.

И в любой другой день я с готовностью поддержал бы его! Но только не сейчас: не тогда, когда Руслан лежит покалеченный на больничной койке и надеется на меня! Нет уж! Будем пахать, а то некоторые личности, как то с сомнение оставили меня за старшего, я бы даже сказал не уверенно. И вообще!!!

— Бунт?! — добрым таким голосом и самой светлой из своих улыбок, по-отечески так... вопрошаю у этого разгильдяя.

— Ну тебя нафиг... — бодренько соскочив с кровати, Балагур рванул в умывалку. — Народ у нас новый тиран! — и тормознув в дверном проёме, довольно хохотнул: — Я вообще-то за тиранию! Прощу воспринимать, как лесть!

— Балаболка ты! — беззлобно подталкивая смутьяна, заметил Марат. — Егор прав, чего мы стоим: если командир вернётся, а мы кондиции потеряли? Получается, что прав Васильев — нам пустышки надо сосать?

Парни замерли — кто, где стоял: пытаюсь осмыслить слова Хана. В общем-то, я ни сколько не сомневался в том решении, которое они примут... Молодец Марат, как всё повернул! Нет, без сомнения, что мой авторитет достаточно силён, для того чтоб меня слушались, но одно: если из под палки, совсем другое: по собственному желанию. Понимать надо! Да и нет у меня желания портить отношения...

— Значит, нужно показатели улучшить, — глубокомысленно изрёк Сашка.

— Нет, Санек, — качаю головой, — у командира система была, а мы можем и напортачить. А вот делать всё как при нём, это да... Кстати, идея! Можно физику подтянуть!

На турнике поподтягиваться, поотжиматься и пресуху пожмём. Если прибавим, всё плюс! От такого дурного мяса не будет, если и нарастёт то мышца. Решено каждый час по сто пятьдесят отжиманий...

— Егор! — взвыл Балагур. — Командир то только по сотке заставлял, и то пару раз в день!

— Вот именно заставлял, — не дав мне ответить, влез Сашка, — а ты сам будешь! — и, подняв палец вверх, глубокомысленно изрёк: — По собственной инициативе!

— Да это форменное издевательство!

— Что ты ноешь? — усмехнулся Пепел. — Ты сколько за раз можешь отжаться?

— Меньше тебя...

— Ну, всё же?

— Ты типа не знаешь?

— А ты вслух скажи.

— Ну, четыреста...

— Вот! И чего стонать? Вернётся командир, а ты пятьсот... хлоп!

— Пятьсот пятьдесят! — накидываю усмехнувшись. — Лично от меня, чтоб больше не спорил... с коллективом!

— Не думал, что скажу это, — покачал головой Вовка. И гаркнул во всё горло, запрокинув голову вверх и воздев руки в небеса: — Командир, вернись, я уже соскучился!!!

Грянувший хохот вполне гармонично завершил стихийное собрание...

Несколько дней к ряду, занимались насилием над собой, приехавший на пару часов Степаныч, похвалив нас, снова уезжал в больницу — к лежавшему в реанимации Рогожину. И вот наконец-то за мной пришла машина, Васильев прислал. Надо ехать в больницу, Руслан пришёл в себя и горел желанием узнать, как мы тут без него? Балагур, тут же устроил налёт на столовку и вернулся с кульком пирожков, и стал настоятельно просить передать командиру, чтоб он скорее выздоравливал, а то он уже с лица спадать начал...

Ох и не люблю я все эти больницы. Хотя это понятно: в большинстве случаев, для военного человека, визит в подобное заведение означает ранение... А кому это понравится? Но что поделаешь — надо!

Подходя к палате, в которой должен лежать мой командир, останавливаюсь, пытаюсь унять сердцебиение. Волнуюсь. Не привычно это. Всегда такой сильный и уверенный в себе, вот как такое могло случиться с ним? Как? Пусть только майор найдёт того, кто заложил бомбу... Думаю, он не откажет нам в праве на маленькую месть?

Тяну дверь на себя и вхожу... Млять! Мать моя женщина! Что за, херня? В палате трое. Как и следовало ожидать — Степаныч и Рогожин. А вот третий персонаж? Девушка, склонившаяся к лежащему на боку Руслану и о чем-то тихонько шептавшаяся с ним?.. Та самая медсестра, или кто она там?! Как догадался что та самая, если она стоит спиной ко мне? Да по торчащим из-под халата полужопицам! Вот их-то я сразу признал! Вот ведь... так и помереть не долго! Увидеть вместо раненого командира такое... такое... великолепие? Вот и стою как дурак! Нет, кто-то, конечно, кашлянул бы там — ради приличия. Но я же не дурак, я только выгляжу так...

— Кхе... Кхе... — Степаныч! Вот зачем спрашивается?

Руслан слегка улыбнулся, голос звучал тихо и как-то устало:

— Ну, здравствуй, проходи.

А вот поведение медсестры было все же странным. Выпрямлялась она довольно

медленно, во всю давая насладиться процессом! Потом развернувшись, слегка подала шикарную грудь вперёд... И вновь в голове билась только одна мысль, направленная на верхнюю пуговку: оторвись, оторвись, оторвись...

Девушка же томно улыбнулась и повела плечами... Повела то она плечами, но смысл то крылся чуть ниже...

— Его зовут, Егор, если ты понимаешь, о чём я?

«Мне показалось или голос Рогожина стал ехидным?» Улыбка моментально пропала с лица красотки, грудь правда осталась на месте, но вот такого вождения уже не вызывала. Хотя конечно вызывала, но... вот... Тьфу, ты... Короче думать вроде уже могу. Что происходит? Только сейчас заметил, что, несмотря на то, что девушка стояла, наклонившись перед Русланом, открывая заманчивые виды, да и у Степаныча ракурс был ого-го... Мужики смотрели на неё... Вот как объяснить? Ну как на картину: красиво, эстетично, эмоции положительные, но не более! Бред! Это Рогожин то со Степанычем? И тут красотка подала голос:

— А сразу сказать не могли?

— А зачем? — усмехнувшись в усы, Степаныч развёл руками. — Ты уже достала своими выкрутасами, вот и потрудись в холостую.

— Хам ты...

— А ты стерва. Всё бы только задом крутить.

— Не спорю, но ведь и по-другому не могу! Понимать должен!

— Ну, извини...

Вот только что-то я не заметил раскаянья в его словах. Ещё бы понять, что тут творится и вообще хорошо будет. Так и спросил:

— А что тут происходит?

— Гости у нас, — развалясь на свободной кровати, заметил прапор.

Кстати, палата не одноместная, как вы могли подумать, просто кроме капитана больных не было. Вот Степаныч и приватизировал одну из коек под собственные нужды. Хотя зная Степаныча можно предположить, что в соседних палатах на головах у друг друга лежат, а вот для него все удобства. Утрирую, конечно, но не удивлюсь... Хотя последнее время тихо и скорее всего больница полупустая. Но это всё не суть важно. А вот?..

Хотел поинтересоваться, а кто собственно такая эта гостья, но не успел. Девушка опередила меня.

— А ведь как похож-то! Как похож! То-то думаю, чего меня так приплющило, когда его увидела. Кстати как самочувствие молодой человек?

— Да нормально!

— Повязочку с руки снимем?!

— Зачем? — с удивлением смотрю на неё. — Мне утром только сменили.

— Надо!

— Ну ладно.

Собственно, почему бы и не позволить такой сногшибательной красавице-блондинке перебинтовать меня. Охренеть! А бинтовать то не чего! Рана исчезла, остался едва заметный шрам... Глупый, наверное, в тот момент у меня был вид?!

— Ну, Степаныч, ты меня и подставил! — гневно сверкнув глазами, процедила сквозь зубы девушка.

— Не злись, он нам здоровый нужен. Ну, накололи тебя чуть-чуть, — едва заметно

улыбнулся Руслан. — Жаль, что меня нельзя так подлечить...

— Да сама виновата, хорошо хоть вчера доктор этот вовремя появился... Странно бы выглядело, если бы ему сегодня повязку меняли, а раны нет. Вот дура, ещё вчера заметила, что притока сил не было, могла ведь догадаться. Ладно, давай перевяжем.

— Зачем?

— Ты дурак? Как ты объяснишь, что так быстро вылечился?

— И, правда, как?

— Ой, мамочки! — девушка бухнулась своей симпатичной попкой на кровать, предварительно пихнув Степаныча. И натянула край одеяла на голые ноги, спрятав всю красоту. А жаль!

И сделала то, что делают практически все женщины, попадая в неприятности — заплакала. У меня конечно иммунитет, но удовольствия мне данный процесс не доставляет.

Смутившийся Степаныч попытался погладить её по голове:

— Не плачь, ну с кем не бывает... Мы же тоже виноваты...

— И вас тоже накажет... — провыла красотка.

От тут-то прапор и забеспокоился:

— Ох ты ж! Руслан, что-то мы с тобой не подумали... — и, повернувшись ко мне: — Егор, прости, ничего объяснить не можем, а врать тебе не хотим. Просто поверь нам на слово! Это случайность, и позже ты всё узнаешь, но говорить об этом нельзя никому. Вообще! А особенно когда правду узнаешь. Очень тебя прошу... Мы с Русланом совершили очень большую глупость, но по-другому не могли. Почему узнаешь в ближайшие полчаса... Ну как? Выручишь?

— А, может, объясните, а я никому...

Девушка тут же усилила поток слёз, я естественно начал злиться... Но Степаныч, есть Степаныч: не долго думая, отвесил девушке подзатыльник. Та мгновенно прекратила лить слёзы и напустилась на обидчика.

— Ты что себе позволяешь, да я тебя...

— Егор, понимаешь, в чём дело, — повернувшись ко мне менторским тоном начал тот.

— Всё-всё... Хватит! Я всё поняла!

— Вот и не реви. Егор, начинается злиться, если его при помощи слёз пытаются развести!

— Поняла я, — и глядя мне в глаза: — Выручай, парень, потом сочтёмся! Обещаю!

— Соглашайся, — тут же подсказал Руслан. — Это шикарная сделка!

И что в этой сделке такого шикарного? Вон она даже ноги спрятала, а что с неё ещё взять?

Видимо разглядев в моих глазах сомнение, девушка предложила, подняв вверх пальчик с безупречным маникюром:

— Жизнь одного воина! Но только одного, при смерти или умершего не более пяти минут назад!

— Соглашайся, зашипел Степаныч.

Конечно, всё это пахивало бредом, но... А вдруг? Если бы тогда с Тунгусом у меня была такая возможность? Вот и Степаныч с Русланом считают, что это правда...

— Двух, — пытаюсь торговаться.

— Нет, я и так нарушаю всё что можно. Но самое главное в случае твоего отказа пострадают твои командиры... Ты бы и так согласился! Я могу передумать!

— Он согласен, — на два голоса произнесли командиры.

— Договорились.

— Вот и хорошо, — кивнув, встаёт. — Меня зовут Маришка. Просто вспомни обо мне и позови... — и с тихим хлопком исчезла.

Если сказать что я офигел, значит, скромно, потупив глазки промолчать...

— Это чего? Типа эта? Как её... телепортация что ли? — спрашивая, шарю перед собой руками. Увы, все надежды найти хоть что-то — не оправдались.

— Ну, типа того, — Рогожин пытается пожать плечами и морщится от боли. — Если ты подразумеваешь мгновенное перемещение? То можно сказать и так... — и вновь поморщившись, продолжил. — Нет, я так не могу.

— Да я и не спрашивал!

— Но собирался...

— Даже не думал!

— Так! — Руслан, сощутив глаза, пристально посмотрел на меня. — Ты кто? Куда моего сержанта дел?

Мне осталось только тяжело вздохнуть и покаяться:

— Ладно, ладно, хотел! И вообще, кто это такая была?

— Как кто? Ты же слышал Маришка!

— Руслан, у меня с памятью нормально. Я помню, как её зовут, а вот кто она и что это за бред с павшим воином?

— Это не бред, — Степаныч задумчиво уставился в потолок. — Это фарт! Запомни её накрепко и если тебя шлёпнут: последняя мысль в твоей бедовой голове, должна быть о ней. Понял?

— Не а...

— Блин, ты чего тупишь? У тебя реально — жизнь в запасе! Главное чтоб призвать успел, так что учти — если пуля мозг тебе вынесет, это не поможет... Понял?

— Ага... — киваю, пытаюсь осмыслить полученную информацию. Выходит плохо... — А кто она?

— А вот это тебе знать рано. Именно рано! Ты ведь веришь нам с Русланом?

— Честно?

— Честно, — усмехнулся Степаныч, а Руслан только закатил глаза, делая вид: и за что мне такое наказание?

— Кому если не вам? Вы конечно темнили старые, но всегда вроде только на пользу... Но потом расскажите?

— Нет, Егор, — грустно произнёс Рогожин, — не мы. Тебе всё расскажут, когда придёт время. И ты сам поймёшь, что если бы мы тебе всё рассказали, было бы только хуже. И скажешь спасибо!

— Угу... А может, вы меня разводите, как эту девицу на обещание?

— Ты чего? — прапор беспокойно заёрзал. — Это случайно вышло! Мы тебя только подлечить хотели...

— Ага... Так я и поверил!

— А ты поверь! — глаза капитана стали стальными. — Как мы могли, ведь девушка может обидеться и отомстить!

Умному достаточно, ещё не хватало, чтоб эта мадама мстить начала:

— Да я прикалываюсь! Не всё же вам надо мной!? Вы же не такие!

— Вот именно, — глаза Руслана снова улыбались, хитро так, — такое не просчитать!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Следующие двадцать минут пролетели в незамысловатой беседе: что да как... Особенно повеселил капитана душевный порыв Балагура.

— Кстати, как успехи в освоении отжиманий?

— Да нормально, прибавляет не по дням, а по часам!

— Ну и хорошо, чем бы детинушки не тешились, лишь бы девки в подоле не таскали...

— Не до девок ему, — хохотнул я, — еле до кровати доползает. Даже к Таньке не бегают.

— Ох ты ж. Ну и зверь ты, сержант... Завязывай, заездишь пацанов! Во всём должно быть норма!

— А у тебя была?

— Конечно! К поварихе же бегал? Значит, силы оставались.

— Логично!

Тут дверь распахнулась, и на пороге возник Васильев:

— Привет честной компании, и особенно выздоравливающим! Руслан Иваныч, ты же выздоравливаешь?

— Стараниями Юрия Степаныча, надеюсь, через пару недель спасти своих парней от гнёта злобного сержанта Милославского!

— Так надо ему старшего дать, чтоб злобность званию соответствовала!

— Вот и займись!

— Займусь, займусь. Дело сделают, и сразу всех повысим. Минимум до младших...

— Всех? Думаешь проканает?

— Я же говорю после дела! Там всё проканает! Главное, чтоб сержант не облажался!

Вы поняли, о чём разговор? Я вот нет! Сижу как дурак и хлопаю глазами. Какое дело?

— Кхм...

— А? Чего тебе Милославский? — довольный жизнью майор так и лучится счастьем.

— А что мне надо сделать? И при чём здесь все?

— Как при чём? Капитан выздоравливает, Степаныч его лечит, я точно хреновый диверсант, остаёшься только ты!

Понятно, что ничего не понятно... Похоже, что на моём лице информация об этом проступила если и не огромными буквами, то большими точно...

— Придётся покомандовать самому, Егор, без моего чуткого руководства, — Рогожин впился в меня взглядом, похоже, ища следы паники. «Ага, счаз. Удивление? Да! Паника? А хрен вам!»: — Дело серьёзное, а командиры видишь какое дело!? Можно Степаныча с вами заслать, но меня надо на ноги ставить, а ты парень достаточно грамотный — справишься. Хотя и не по нутру мне это, но выбора нет, грядут серьёзные дела, а я валяюсь!

Вот теперь понятно, зачем они мадаму разводили. И даже зачем рисковали, чтоб запасную жизнь мне добавить — подстраховались... И обидно и приятно: с одной стороны недоверие, а с другой почти отеческая забота. Вот как с ними быть?

— Чего молчишь то? — не выдержал Васильев. — Согласен?

— А что можно отказаться? — встрепенувшись, пускаюсь в словоблудие: — От

спасибо! А чего раньше молчали? Я вот и думаю, а если вдруг когда-нибудь, сам майор Васильев спросит меня! А я такой сижу и думаю, вот ведь как оно бывает, такой большой человек, и у меня, сам прям, берёт и интересуется! А я же ни сном, ни духом, а вопрос то серьёзный, требует соответственного осмысления, со всех сторон глубины своей проблемы...

Майор, тихо шалея, крутит головой, более привычные к моим заходам — Степаныч и Рогожин еле сдерживаются. Степаныч начал тихонько сползать вниз. А вот Руслан, как выздоравливающий сперва только похрюкивал, а потом гаркнул, при этом скривившись от боли и не очень громко:

— Мажор, млять! Видишь мне хреново?

Я смутился:

— Прости, командир!

— Э-э-э... Это чего было? — поинтересовался всё ещё прибалдевший Васильев.

— А это Мажор, во всей своей красе! — вытирая выступившие от смеха слёзы, пояснил Степаныч. — Ты нашёл что спросить! Тренироваться или воевать? А тут ещё и сам автобус поведёт!

— Какой автобус?.. Тьфу, на тебя! Мало ли, вдруг ответственности испугается?

— Кто? Мажор? Не делай мне смешно! У него же самомнение как... У президента США меньше!

Вот тут я обиделся. Вот реально. Типа сам просился, а не перед фактом меня поставили? И главное с кем сравнили? Меня! И этих типов... Бр-р...

— Ты чего, Егорка? Шуткую я, шуткую... Не бойсь, Виктор Петрович, раз мы с капитаном говорим, значит, знаем! Всё будет тип-топ!

Правда как-то не уверенно это сказал, или мне показалось?

А дальше — больше... Вывалили, на меня бедного, ведро информации — сижу, обтекаю... Оказывается, что всё кругом подозрительно! Ага, вот бы я удивился, если бы Васильев что другое сказал! Точно бы поинтересовался, как и Рогожин до этого: «Ты кто? Куда майора дел?» Но по порядку...

— Короче, сержант, дело такое! Генерал-майор, который, привлёк нас к делу, прям, извёлся весь, так ему надо базу эту разгромить. И вроде логично всё, и оружие там, и наркотики, и уйти могут... Но ведь сходить посмотреть, есть или нет, может кто угодно?! А там дело техники... Армия давно на таких заморочках собачку схарчила... Он конечно про утечки всякие говорит, про врагов замаскированных, — тут майор даванул лыбу, прям во все зубы. — Мне говорит! Поверишь? И про всяких там... Короче убеждает! Тут становится понятным, почему мы. Рыло то в пушку, да и репутацию определённую создали... А там ещё и караван вот-вот прийти должен. Огромный! И дело ваше рвануть, что можно, или бой завязать, чтоб подмогу вызвать и сровнять всё с землёй. Но гложет меня чего-то? Не верю я ему, больно причины у него патриотические!

— Витя, а ты что в патриотизм не веришь? — Степаныч наивными глазками, уперев подбородок в руки, поставленные на колени, смотрит ему в глаза.

— Отчего же, верю. В патриотизм, в любовь к Родине, в самопожертвование — солдат под Москвой, или в Брестской крепости, в защитников Севастополя тоже верю. Я даже в генерала от НКВД, лёгшего на гранату, спасая детей, в мае сорок пятого — тоже верю.

Почему-то в этот момент, капитан и прапорщик отвели глаза, и лица на миг отразили грусть, как будто знали этого генерала. Может дед чей? Геройский, наверное, мужик. Смог

бы я лечь на гранату? Не знаю... Попытаюсь отбросить, это да! Пусть даже рискуя не успеть, но сознательно вот так... А если отбросить нельзя? Тогда, лечь и ждать смерти, пусть секунду или две, но ждать? Не знаю, и дай бог никогда не узнать! Даже если этот НКВДшник был кровавым палачом и садистом, как их рисуют в кино, всё равно — уважаю! Хотя о чем это я? Данный подвиг, все сказал о характере этого человека. Так что уважать можно смело...

А майор тем временем продолжал:

— Но это были другие люди. Совсем другие! Таких уже нет... По крайней мере, среди генералов! Короче, не верю!

— Зря ты так, майор, у генерала есть желание звезду отхватить, — бледный Рогожин аккуратно покрутил головой на подушке. — Степаныч, поправь, а.

Прапор тут же подскочил к Руслану и стал крутить подушку туда-сюда, подыскивая идеальное положение.

— Тут конечно верно, — майор постучал ногтем по кожаной папке, которую ни на минуту не выпускал из рук, — но ведь за целую то, точно можно, а вот за развалины... Тем более, что уверен: многие будут недовольны, наверняка народу кормится куча... Плюс те, кто мог нагреться с того, что там есть! Вот и скажите, почему ему так важно, чтоб камня на камне? Как бы подставить не решил, и под монастырь всех не подвёл. Особенно тех, кто видел, что внутри...

— Оп-па... — обеспокоенно заёрзал капитан. — Хренушки, никакой операции не будет! Я своих парней под ракетный удар не пошлю!

— Успокойся, я всё продумал! Для всех: ты в больничке — помираешь! Степаныч, у постели твоей дежурит.

— Ты что? Он бы тогда в реанимации лежал! — возмутился прапор.

— А он и лежит там! Следак который дело о взрыве расследует, мужик с понятием оказался... Даже охрана стоит! А вдруг?! С докторами я уже всё решил. Главврача запугал до икоты, тут всё путём...

— Запугал? — усомнился Степаныч. — Мне казалось, что этот старый хрыч уже давно никаких корочек не боится!?

— Не боится... Так я корочками и не махал! Я ему такую жутко грозную бумагу показал, что он проникся!

— Хм... И где ты её взял? — недоверчиво поинтересовался «умирающий в реанимации» капитан.

— Как где? Нарисовал! Половину ночи сидел! Знаешь, какие я бумаги рисую? Ух... Не веришь? Вон у Милославского спроси, ему я тоже рисовал! Правда не такую грозную и от себя, но зато душевную...

Я только глаза закатил, изображая всю душевность...

— А ты жулик, — улыбнулся Степаныч, правда, по доброму: родственные души. — Последствий не боишься?

— Не а... Дохтур никому не скажет, я с него три подписки взял...

— Три? А нафига так много?

— Чтоб проникся! И со следака и с парня, что вместо Руслана лежит... Короче изобразил «Кровавую Гебню»...

— Кстати, насчёт парня? — Степаныч почесал затылок. — А ничего, что я тут сижу?

— Не... Охраняй капитана — во избежание, а то мало ли. А там я обо всём позаботился.

Всё будет пучком! Вы лучше дальше слушайте. Понятное дело, что генерал наш, Разин Степан, вот ведь родители пошутили... — душевно хохотнул майор, я тоже не удержался, улыбнулся. — Так вот, забеспокоился генерал не на шутку, ну да я его успокоил. Что лично пойду на дело...

— Ага, а он так, наверное, обрадовался! Штабной-диверсант — мечта!

— Степаныч, не делай мне смешно. Все кому надо уже пробили за майора Васильева. Забыл, что ли где мы познакомились? И как тогда ещё лейтенант Васильев гонял бандитов по ущельям? Таки лейтенант Васильев никогда не имел голубого берета, — забавно, когда не старый майор изображает пожилого еврея, — и не служил до спецназа крылатой пехоты. А служил в пехоте мобильной и имел-таки, краповый берет! И такой же берет, имел капитан Васильев, служба до спецназа внутренних войск. И имеет-таки заслуженные кровью награды.

Так что в том, что я могу сделать дело, генерал не сомневается, — переходя на нормальный язык, продолжил майор, — да ещё, если товарищ прапорщик будет рядом, так вообще красота... Так что дня через три начнём! Ты в больничке, я на виду, амуницию заберём за день, до начала. Поняли? Егор уведёт группу сегодня ночью... Кто их спохватится? Да никто! По три дня бывает не видно, по кустам сидите или носитесь, как потерпевшие! А тут ещё и возможность поспать, пока начальники отсутствуют... Я, между прочим, заскочил на базу, дал команду Хаматшину сачковать по полной, но чтоб народ кругом думал, что они к вечеру не живые будут... Думаю, справятся. У тебя же, Руслан, такие кадры пропадают. Тот же Быстров... Все командиры на лицо, ну кто поверит, что такое дело доверят сержанту-срочнику? А парни зайдут, посмотрят, и сразу назад... Егор, ты сможешь посмотреть там всё и чтоб не спалили?

— Если надо, смогу! А если там народу мало, можно мы всех шлёпнем, а потом посмотрим?

— Ну не знаю даже! Рискованно это...

— Нельзя! — Рогожин скривив страшную рожу, прошипел: — У вас же меры нету, вам только разреши... Понятие мало оно растяжимое, вы и сто человек резать пойдёте! Сосунки самоуверенные! Вот только попробуй! Сказали посмотреть, значит посмотреть и чтоб ни одна живая душа не спалила! Иначе, хрен тебе, а не операция... Узнаете: что там, и сколько, вернётесь, доложите, а там уже решим! Может, и нет подставы! Главное, бумаги там или флешки какие... Послушай, что болтают... Узнай, когда караван! Это главное! Мне этот генерал до фени, узнаем точно когда, можно будет всю часть поднять, полкан не откажется, тогда точно никто не рискнёт ракетой шарахнуть... Главное, доказательство принесите... Васильев, может фотик какой нормальный, чтоб без вспышки фотать можно было?

Майор задумчиво почесал затылок:

— С фотиком это хорошо придумано! Действительно, если будут фотки базы: оружие там, наркота, можно смело десантуру брать и гасить там всё без извести... Достану! Да уж, Руслан, талант не пропьёшь, не похоронишь!

Могу только поражаться здоровому оптимизму командиров. Кругом враги, но нам по фиг... Да собственно, самое интересное я поведал, а разные мелкие ЦУ вам будут не интересны. Так что надо бы начинать готовиться к походу, и пока не шибко поздно покемарить перед этим... Ну да опыт есть, чай не минус сорок на улице, возьму парней и в лес — спать. Хотя совсем не удивлюсь, если они уже где-то шифруются...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Майор Васильев и сержант Милославский уже уехали, а Рогожин с Ивановым всё молчали: пытаюсь унять сумбур в мыслях... Но вот Степанычу надоело это тоскливое молчание:

— Руслан, что бы там ни было, но это плохая мысль. Отправить парней одних, это как легионеров в гарем падишаха запустить... У них же тормозов нету, обязательно вляпаются... А Мажор скорее возглавит бардак, чем его остановит!

— Не трави душу, а!? — Рогожин покачал головой и, передразнивая кого-то, сказал тоненьким голоском: — Пусть учится ответственности! — и уже нормальным голосом пробурчал: — Вот зачем ты Маришку призвал?

— Да кто знал то? Я же просто помочь просил!

— Ну да... А тут такая возможность любимчика своего потренировать! Вот чего с ним так носятся? Без вопросов, силы у Егора навалом, но я бы не сказал что это, что-то из ряда вон! У Тунгуса почти столько же было, и где он? Конечно у Егора куча разных талантов, но что в нём особенного?

— Ну, ты тоже в любимчиках ходишь... Вон даже Маришку сразу отправил! И это при том, что ты и так умереть не должен был.

— Приятно конечно когда ценят, но ведь и спрос с меня особый! — Рогожин прикусил губу, в спину отдалось болью от не осторожного движения. — Вот натворят бед, а виноват я — плохо учил...

— Это да... — прапорщик покрутил ус, и вдруг став серьёзным, задумчиво произнёс: — А может и правда? Ведь умный парень, навалится ответственность и станет серьёзней. Я ведь правильно понимаю, что парней потом в Академию Китежа отправят?

— Вроде, так... Хотя я могу только предполагать...

Откинув голову на подушку, капитан замолчал. Прикрыв глаза, полежал молча несколько минут и продолжил:

— А вообще, какого чёрта! Учили мы их на совесть, и если ребята не смогут раскатать по камешку одну базу и какой-то караван... А за самодеятельность потом накажем! Главное, чтоб живые были!

Эх, хорошее дело — ночное зрение! Не то что б я видел в темноте как кошка, но всё же. Просто, у нас с парнями, усиленна работа чёрно-белого зрения — ночного. Вот как объяснить? Представьте: ночь, звёзды и яркая, полная луна. Светло конечно не как днём, но и ориентироваться можно вполне сносно... Вот так я вижу ночью: при отсутствие луны, и наличии пары звёзд! А уж если ночное светило на небе, то это ж почти день... Фигурально конечно, ночь есть ночь, но преимущество серьёзное! В полной темноте, конечно, толку нет, но тут нарисовался бонус после купания в ледяной воде. Побочный эффект так сказать, Рогожин тогда ещё поинтересовался у Степаныча:

— Кажись, перестарались! Ты чего в свой чай намешал, старая перечница?

Степаныч пытался оправдываться, но без толку. Что-то они на пару с Пьеро напутали. В общем, терморегуляцию организма наладили, да так, что появилось тепловое зрение. Не то

чтоб, как инфокрасный сканер, но вместе с ночным, очень даже приятно. Главное, что можно пользоваться по желанию, правда ещё не у всех хорошо получается, но мы тренируемся. Единственное, что расстраивает прапора: «Что мы туда намешали?»

А пить меньше с попами надо!!! Тогда и руки дрожать не будут! Хорошо хоть не траванул гад! За что и огрѣбся в очередной раз от Рогожина...

Вот теперь чешем по ночному лесу, в горку, с горки. Ну, ничего, ещё пару часиков и на месте, спецназ мы или погулять вышли? Вот ещё бы мысли разные в голову не лезли! А они лезут заразы! И тому есть причины...

Мы как раз в казарму возвращались, выпавшись в лесу, надо было собраться и тишком свалить. Настроение было просто замечательное. Во-первых: идѐм на дело, надоело уже киснуть... Ну, а во-вторых: Листик сегодня пришло письмо, я его и привѐз — Васильев передал... Письмо было уже более взрослым, что ли? Девочка явно отходила от стресса. И идея о том, что Антошка обещал приехать в гости, ей явно пришлась по душе... А ему пришлось по душе, то, что ей пришлось по душе и... Э-э-э... Ну, вы меня поняли?! Короче парень сиял...

А тут замполит! Обычно-то, он старается с нами не связываться, а тут осмелел... Понятное дело, даже Степаныча нет, про майора вообще молчу, он, привезя меня, сразу свалил: создавать видимость присутствия! Это не я придумал, это Васильев так выразился...

И давай цепляться: и форма одежды не та, и грязные, и вообще... А потом давай говорить, что командир виноват, совсем за порядком не следит, гнать таких надо! Вот паскудный человечиска, небось, в глаза капитану такого хрен бы сказал? Радуетя сволочь! Вот как не убил гада?

— А вы, товарищ майор, смотрю рады произошедшему с нашим командиром?

— Нет, конечно! Это такая трагедия... — начал ѐрничать замполит. Не надо быть экстрасенсом, чтоб понять, как ему это по сердцу...

— А может это ты, сука?... — прошипел ему прямо в лицо.

— Что ты ска... — прервавшись на полуслове, замполит испуганно начал озираться. А вокруг, недобрые лица подчинѐнных сумасшедшего капитана... И все такие же психи... И все подозрительно смотрят на него, у многих руки тянутся к оружию...

Майор, несмотря на весь гонор, дураком не был. И прекрасно осознавал, что если эти маньяки заподозрят его... То жить ему... Поэтому пробубнив:

— Как вы могли такое подумать? Я не имею ни малейшего отношения к этому взрыву. Мне жаль, что так вышло... — быстро свалил.

Очень быстро. Да так, что когда до меня дошло, что он сказал, тот был уже далеко... Он мне соврал! Да ему жаль. Но он имеет отношение к взрыву... И Васильева нет! Пусть только подозрение, но он ведь вообще его в расчѐт не берѐт! Конечно, отношение может быть и косвенным, но он может что-то знать! Млять!

Вот теперь бегу и размышляю... Надо будет поговорить с Васильевым, пусть проверит! Хотя нет, он наверняка на всякий случай проверял. Значит что? Спросить в лоб у замполита? А он так и скажет? А мне и не надо! Пусть соврѐт! Там видно будет...

На месте мы были часа в три... Да уж... База так база! Тут, судя по всему, огромные пещеры, с несколькими выходами. Огневые точки, часовые ходят толпами. Ну, по крайней мере, четверо у этого входа... Три секрета на подходе, и это только те, что мы обходили... Это прям пещера Аладдина, иначе, зачем так охранять? Ой! Хочу внутрь, поглядеть... Хомяк внутри зашевелился и требовал проверить хабар... Обещая понадкусывать всё, что плохо

лежит, или унести домой, чтоб лежало хорошо! Кто сказал, что пара «левых» стволов спецназу не нужна? Вы это Степанычу скажите... И моему хомяку! Гранаты, патроны, а может?.. Ох, даже мечтать боюсь! Тактическая связь!!! Хоть пару раций!

— Хан.

— А-у.

— Сидите здесь, пасите поляну. Пойду, погляжу, чем там кормят. Если через два часа не вернусь, взорвите чего-нибудь, пусть побегают... А сами идите за мной!

— Есть, командир! Спасибо!

— За что?

— А что идиотский приказ не отдал...

— Обращайся!

Спросите, что за приказ? А сами подумайте! Вот сколько кино не смотрел, там все такие герои... «Если не вернусь, оставьте меня и уходите!» А те всегда идут спасать, ну или, страдая и пафосно рассуждая о долге — уходят... Ну и кто здесь меня бросит? Ой, да не смешите мои берцы... Так зачем я хороших парней обижать буду? Даже мыслью, что они могут меня бросить!? Это ведь не ситуация с заложниками... Парни и тогда, закинув их в вертолёт, бегом рванули спасать меня и Тунгуса... И не их вина, что выжил только я!

Темнота не только друг молодёжи, но и диверсанта тоже... О как, кажись, стихами шпарю? Ну да это нервное, я ж не Карлсон, чтоб быть спокойным! Одна ошибка, одно неверное движение, и всё... Вот и крадусь, пригнувшись к земле, и стараюсь не отсвечивать. Движения плавные, и как будто медленные, но это так кажется только со стороны. Больше всего меня беспокоят камешки, которые могут хрустнуть или отскочить в сторону — выдавая меня. Но, увы, вам, увы... Навыки, вбитые капитаном Рогожиным, просто так не подводят, тут надо постараться!

Вот чего уставился на меня? Нету дома никого! Главное: в такие моменты, когда враг смотрит в твою сторону — не делать резких движений, и не смотреть прямо на него. Тогда он ничего не почувствует, и не станет пристально присматриваться. А то есть такие, на одном чувстве опасности могут спалить невидимку. Рогожин особенно предупреждал об этом, так что всё надо делать по правилам. Отвернулся! Идём дальше...

Вот незадача, того, что на большом камне сидит, можно не брать в расчёт, он меня не увидит, этот вот тоже... А те двое возле входа? Хотя... Продолжаю движение, подходя как можно ближе. Всё стоп: открытое место, и луна светит как прожектор! Нашла время вылезти из-за туч! Блин, да как тут?

От ведь debil! Это для меня светло, а эти-то перцы, слепые как кроты! Ночник только у того что на камне, а он смотрит в другую сторону! Танцуем? Вот прям физически, ощутил начальственный подзатыльник... Ну, правильно, если нет ночника то вполне реально, что тут кто-то хорошо видит в темноте! Проверять будем? Не-а!

Аккуратно, кончиками пальцев нащупываю камешек, и плавным движением бросаю. Вот сволочи! Они же спят! В наглуую дрыхнут, пока я тут мандраж ловлю! Убивать за такое надо! Аж руки зачесались! Жаль нельзя...

На камешек среагировал только один, вот тот, что ходит. Тот, что наверху, ноль эмоций. А что? Я же не бульжник швырнул, так едва слышный щелчок... А может тоже дрыхнет? Да нет, шевелится. Похоже, они просто поделили время — расслабились. Ладно, живите пока, уроды, но запомните, я всё равно вас убью. И не, потому что кровожадный, а потому что вы бандиты и место ваше в могиле! От я как заговорил то! А пафоса то сколько? Ну да ладно я

себя прощаю...

Блин, ну до чего стрёмно! Ползу, понимаешь, мимо этих дрыхнувших уродов и даже по горлу их не полосни... Тьфу, ты! Говорят: казаки в старину уснувшего на посту к смерти приговаривали... Да и верно, приползут такие как я, и почидают за милую душу, всех кто спит и не булькнет никто!

Но сегодня я прикидываюсь ветошью, которая не отсвечивает, но при этом активно ползает и бегает. Вот и вход! Невидимой тенью проскальзываю внутрь. Интересно у них тут видеокамеры есть? Пока не видно, ни здесь, ни снаружи... Даже обидно! Это что же местные бандюки вообще ничего не боятся? И от слова «спецназ» не вздрагивают? Вот зря они так! Зря! Между прочим, это личное оскорбление, нет, надо браться и запугивать всю эту мразоту... А то не интересно совсем: где трудности? Где я вас спрашиваю? Так и расслабиться не долго! Кстати, расслабляться не надо: если на входе нет камер, то могут быть внутри — за своими приглядывать.

Пробираюсь не слишком длинным тоннелем, всего метров пятнадцать, на стенах и полу следы разумной деятельности, похоже выравнивали. Ага, понятно, зачем выравнивали! Тележки разные, два погрузчика, ящики какие-то. Из этого импровизированного склада... или как его обозвать? Ведут два тоннеля. Ну, в большой сейчас не пойду, наверняка, там ещё склады, а вот в тот, что поменьше, обязательно. Надо глянуть, сколько тут потенциальных трупов, а может, начальника какого найду? Точнее помещение, где он сидит, и сопру чего-нибудь интересного! Хомяк внутри, тут же потребовал спереть что-нибудь полезное в хозяйстве. Пришлось шикнуть на грызуна.

Так что тут у нас? Ага... Пост! Сидят двое, чего-то пьют... Из чайника... От это уже интересно! Чего охраняют? Да дураку понятно, где-то тут начальство. Причём рядом чтоб крикнуть можно было — раций то нет. Тут, похоже, какая-то руда кругом, потому что даже те рации, что у нас были, при подходе к базе начали хрипеть и кашлять, и сколько Димка не говорил им: «Будьте здоровы!» — толку ноль.

Значит у них где-то в сторонке пункт связи! Надо будет, как посветлеет поискать. Ну а пока, подкрадываюсь поближе к этим двоим, послушать, о чём треплются. Хотя, понятно, что о бабах, но мало ли...

Остановился метрах в пяти, зачем лишний раз рисковать... Что? Кто сказал, что спалят? Да пофиг, что пять метров, я и ближе бы подошёл, но вдруг дыхание услышат или по стенке скребану, пока стоять буду. Это просто в темноте ещё можно разглядеть, а вот если на столе лампа — то всё! Мало того, что глаза у них настроены на свет, и работает дневное зрение, так и я ведь в тени стою. А это знаете ли... Днём могу спрятаться, не зря меня товариш капитан, раком ставил, забивая знания могучим бёрцем... Образно конечно, а то подумают всякие извращенцы невесть что!!!

Главное прямо на них не смотреть, во избежание... Да! Кто бы сомневался, разговор о бабах...

— Слушай. А ты эту... Как её? Ну, светленькая такая, невысокая... Ну, вот вчера, еду приносила... — пытается вспомнить молоденький паренёк.

— Катя?

— Да, да! Катя! Ты её пробовал?

— А то! Она хозяйина тогда разозлила, чай пролила и чашку разбила, дрянь такая... Вот он её нам и отдал... Впятером пользовали, мягонькая такая, я ей титьку кручу, а она молчит... Прикинь! — бандит, довольно щурясь, долил себе в кружку чай.

— Чего так? Слабо крутил? — поблескивая глазами от возбуждения, спросил паренёк.

— Да нет, Бешеный её ущипнул, она, как заорёт, вот он ей по губам как даст... И снова щипает, она опять, он снова по губам... Воспитал! Шёлковая стала! Титька синяя, а молчит, только зубами скрипит... и губы как вареники, — и заржал, далеко запрокидывая голову и сверкая абсолютно белыми и здоровыми зубами.

— И что, как она там? Ну, это? Тебе понравилось?

— Э-э-э... Молодой, а у тебя баба хоть была?

— Нет, — покраснел парнишка.

— Ничего! Пост сдадим, я тебя отведу, к этим. Там только пару трогать нельзя. Одну хозяин пользуется. А другую Бешеный. Я тебе покажу. Запомни их, а если ошибёшься, лучше ту, что хозяин — тот просто убьёт! — и снова радостно заржал. — Только калечить не вздумай, пару синяков не в счёт.

— А как же эта, ну Катя?

— А, так её же наказывали! Главное не до смерти!

— А много их там?

— Тебе хватит! — и, наморщив лоб, начал загибать пальцы. — Пять здесь постоянно! И десяток из последней партии, — подняв палец вверх посоветовал, — вот с ними аккуратно, попортишь товар, Бешеный тебя порвёт...

Вот честно: в этот момент я понимал Листика, жестоко расправившегося с насильниками... Даже руки вспотели... Похоже, взрыв отменяется, надо узнать, где они держат женщин? Нет, ни каких взрывов, слишком лёгкая смерть... Да! Всех под нож, никакой жалости! И этого парнишку, которого, мне сперва было жалко. Вон как глазки блестят! Вот только бы случайно не напороться на такую ситуацию: когда эти ублюдки издеваются над женщиной! А ведь пройдёт, час или два, а может двадцать минут, и старый шакал пойдёт посвящать молодого щенка, во все прелести жёсткого секса!!!

Вы хотели, чтоб я сделал всё красиво, товарищ капитан? Я сделаю красиво! Это будет очень живописное кладбище! Вы будете гордиться моим художественным талантом! Кровь! Всюду кровь! И спать я после этого буду сном младенца!!!

Разворачиваюсь и ухожу... Парни поймут и поддержат! Да! Это непрофессионально! Но вот если, пока я тут буду ползать, а потом ждать завтра (переть сюда днём — верх идиотизма), они будут издеваться над простой, русской женщиной — Катей! Вот тогда я буду плохо спать, а сон это святое! Ничего! Может, именно для этого дня я и учился убивать?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Вот только моё отступление пришлось ненадолго отложить...

— Андрей! Иди-ка сюда! — громкий голос раздавался откуда-то дальше по коридору.

Старший из сидящих на посту вздрогнул и суетливо встав из-за стола, рванул бегом бросив на ходу:

— Хозяин зовёт!

От как интересно! Пойду-ка, погляжу, кто тут такой весь из себя главный. А то завалим не разобравшись... А у меня к этой сволочи есть парочка животрепещущих вопросов, по поводу, как он хочет умереть!

Обхожу пост, стараясь держаться границы, света и тьмы. И двигаюсь вслед убежавшему Андрею. Вот ведь казус! Или родители так пошутили или он русский? А ведь судя по морде... Кхм... Может быть, конечно. И вопрос этот очень даже животрепещущий, если он местный шакал, это одно. А вот если это предатель? То и умирать он должен по другому — мучительно! Да не маньяк я!!! Но запугивать, значит, запугивать! И чтоб когда любой бандит слышал: «Здесь спецназ!», он бросал оружие и молил бога, чтоб убили быстро! Пусть меня считают психом, но прав командир, незачем на таких надевать наручники...

Сразу за поворотом большая пещера, и отгороженный высокими металлическими щитами, приличных размеров, закуток. Похоже начальственный «кабинет». Особенно учитывая, что Андрей скрылся именно за дверью в это чудо местного зодчества...

— Бешённого позови! — всё тот же громкий голос.

— Так спит же...

— А ну бегом, урод... Скажи, чтоб пулей летел...

— Да, хозяин!

Дверь открылась, и от туда выскочил всклокоченный посыльный, рванув куда-то в сторону. А ведь действительно, если сбрить бороду... сойдёт за русского.

Ну да ладно, очень хочется посмотреть на главаря. Конечно, порядочные люди в гости ходят через дверь. Но ведь я-то не такой? Тем более что крыши у сооружения нет, что тоже верно, дождь вряд ли намочит. А вот такое неуважение к... Э-э-э... Я, кажется, повторяюсь?

Стоит то избушка вплотную к стене пещеры и выступы такие замечательные! Вот теперь устроившись на слегка выступающем уступе, пусть и не слишком удобно, зато надёжно! Жду развития событий...

Человек, сидящий за массивным столом, оснащённом большим монитором компьютера, встал и начал прохаживаться туда-сюда! Млять!!! Хасан! Сука! Уже на свободе! Ой! Ошибочка!

Человек наливает себе чай, держа кружку в левой руке! Хрен бы Хасан так смог. Мы же ему кисть в щепу раскрошили... Но как похож-то! Одно лицо! Хм... Самым логичным будет предположить, что это брат. Возможно близнец! Значит, будем ломать правую — для симметрии. Хотя? Толку то? Я же его убить собираюсь. Вот придурок! Сперва сломать, потом убить! Успокоив себя, таким образом, замираю...

Ждать пришлось совсем недолго, минут десять, видимо у хозяина кабинета серьёзная репутация. Вон даже отморозки бегом бегают! Серьёзный дядя...

И примчавшийся на его зов, здоровенный мужик, тоже невольно внушал уважение. Рядом с таким даже Молот с Балагуром — дети! И вот эта помесь человека и тролля, гаркнула басом:

— Чего посреди ночи то?

— Не шуми, дело есть, — хозяин кабинета сел за стол и продолжил: — Я вообще ещё не ложился. Тут такое дело, старый друг... Надо сразу с утра, как рассветёт, отвезти флешку младшему брату. Сам понимаешь: если бы спать лёг, то кто бы тебя с утра отправил?

— Что-то важное? — тут же насторожился Бешённый. Ну а кто это ещё мог быть? Если за ним бегали?

— Да! Ты ведь знаешь, что мой брат Хасан томится в тюрьме у неверных?

— Конечно. Облажался он знатно! — хохотнул этот гамадрил.

— Не забывайся! — хлопнул ладонью по столу главарь. «Интересно, а как его зовут?» — Ты говоришь о моём брате!

— Ну, извини, — примирительно подняв руки, чуть смутился здоровяк, — погорячился! Но Хасан действительно потерял осторожность...

— Я знаю! Но наш долг спасти из застенков, истинного воина Аллаха...

Бешённый начал похрюкивать от смеха.

— Ты чего ржёшь? Ты что не понимаешь всей серьёзности ситуации?

— Понимаю, — всё ещё похрюкивая, кивнул здоровяк. — Но вот баки ты забивать будешь тупому быдлу, которое бегает тут по базе и зовёт себя воинами, а мне не надо! Сказанул же, воин Аллаха... — вновь заржав, утирает выступившую слезу. — И кто? Хасан! Да у него, кроме денег, нет бога!

— Хватит! — ещё один удар по столу. — Хасан, конечно дурак, но он мой брат!

— Вот с этого и надо плясать, — перестав смеяться, Бешённый нехорошо усмехнулся, — а то заладил: воин, воин, — и, почесав могучую грудь, продолжил: — Придумал что-то? Тогда рассказывай, только без этих штук, — крутит в воздухе рукой, — ну да ты понял! Сделаю в лучшем виде!

— Знаю, что сделаешь, — главарь, откинувшись на спинку стула, и качнувшись пару раз, со смешинкой в голосе признался: — Вот за это и ценю! А ты этим бессовестно пользуешься...

— А то! — здоровяк, довольно улыбаясь, пододвинул к себе стул. Который тут же жалобно закрипел под его весом. — Что надо сделать?

Главарь передвинул по столу маленькую, чёрную флешку:

— Отвезёшь это Ахмаду. Смотри, что б в руки федералам не попало... Иначе всем конец!

— Так, может, не стоит так рисковать?

— У меня нет выбора, — братец Хасана, обречённо вздыхает. — Там имена людей, которым можно дать на лапу, и некоторый компромат на них, чтоб Ахмаду было чем надавить... А то эти русские такие жадные! Зная наше положение, могут самым бессовестным образом задрать цену, а то и вовсе отказаться. А так брату будет, чем припугнуть... Ну и пару реквизитов, с которых можно перевести деньги, — замолчав, вновь качнулся пару раз на стуле и махнул рукой: — Иди, у тебя ещё несколько часов, чтоб поспать! Да и я вздремну, — остервенело потерев лицо, пожаловался: — Устал я! Как Хасана взяли, так и не сплю почти... Ну да ты иди, иди... И будь осторожен!

Так, так! Очень интересно! А ведь наверняка этот типус один обитает, по статусу

положено, и знает что и как здесь, и флешечка у него интересная. Васильев наверняка счастлив будет, как Будённый расчесав усы! Пойду-ка, отберу! Да заодно узнаю, сколько здесь выносных постов и когда пересменок! А жизнь то налаживается, так глядишь, и капитан бить не сильно будет! Плюс Васильев заступится, если я ему флешку притараню?! Всё решено!

Спустившись вниз, припустил за Бешённым. Тот шёл не торопясь, и я, пристроившись буквально в трёх шагах, следом... Ну что, Егор, гордись собой ты прав на сто процентов! За ближайшим поворотом стоял обычный строительный вагончик. Туда и направил свои стопы, местный питекантроп. Был, конечно, шанс, что там будет женщина... Поэтому остановившись возле стенки, прислушался, тепловое зрение в том формате, что я им владею тут бессильно, теплоизоляция в стенках, однако! И где только взяли такой, на мою голову? Может и звуков неслышно будет! Ан нет! Что-то брякнуло, так что, скорее всего разговор бы услышал. Наверняка, этот гамадрил, разбудил бы даму, если и не кинуть палочку, то уж из принципа точно! Вроде как, мне поспать не дали и тебе не хрен!

Аккуратно, можно сказать, заискивающе — стучу в дверь. Дяденька пустите погреться!
— Какого... — громынуло изнутри.

Продолжаю настырно заискивать.

— Да что за... кто там такой..... убью сука! — последнее он выкрикнул, распахнув дверь и выбросив ногу вперёд, мне в грудь.

Всё-таки молодец Рогожин! Прав он был, говоря, что ускорение убьёт во мне реакцию, а так ничего, нормально... Даже адреналина не хапнул! Ушёл в сторону и извинился за своё наглое поведение. Вот прям бёрцем по колокольчикам и извинился, они так забавно звякнули. Тип слегка просел и задохнулся. Конечно, он хотел закричать, поднять тревогу! Вот только трудно это сделать, без сознания и если твоя челюсть сломана.

Загатав тушу внутрь, закрыл дверь. Ох ты ж ну и здоровый же я кабан стал! Такого гиппопотама ворочаю! Порывшись в столе, нашёл скотч и хорошенько перемотал ублюдка. Нажав пару точек на теле, привёл его в сознание и приступил к допросу...

Представляете: этот гад упирался и ничего не хотел говорить, я с ним и так и эдак, а он молчит. Вот уже третий палец на руке, рукоятью ножа раздолбал, а он только мычит что-то нечленораздельное! И не хочет говорить — сволочь! По глазам вижу, не хочет! Что значит, при чём здесь глаза? А как ему ещё изъясняться? Рот то я ему скотчем замотал!

— Устал я от тебя. Молчишь вот! Последний раз спрашиваю, сколько человек на базе? Ты чего опять мычишь? Не хочешь говорить? Ладно!

Хрясь! Кости ещё одного пальца хрустнули от удара рукояти тяжёлого десантного ножа.

— Вот чего упираешься? Будешь говорить? Ты головой не мотай, ты по-человечески скажи!

Замахиваюсь ножом. Мычит и сучит ногами. Фу! Ещё и обмочился! Готов! Теперь можно и поговорить! Со стороны, конечно, то, что я делаю — дебилизм! Но на практике, всё наоборот. Как говорит Степаныч: «Если клиент обмочился, значит, почти созрел!» Тут главное — почти! Так что для начала разговора надо проверить, насколько бандит готов к разговору:

— Скажешь сколько человек на базе? — остервенело, кивает. — Точно? А может ещё позапираешься? Нет? А чего раньше говорить не хотел? Чего башкой крутишь? Может тебе ещё палец сломать? Уверен? Ну, смотри! Я ложь чувствую, как только соврёшь, сразу ломаю!

Вырезаю в скотче маленькую дырочку, заорать не сможет, ну а пробубнить чего,

пожалуйста! Признаюсь честно, два пальца я ему доломал, всё же пытался врать, сволочь. Закончив же, постоял над покалеченной тушкой, почесал репу и воткнул нож в сердце. Конечно, самым лучшим способом было бы в пузо, и оставить так, но... Как говорится, лучшее враг хорошего!

Затолкав на всякий случай тело под топчан, на котором он спал, критично осмотрел местность... Стянул одеяло до пола... Вот так уже лучше!

Аккуратно приоткрыл дверь и, убедившись, что посторонних нет, выскользнул наружу, предварительно отключив свет... А дверь закрыл, на символический гвоздик, видимо долженствующий, показать, что хозяина нет дома... Лишним не будет, однозначно!

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Обратно к моим парням я выбирался тем же путём, что и вошёл. Миновав, не задерживаясь, пост, припустил к выходу. Эти два любителя женщин, всё так же болтали и пили чай. Ну да, ничего, скоро я вернусь и поучу вас правильным манерам...

На выходе всё так же, двое дрыхли, но уже, кажется, другие? Или нет? Да какая собственно разница? Камешек. Так для подстраховки и всё...

Мужики уже ждали. Что собственно естественно, не один я тут по темноте вижу!

— Ну, как сходил? Что там? — Хан как всегда сосредоточен и невозмутим. — Народу много?

— Нам хватит... — и, пресекая вопросы, начинаю распоряжаться: — Всех ко мне, чтоб не повторяться.

Через пару минут, вокруг меня собралось девять сосредоточенных и серьёзных рыл! Ну что ж... Вот твой звёздный час, Егорка. Что ты несёшь своим людям? Риск то огромный! Ведь ты можешь дать, не всю информацию, и тогда не будет такого риска! Но сможешь ли ты жить с этим? Смогу! Ведь я должен заботиться о своих братишках! А они смогут тебя простить? Если узнают? Да откуда им узнать то об этом? Если ты промолчишь и не расскажешь? Ага! А труп Бешённого? Ведь его найдут! И что? Будут искать предателя среди своих. Зато никто из парней не умрёт!

Зато я никогда не смогу смотреть им в глаза и помнить, что проявил малодушие, якобы спасая их! Даже если расскажу и предложу проголосовать... Ответ я знаю и так, а вот совесть... А к чёрту! Я командир и решать буду я! Никакой демократии в спецназе не будет!

— Значит так, братва! Базу будем брать сейчас! — на лицах парней промелькнуло удивление и тут же исчезло, сменившись сосредоточенностью. — Взрывать пока ничего не будем! Извини, Листик, но покажешь своё искусство потом. Там, — взмах рукой в сторону тёмного входа, — держат в плену пятнадцать женщин. Пять постоянно трудятся не покладая рук и не смыкая ног... Две предположительно беременны и десяток на продажу! Скорее всего, тоже не покладая... За самоуправство отвечу сам, вы будете выполнять мой приказ! Надеюсь, все поняли? И если хоть одна сволочь попробует...

— А хрен тебе, — злобно прошипел Балагур, — ты что пи...й пожалел? Ещё дру называется!!! Сволочь ты!

— Что? Ты охренел? Я командир, а значит...

— А значит, зазнался!

— Та-а-ак...

— Уймись! Кругом враги! — мы с Вовкой, насуплено нахохлились, а Марат продолжил. — Шёпотом ругаться не эстетично, и в морду дать не выйдет, так что... Охренел ты, Мажор!

— И ты туда же?

— Да! Считаю по этому вопросу у тебя чёрная метка! Верно парни? — синхронный кивок восьми голов. — Так что отвечать, если что, будем вместе! Ну а теперь командуй, командир... — ехидно закончил Хан.

— Тьфу, на вас... Но если вы вперёд батьки...

— Ладно, ладно, — примирительно поднял руки Балагур. — Но если на себя одеяло потянешь, в попытке оставить нас без заслуженного наказания, заявим, что ты был против, а мы тебя заставили!

Я аж задохнулся от возмущения... Сразу перед волной тепла, которая окутала меня, когда я всё же понял — какие у меня верные друзья!

— А ладно! Вместе до конца, братва! — махнув рукой начал излагать план. — Значит так: на базе всего сорок два боевика, считая командира и убитого мной заместителя. Четверо на входе, три поста, что мы прошли — по одному человеку и один контролирует ущелье, там двое. Смена постов в шесть утра, сейчас без двадцати пять. Пепел, пройденные посты найдёшь? — Андрей только кивнул.

Продолжаю:

— Хорошо. Отзвон по проводному телефону, каждые полчаса. После пяти начнёшь резать. Думаю, полчаса тебе хватит с запасом. Останешься на последнем. Тихоня и Лаки идёте искать пост на скале, где-то вон там, — показываю направление, — надеюсь, что удача и здесь не подведёт нашего счастливику. Найдёте, зачистите и в полшестого позвоните на пост. К тому времени мы уже закончим. Ну, а если нет, то значит хана нам! Бросайте всё и уходите! Ясно? — парни кивают.

Смотрю на лица ребят: серьёзные и уверенные в себе — ни тени сомнения, в своих силах.

— Всё мужики идите, нельзя терять время. Пепел не забудь, начнёшь после отзвона, — три тени растворились в ночи. — Теперь мы. Снимаем часовых, внутри: Балагур идёт на право, на склад. Вдруг там кто тусуется? Остальные за мной, сперва пост, потом жилые помещения. Самая последняя дверь ведёт к женщинам там пещера, один охранник. А вот между ними несколько входов в другие гроты, там спят пока ещё живые трупы. Пользоваться только ножами и, в крайнем случае, ПБ. Главное тихо, парни, не шумим, и всё будет ровно! Тогда глядишь, и по шее не схлопочем, есть у меня вкусный подарок для начальства, а если ещё и винт с компа скрутим, то амнистия нам обеспечена — в разумных пределах конечно. Но больно будет уже не так... А это аргумент! Но главное, мужики, девчонок спасти. Так что их часового валим в первую очередь... А теперь по местам, и ждём пяти часов. Сигнал — два камня. Вперёд!

Как тянется время в ожидании, будто кусок резины, усиливающий своё сопротивление с каждым миллиметром. Так и сейчас, чем ближе приближается стрелка часов — к пяти, тем более медленно она двигается. Всё пора!

Летят в воздухе два камешка, отмеряя последние секунды жизни четверым бандитам. Для всего рано или поздно приходит расплата и неважно кем ты был раньше, какой ты национальности, и как тебя звали! Ты — бандит и предатель, предавший свой народ в угоду своей сути. Ты убивал не врагов пришедших на твою землю, как солдаты Красной Армии, вобравшей в себя лучших сынов всех земель, тогда ещё огромной державы! Ты убивал людей, которые никогда не брали в руки оружия и всего лишь хотели жить в мире... И всё ради наживы, замаскированной под высокие слова... Расплата! Четыре смазанных тени, и горячая кровь течёт на остывшие за ночь камни... Такова справедливость спецназа!

Тела подхватываются и прячутся в ближайшие кусты — так, на всякий случай... Невидимые и неслышимые врываются в чёрный зев пещеры. Ну что ж! Будем рисовать картину: «Коршуны в ночи».

Плавные и лёгкие движения: ничего лишнего — идеальные машины для убийства. Даже

огромные и как будто неповоротливые Балагури Молот преобразились — превратившись в сильных и ловких медведей — настоящих хозяев леса! Да пожалуй: если бы случилось такое и парням пришлось схлестнуться в рукопашную с этим зверем, я, не задумываясь, поставил на них...

Вот и первая, большая пещера: Балагур скользит в сторону правого входа. Там никого не должно быть — все кроме часовых спят! Но подстраховаться надо, а уж такой сюрприз для полуночников — никому не пожелаю... Если не зарежет, значит, пристрелит из ПБ.

Шесть человек, включая меня, идут в левое, маленькое отверстие в стене. У каждого в руках ПБ и нож. По знаку парни слегка отстают, впереди пост, а я там был...

Вот и знакомый стол, за ним сидит бородатый Андрей. А где второй? Это плохо! Подаю сигнал — внимание. Но бойцы уже и сами видят, что одного не хватает и напряжённо смотрят по сторонам. Эх, спросить бы у этого... Где напарник? Но если он закричит... Ублюдок даже не успевает понять, что произошло, погружаясь в беспамятство. Да! У меня к этой сволочи есть парочка вопросов... Пусть поживёт пока — недолго! Минут тридцать он будет в нирване. Стягиваю руки пластиковым ремешком, вытягиваю его ремень и делаю кольцо: перехваченный посередине ремень в пряжку и на ноги. Крутнуть и затянуть — всё, проще разрезать, чем снять. Ещё одной стяжкой, соединяю конечности за спиной. В рот кляп. Дольше рассказывал, чем делал...

— Зачем? — одними губами спрашивает Марат.

— Есть вопрос... — Хан понятиво улыбается... Вопросы они такие, иногда лучше сразу помереть!

— Их же вроде двое на посту было?

Пожимаю плечами, откуда мне знать. Вот так всегда! Составишь план, а он к чёрту летит, потому что какой-то козёл свалил с поста! Ну да ладно, всё равно найдём. Внимательнее будем. Киваю: «Пошли».

Ага, вот и начальственная избушка... Тихонько тяну дверь на себя. А вот хренушки, закрыто. Вижу, господин главарь, вы опасаетесь своих собственных подчинённых? А чего крышу тогда не сделали? Тут конечно метра два с половиной и края острые — тихо не перелезешь! Но вот я же на стену как-то залез? И причём тихо. Хан не хуже может.

Для скорости подсаживаем его на уступ, а там он уже как кошка взбирается наверх. Между стенами метра полтора и Марат просто отталкивается от камней и, перелетев промежуток, приземляется внутри. Я со своим чутким слухом услышал, а вот главарь, наверное, даже не проснулся. Хотя толку то?

Дверь, тихонько звякнув защёлкой, открывается. Ну, кто бы сомневался? Лежит голубчик, без сознания, руки уже стянуты за спиной.

— Упакуй! И за нами... — Хан кивает, направляясь к бессознательной тушке.

Мы же продолжаем движение, проходим мимо бытовки с мёртвым Бешеным, гвоздик в том же положении что и раньше — всё, дальше я не был. Отрываюсь немного вперёд: одного сложнее заметить, чем такую толпу...

Какая прелесть! Не слишком высокая пещера, скорее коридор, метров двадцать в длину. Освещён парой лампочек, в свете которых вполне отчётливо видны два входа, почти друг напротив друга, и в конце ещё один — перегороденный дверью. Возле неё развалюсь в кресле, сидит охранник, изо всех сил делаю вид, что трудится... То есть борется со сном! Всё, как и говорил Бешеный. Танцуем!

Парни задерживаются возле поворота, старательно держа на прицеле гроты, а я

перемещаюсь к полуспящему, неверный свет от тусклых жёлтых лампочек, подарок для невидимки. Такой свет отвратительно влияет на зрение, а я ведь ещё и не пальцем деланный! Ну что ж в неравной борьбе победил сон! Пусть даже вечный! Аккуратненько поправляю труп на кресле — прикорнул человек. Это я так на всякий случай, мало ли... Бросаю взгляд в сторону двери, за которой по идее должны быть девушки, но... Это потом, нас ждут великие дела...

Подаю сигнал, и парни один за другим подкрадываются к входам в местные казармы. Двое к правому: Листик и Маркони, трое к левому: Молот, Пьеро и подоспевший Хан показавший знаком, что всё нормально. Присоединяюсь к двойке. Ну, танцуем!

Фу ты, ну ты! Ну и духан же! Пуля не убьёт, так носкаин отравит! Мы конечно парни привычные, но не настолько же! Хоть противогаз надевай! Поворачиваюсь к своим бойцам, Листик смахивает невидимую слезу с глаз. Типа, глаза режет... Едва улыбаясь, киваю...

Как-то слышал, что убивать спящих не просто, одна ошибка, и он может вскрикнуть — это, смотря кому, вы экзамен сдавали? Если Степанычу, то хрен тут кто пикнет... Обычно читая книги, часто натыкался на момент: когда или кто-то проснётся, или диверсант в темноте за что-нибудь зацепится. В темноте? А лампочка в коридоре? Короче у нас никто не то что не проснулся, а даже не хрипанул. А ещё говорят, что противная эта работа... А я скажу, что нормальная! Всяко лучше, чем из-за каких-то слабостей или принципов хоронить своих друзей! Нет, я лучше так, ножичком поработаю... Все два зала...

Выходим в коридор, оставив за спиной заваленную трупами и залитую кровью казарму. Ага! У Маркони кровь на рукаве! Показываю пальцем и неодобрительно качаю головой. Димка виновато разводит руками. А вот и наши красавцы из проёма напротив... У Молота на щеке кровавый развод. Димка тут же показывает на него: дескать, и кто тут облажался? Взглядом спрашиваю: «Как дела?». Марат кивает: «Всё ровно!». Потом подбородком указывает на Молота, и, будто обречённо, вздыхает. Олег чуть ножкой шаркать не начал... Ну да ладно, потом поприкалываемся над ним, когда его Степаныч будет дрючить. Что значит стучать западло? Это в детском саду западло, а тут косяк, который может стоить жизни не только ему, но и другим. Он ведь ни как Димон, рукавом вляпался, на него плеснуло... Так что ответит по всей строгости... Степанычу!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Дверь, за которой должны были быть девушки, оказалась запертой, пошуровав по карманам незадачливого охранника, нашли ключ. Точнее два... Один из них подошёл, а вот второй, оказался от следующей двери, находящейся на противоположной стороне не длинного перехода. В чём смысл такого расположения, так и осталось не ясным. Оставив Листика и Маркони в коридоре, вдруг пропустили кого? Пошли...

Вставив ключ, проворачиваю его в замке. Вдруг за дверью раздается едва слышный женский крик, вкупе с мужским матом... Мгновение и распахнув дверь, оказываюсь внутри, припадаю на одно колено: открывая сектор парням...

Возле стены не большой пещерки, сбившись в кучку, сидят испуганные девушки... Почти посредине, возле расстеленного на полу матраса, прижав руки к окровавленному животу, лежит женщина. Рядом стоит молодой парень, тот самый с поста, левой рукой держит за волосы совсем молоденькую девушку, в правой окровавленный нож.

— Не стрелять, — шиплю сквозь зубы, выпускаю пулю ему в локоть.

Сухой щелчок ПБ и нож выпадает из руки. Парни зло щурятся на ублюдка, и, несмотря, на стиснутые до белизны костяшки пальцев — никто так и не выстрелил. Всё же армия вбивает выполнение приказа до безусловного рефлекса.

— Связать!

— Зачем? — удивлённо спрашивает Олег.

— Выполнять.

Сжав зубы, Молот идёт к скулящему подонку. Киваю Хану, и тот оттаскивает, от лежащей молодой женщины, ревущую во весь голос девчонку. Пьеро тут же подтянув аптечку, приступает к осмотру.

— Пустите! Пустите! Катюша, прости... Катенька!

Девчушка пытается вырваться, но Марат только сильнее прижимает её к себе, шепча:

— Всё будет хорошо, всё будет хорошо...

Пока Пьеро возится с раненой, говорю, всё так же сбившимся в кучу испуганным пленникам:

— Значит так! Сидим тихо! Не шумим! Работает спецназ. Всё понятно?

Дождавшись, пары неуверенных кивков, продолжаю:

— Не бойтесь, не обидим. Свои мы... — подмигиваю девчонкам. — А теперь объясните, что тут произошло?

И вот тут раздались всхлипы, и радостные возгласы, правда, довольно тихие. Всё же запуганны были девушки капитально... Но вот поднялась одна из женщин постарше и, шикнув на остальных, каким-то потерянным голосом поведала:

— Это Рита, — кивает на ревущую в объятиях Хана девушку. — А это её старшая сестра, Катя, они из местных... — яростно блеснув глазами, ткнула пальцем в связанного: — Этого охранник привёл, и сказал, чтоб мы были послушными... А он сразу на Ритку глаз положил! Начал лапать, она, было, начала сопротивляться, но охранник её ударил, велел лежать смирно... Ну а этот давай штаны спускать, а Ритка опять... Тут Катька и вмещалась, пообещала ублажить, так как никто другой, но чтоб сестру не трогали! Охранник предложил

согласиться, начав расхваливать её... Да и, мол, Ритка на продажу... А этот... — женщина замолчала, подыскивая слова: — А этот и спрашивает. Мол, та ли это Катя, которую впятером воспитывали? Тот подтвердил! У этого аж руки затряслись. Он Катьку повалил. Ну и вы понимаете?

Киваю. Куда уж понятнее.

— Ритка ревёт, мы её в сторону увели, чтоб не смотрела. Ну, вот, а этот минут через пять закончил, посидел, подумал и решил всё же Ритку... того... Катька ему говорит: «Ты обещал». А он засмеялся, толкнул её и Ритку повалил... Тут Катька как подскочит, зеркальцем об пол, и на него. Вон на скуле порез, чуть-чуть до горла не достала... А он её ножом... — женщина, закрыв лицо руками, заплакала: — Мы полгода с ней вместе...

Сглотнув комок в горле, остановил начавшего пинать ублюдка, Молота:

— Перестань, а то убьёшь!

— Туда ему и дорога! — прошипел Олег, правда, пинать перестал.

— Думаешь? А если мозг подключить?

— Действительно! — Молот нехорошо улыбнулся. — Тороплюсь что-то...

— Вот, вот... — качаю головой и, повернувшись к Пьеро, сажусь на корточки и спрашиваю: — Ну как?

Петька, как-то обречённо бинтующий женщину, поднял на меня глаза, в которых поблескивали слёзы. Слёзы: в глазах человека, который, только что, не сомневаясь, отправил на тот свет почти десяток человек. Пусть и бандитов, но всё же...

— Без вариантов. Минут пять-десять осталось...

Ох... Ты ж... Не успел я Катя, не успел... Надо хоть сестре дать попрощаться, вот только язык будто присох к гортани... Но всё же надо.

Поворачиваю голову, и мне на глаза попадает осколок окровавленного зеркала, взгляд сам переходит на изрезанные пальцы правой руки, которые сжимали этот кусок стекла... Бедная женщина, несмотря на то, что её саму давно сломали, смогла найти в себе силы в попытке защитить сестру. Пусть не удачно, но она пыталась, на себя уже давно махнула рукой... А за сестру билась до конца! И тут мозг пронзила вспышка: билась, защищала!

— Маришка! Маришка! — взвыл я мысленно, как учил Степаныч. Представляя в голове образ сексуальной красотки. — Ты где? Маришка!

— Не ори, а! Чуть не оглохла!

Передо мной был призрачный образ, да я и сам был полупрозрачный. И находился почти под потолком пещеры, а внизу всё замерло. Хан всё так же держит Риту, Молот, примеривается, пока я не вижу, пнуть пленного, Пьеро с бинтом в руке и рядом на корточках я...

— Офигеть!

— А ты что хотел? Столько народу, представляешь, как они бы удивились? Ты не спеши, там время почти не движется...

— Маришка! Спаси её! — показываю пальцем вниз.

— С чего бы это? — складывает руки на груди, точнее под грудью или как-то так... В общем, обозначая присутствие, этой самой, ещё больше... Да уж... Ну да что поделаешь, вспоминая её же слова: по-другому она не может, натура такая!

— Ну, пожалуйста!

— Нет, нет. Не проси! Я обещала жизнь воина, а не бандитской подстилки! — и, встряхнув белокурой гривой, гордо задрала носик.

— Ладно... Но можно задать вопрос?

— Хм... — подозрительно посмотрев на меня, облетела по кругу. И всё так же с сомнением разрешила: — Ну, давай...

— Скажи: карандаш это оружие? — раз время есть, начну издалека.

— Это, смотря как посмотреть, — ехидно улыбается.

— В моих руках, это оружие?

— Ну, в твоих и точилка для карандаша оружие...

— А вилка?

— И вилка, — чему-то улыбаясь, продолжает летать вокруг меня.

— А осколок стекла?

— Таким маньякам как ты, лучше не давать... — счастливо смеётся.

«Ну, погоди, красавица! Ужо я тебя!»

— Ты не ответила!

— Оружие, оружие! В руках воина всё оружие!

— А осколок зеркала, которым нанесли увечья и чуть не перерезали горло?

— Ты умный мальчик! — перестав летать вокруг, сделала пару балетных па. Видимо что б я хорошенько всё рассмотрел... А юбоченка всё такая же... — Сейчас ты скажешь, что раз это оружие то, судя по моим словам, оно было в руках воина?

— Ну, типа того... — остаётся только надеяться, что сработает.

— А если я не поддамся на твою уловку?

— А я тогда, подыхать буду, но тебя не позову! Тогда ты не сможешь вернуть долг!

— Ой... Ой... Напугал! Вот будет при смерти кто-то из твоих парней лежать и позовёшь! Ни куда не денешься!

— Да пошла ты! Конечно же, в этом случае призову. Но вот разговаривать с тобой никогда не буду...

— Никогда, никогда? — заглядывая в глаза, спросила дива.

— Никогда!

— Совсем, совсем!

Я только отвернулся. Облетев меня пару раз, остановилась напротив моего лица:

— Это шантаж?

Снова отворачиваюсь. Сзади раздаётся задорный смех, тонкие девичьи руки обхватывают меня за плечи, между лопаток упирается роскошная грудь, а губы шепчут:

— Так и запишем, поддалась на злобный шантаж, — и легонько куснув за ухо, добавила:

— Ну не будь букой, спасу я её... Вот только потом не обессудь, такие подарки бывают раз в жизни, подумай хорошо!

— Я подумал!

— Заговорил, заговорил! — радостно смеясь и хлопая в ладоши, красотка нарезает круги вокруг меня. Вновь изображая балерину... И вот резко остановившись, серьёзным голосом добавила: — Молодец, Он может гордиться тобой, красавчик! Всё, мне пора...

Мир слегка покачнулся, это я чуть не шлёпнулся на задницу... Сидел то на корточках! Пьеро смотрит на меня обиженным взглядом, не понимая, как же так? За что? Почему эта молодая женщина должна умереть? И почему, несмотря на все его знания и дополнительную учёбу у Степаныча — он не может помочь ей. Эх, Петька! То ли ещё будет!?

— Пьеро, ты чего смотришь на меня коровьим взглядом?

— Извини, Мажор. Первый раз вот так... И сделать ничего не могу, как будто сам нож в

неё воткнул... Молодая совсем, красивая... На пару минут раньше бы! И жива бы, осталась...

— Ты брось это! — награждаю парня суровым взглядом. — Не могли мы за спиной такую толпу оставить! Тогда все бы полегли и девчонки в том числе!

— Да я понимаю, — Пьеро опускает взгляд и тяжело вздыхает, — но муторно... Может, пусть хоть с сестрой попрощается?

— Зачем? Кажется, умирать ей рано? — несмотря на попытку сдержаться, на губы наползает улыбка. — Может ты ошибся? Посмотри-ка ещё разок!

— Не смешно...

— Я не смеюсь, — впившись в него взглядом, говорю: — Проверь! И ни слова!

Петька посмотрел на меня как на идиота, но приступил к повторному осмотру всё ещё находящейся без сознания женщины... Выпучив на меня огромные глаза, вскрикнул:

— Мажор...

Но получив ощутимый тычок под рёбра, обиженно засопел. Пришлось пояснять:

— Ты тупой? Сказал же тихо!

Всё ещё находясь под впечатлением от увиденного, но понизив голос до едва слышного шёпота, затараторил:

— Мажор, смертельной раны нет! Понимаешь? Ссадины, синяки и пару порезов! А смертельной нет. Её даже в больничку можно не вести, я сам зашью и обработаю... Но так не бывает!

— Тихо ты... Не было смертельной раны! Понял?

— Но?

— Ты как предпочитаешь: ты ошибся, и ранения не было или ты прав, и оно есть?

Петька расплылся в счастливой улыбке:

— Устал я за последнее время вот и мерещится...

— Вот и я говорю! — и задорно подмигнув. — Пьеро я сам в шоке! Но сейчас не время, для вопросов!

Наш медик только обречённо вздохнул и приступил к лечению. Я же решил приказать Марату и Молоту уволочь пленного в «каморку» главара. С паршивой овцы хоть шерсти клок, глядишь, и поплывёт дядя пока мы этого ублюдка «потрошить» будем... Психология, однако! Но вот судьба преподнесла очередной сюрприз! Точнее не судьба, а девки пересмотревшие плохого кина...

Пока мы с Пьеро общались, Марат передал всё ещё всхлипывающую Риту женщине, которая в данный момент была вроде как за старшую... И выговаривал Молоту за то, что он всё же ещё раз приложил подонка валяющегося на полу! Не порядок! Я тут командир или погулять вышел? Сказал не бить, значит потом...

И вот мы уже вдвоём строго смотрим на Молота, а тот делает вид что раскаивается... Эх, мужики! Если бы можно было понять женщин? Рита, перестав всхлипывать и вроде успокоившись, после того, как Петька во весь голос сказал, что Катя не умрёт... Не знаю, может на неё повлиял вид окровавленной сестры, но она, схватив нож, которым Пьеро резал одежду и положил возле себя, бросилась к насильнику. Едва успел перехватить, ухватив за мелькнувшие мимо волосы, и отобрав нож, толкнул к остальным...

— Ты чего это, дура, задумала?

— Я убью его! — опять заревела Ритка, держась за голову. Все же рывок получился достаточно сильным.

— Зачем тебе это? Он и так не жилец, так зачем мараться?

— Я имею право! — гордо задрал нос, пропищала пигалица.

— Да ну? И кто же тебе такое право дал? Мне вот государство вместе с погонами, а тебе кто?

— Он изнасиловал мою сестру, чуть не убил и меня хотел... — слёзы хлынули бурным потоком.

Дамочки зашевелились. Со всех сторон слышались голоса, о том, что их тут тоже насиловали... И вот женщина, рассказывавшая нам о том, что здесь приключилось, сделала шаг вперёд:

— Послушай, сержант. Ты ведь сержант? Я ничего не путаю?

— Не путаешь, — усмехаюсь, этой попытке установки контакта. А не проста мадама. Теперь становится понятно, почему её слушают...

— Ты сам сказал, что он нежилец?! Если бы ты знал, через что мы прошли, ты бы понял! Это не люди, это животные. И нас здесь держали, за животных. Пользовали при малейшем желании. Всё тело в синяках! Отдай его нам! Прощу тебя! Ради Аллаха!

Видимо удивление на моём лице проступило крупными буквами, потому что женщина пояснила:

— Ты не удивляйся. Меня Зухра зовут. Или ты думал, что они, — кивок в сторону пленника, — из России всех везут. Им всё равно, лишь бы красивая была. Мой отец дорогу сильным мира сего перешёл, вот и забрали. Потому и здесь, чтоб место знал... Отдай его нам...

От это да! Мне конечно не жалко. Но вот то, что даже взрослых мужиков после первого убийства колбасит так, что хоть в дурку отправляй... Нет, милые вы мои девочки! Хватит с вас того, что вы уже пережили...

Смотрю на Марата и Олега: парни едва заметно, отрицательно качнули головами. Кто бы сомневался? У умных людей мысли сходятся!

Крутнув нож так, что он как будто исчез из руки, присел на корточки рядом с пленником:

— Да, девки, пересмотрели вы плохого кина... — вновь начинаю баловаться с ножом, поблескивая на слабом свету, приковывает внимание к себе. Особой боевой необходимости в таком умении нет, единственно разрабатывает пальцы и учит чувствовать клинок, ну и вот так привлечь взгляды. — Ну и как вы его убить хотите, руками разорвёте? Не боитесь испачкаться?

Некоторые девушки, начали отступать назад — первый порыв уже прошёл. Но вот Зухра другое дело:

— Не надо, сержант, не пугай! Дай нож. Я крови не боюсь, сама всё сделаю.

Девки тут же начали конючить: «Дай, имеем право!»

— На, — протягиваю нож, рукоятью вперёд, левой же рукой поднимаю, потенциальный труп за волосы.

Зухра делает шаг вперёд и протягивает руку. Однако, решительная дама!

— Не боишься? Тогда смотри!

Перехват за рукоять и нож точным и выверенным движением впивается в шею ублюдка. Тот начинает сучить ногами и дёргаться, тяжело и трудно умирая. А я смотрю спокойным взглядом на вмиг посеревшие лица. Распахнутые в ужасе глаза и стиснутые губы. Блевать первой начала не Зухра, хотя и стояла ближе всех...

Да, была у меня мысль полоснуть по горлу так, чтоб залить этих мстительниц с ног до

головы... Но по здравому рассуждению, удалось сдержаться... Шок это хорошо, но вот лишнее напоминание в виде залитых кровью, довольно симпатичных мордашек? Ну, нафиг! Вот и применил, один довольно жестокий удар. Таких в арсенале у Рогожина пруд пруди, вот и пригодился... Вся хитрость в том, что смерть наступает от удушья и далеко не сразу. Мучительная смерть!

Когда девицы проблевались, а сделали это почти все... Тут ведь главное кому-то начать! Всю дальнюю стену уделали! Я продолжил сеанс терапии:

— Чего это вы?

В ответ я услышал вполне конкретные адреса, куда бы мне стоило пойти, но вот кроме улыбки, выжать из меня ничего не вышло.

— Вот так-то! Мстительницы, вы хреновы! И запомните: это моя работа карать ублюдков, а не ваша! Ваше дело рожать, а моё убивать! Всяко попроще! Надеюсь, я понятно вам объяснил?

— А ты пробовал рожать-то? — злобно прошипела довольно симпатичная девушка, вытирая тыльной стороной ладони рот.

— Не а... — вновь начинаю крутить нож, уже вынутый из тела и обтёртый об одежду убитого, привлекая внимание... — Рожать не пробовал! Но живот могу качественно надуть! Или ты сомневаешься красавица? — задорно подмигиваю, делая контраст между мной убийцей и весёлым красавцем сержантом! «Ох, и скромный же я!!!»

Ну, вот и хорошо, вот и славно! Начинают отходить, правда, всё ещё косятся на труп, но уже вспомнили что женщины, а вокруг не мерзавцы бандиты, а вполне brave и симпатичные ребята!

— Пьеро, ты закончил?

— Да!

— Отлично! Мужики, забираем всех отсюда, а то воняет. Вот только куда бы всех пристроить, пока мы тут шманать будем?

— Можно в столовую, — подала голос Зухра. — Там места много, и вода есть. Хоть умыться...

— Добре! Может, и покормите заодно?

— Вы что, после всего, ещё и есть сможете? — раздался чей-то удивлённый голос.

— А что? — не выдержал Молот. — Теперь голодным ходить? Я бы пожрал!

— Желудок ты, — по-доброму усмехается Марат. — Надеюсь продукты свежие?

— Свежие, — улыбается Зухра.

Выходил я последним, так как Зухра успела взять меня за руку и слегка потянуть, намекая, что есть разговор. И вот когда мы остались одни:

— Как тебя звать сержант?

— Мажор.

— Это не имя. Ну да ладно не говори, я всё понимаю... По гарнизонам росла, — и замаявшись на мгновение выдохнула: — Спасибо тебе!

— За что же?

— Что нож не дал!

— А зачем просила?

Женщина слегка замаялась, но всё же призналась мне:

— Понимаешь: девчонки молодые совсем, глупые, ты правильно сказал, кина насмотрелись. Вот я и решила...

— Не надо, — останавливаю поток слов, слегка сжав руку чуть выше локтя, — я понял!

Как бы пафосно это не звучало, но я сделал свою работу!

— Все бы так делали, — едва слышно прошептала она.

Но я услышал! И слегка подтолкнув эту сильную и решительную молодую женщину в спину, с тёплой улыбкой сказал:

— Пойдём. У меня ещё много работы!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Всё ещё не пришедшего в себя бандита, которого я вырубил на посту, перетащили к главарю, точнее перетаскивали Молот и Листик, последний же после этого должен был сесть возле телефона и ждать отзвона от парней. Ну а остальные пошли к складам, мало того, что где-то там Балагур, то плюс ко всему — столовая в той же стороне...

Вот там и обитал наш сослуживец... Не угадали! Он ничего не жрал! Просто тихо и мирно ждал нас. По сути — правильно. Проверив склады, взял стульчик и с удобствами дождался, сидя в тёмной столовке. Если бы сюда кто и рванул, напоролся бы на Балагура, проход весь на виду.

Вы бы видели, как у него заблестели глаза, когда он увидел такое количество, пусть уставших и чумазных, но весьма привлекательных женщин. Прямо тут же, вызвался помогать, чем может и со всем пылом! По здравому рассуждению пришлось испортить ему малину... А то ещё пообещает жениться, на всех сразу! Шучу, конечно, но вот лазить по складам лучше с ним, он то там уже был. Поэтому с дамами остался Пьеро...

Как выяснилось, полуночники на базе были! Два придурка тихонько укуривались в дальнем углу, и тут такой приход... В виде здорового амбала с ножом, которым он их и почикал! Судя по количеству трупов, это были последние, да и интуиция помалкивала, но склад проверили ещё на раз. Интуиция интуицией но, как известно: осторожность сестра диверсанта. А хомяк? Хомяк — отец родной!

Чего тут только не было?! Даже пяток миномётов, про гранатомёты и мины, даже говорить неудобно... Ой! Какая прелесть!!! Взрывчатка тоже есть! А вот наркотиков нет... Вывезли уже! Наверное. Если они тут были? Хотя, что гадать? Раз караван везёт наркоту, то освободиться от старого груза просто обязаны...

— Мажор! Гляди что тут! — радостно подпрыгивающий Балагур машет рукой.

— Чего там?

— Сам посмотри. Сюрприз!

Вот это да! Как говорится всё страньше и страньше... Если довольно большое количество новеньких, в заводской смазке, «калашей» не вызывает удивления — то вот, лежащие здесь стволы?.. Это где же так можно разжиться оружием, предназначенным для спецподразделений? Это какой прапор им продал? А ведь здесь, мать его! О моём пределе мечтаний в виде «Валов» или «Гроз», даже говорить неудобно. Но добило меня совсем другое...

— Марат, а где Маркони?

— Да только вот тут был... — пожал плечами Хан.

— Вроде туда пошёл, — указывая направление, махнул рукой Вовка.

— Пошли гля...

— Мужики! — из-за стеллажа выскочил Димка, глаза горят, губы трясутся. — Я такое нашёл!!!

— И что там такое, что тебя прёт как Бобика? — усмехаюсь в тридцать два зуба.

— Пошли... — и нырнул за стеллаж.

— Ну, пойдём, посмотрим, — киваю мужикам.

Вах!!! От теперь понятно! Да у меня, наверное, такое же лицо, как и у Димона минуту назад! Новенькие, красивенькие, не царапанные и не целованные рации. С гарнитуркой, с кнопочками, и... и... Класс!!!

Как авторитетно заверил Димон — это мечта! Спорить с ним никто не стал... По его словам в них было всё, о чём можно мечтать. «Сойка-М2» связь, предназначенная для спецподразделений... То есть вот так! Рогожин рассказывал, что у его бывшей группы были простые «Сойки», а у бандитов новейшая модель? Что тут творится? А тут ещё счастливый донельзя Маркони показал рацию дальней связи: в два раза легче, чем его...

— Короче, мужики, взрывать мы ничего не будем... — выношу волевое решение.

— Как это? — тут же расстроился Балагур. — А как мы всё это будем приватизировать?

— Причина? — это уже более рассудительный Хан.

А Димон просто вцепился в своё богатство и тряс головой: «Не отдам!»

— По порядку. Приватизировать, так же как и раньше — руками. Но ничего лишнего не брать, со спец оружием не связываться, может боком выйти. Берём только то, что у самих есть. А вот связь утянем... И пусть отцы-командиры голову ломают, как это оформить!

— Думаешь, станут связываться? Хотя наверняка майор и не такое может, но вот захочет ли?

— А это он пусть хомяку, товарища старшего прапорщика, расскажет! А у Степаныча там такой матёрый зверь, что махом любую нехотелку отгрызёт!

Парни довольно заулыбались, в чём, в чём, а уж в Степаныче никто не сомневался...

— А вот почему не будем... — продолжаю объяснять. — Вот скажи мне, товарищ Хан, откуда здесь такие рации или такие стволы? И жуткие у меня подозрения по поводу некоторых генералов... Ведь не на всяком армейском складе такой дефицит есть, нам то, для дела, почти ничего не нашли! Вот и думаю, надо с Васильевым связаться, пусть решает... Рвануть всегда успеем!

— А ведь засада, — Хан почесал в затылке, — баб то уводить надо!

— Нет!

— Что? — удивление Марика было неподдельным, а вот Балагур обрадовался — значит есть время построить глазки! Димке же было пофиг, он остервенело, рылся в барахле.

— Караван придёт сегодня днём...

— Что!? — охренели мужики, даже Димка отвлёкся.

— Ну, как-то так... — развожу руками. — Можно свалить, но тогда всё было напрасно. Делиться опасно. А вот если отправить Димку с рацией, туда, где есть связь... Получим приказ и либо рванём, либо наших дождёмся.

— А караван?

— А что караван! Он через ущелье пойдёт, а тут даже миномёты есть. Про взрывчатку и мины молчу, и про таланты Листика тоже. Если что гранат наверх натаскаем... Хотя надо сперва место посмотреть... — вдруг засомневался я. — Если что: минируем, баб в машины и ходу. Скоро рассвет, там и решим! А то и правда, что то я... Полчаса ничего не решат.

— Хм... Ну, давай посмотрим, — согласился Хан. — А пока можно ещё похочмячить!

Раздались осторожные шаги, мы тут же напряглись, но это был довольный жизнью Листик.

— А вот вы где! Парни отзвонились — всё путём. Сидят, стерегут подступы.

— Хорошо. Пусть Лаки возвращается, проводит нас на место. Посмотрим, что почём...

А мы с Ханом пойдём, главного попытаем, за жизнь... Вопросов у меня-я-я! А ты тут

осмотришь, мины, взрывчатка, гранаты, миномёты. Всё равно что-то взрывать придётся или базу, или караван... Да! Если получим приказ рвануть базу, присмотритесь к спецстолам — не пропадать же добру?

А пока парни копались на складе, мы с Ханом направили свои стопы в «избушку» главаря. Поговорить с этим господинчиком за жизнь его не простою.

— Хан, мать твою! Это ты так слово упаковать понимаешь?

— А что не так? Зато надёжно, — в недоумении пожимает плечами.

Да уж... надёжней не куда. Вот как нормальный человек понимает слово упаковать? Правильно! Руки, ноги связал — чтоб не сбег. Но Марат не такой. Он основательный! Недолго думая... упаковал в ковёр, лежавший на полу. И ведь не поленился вытянуть прижатый край из-под дивана. Теперь из туго скрученного свёртка виднеется только нос и глаза.

— Вот ты его туда завернул, ты и доставай.

— Делов-то, — вновь пожав плечами, начал пинками раскручивать свёрток. Пленный только мычал и пучил глаза. Вначале ковёр вполне защищал, но чем дольше длился процесс, тем ощутимее становились пинки. Это, учитывая, что сердобольный Молот, ну никак не мог пережить того, что сержант работает, а он нет... Вот и помогал в меру своего сорок шестого, растоптанного.

Когда же высвобожденного главаря посадили на стул... Хорошо хоть спинка есть, а то он всё норовил свалиться. Ну да не жалко!

Вынули кляп и дали воды. Думаете, мы такие гуманные? Вот ещё! Просто, он вряд ли говорить смог бы... Да и состояние полукомастное, а так вроде ожил.

— Ну и как тебя зовут голубь сизокрылый?

Ох ты ж! Вот зачем такие слова говорить? Ругается, матом кроет, карами разными грозит. Ладно, послушаем, может, что важное скажет? Нет, только ругается... Кивок Марату. Тот делает грозный замах и бьёт. Пленника скручивает судорога боли, но, по крайней мере, он уже не ругается, только скулит. Тут ведь фокус в чём? Замах — на рубль, а удар — на копейку. Чтоб не покалечить допрашиваемого, Хан в последний момент тормозит руку, и втыкает палец в нервный узел. Боль страшная, а вреда никакого. Вот только жертва думает, что ему повредили все внутренности.

— Так как говоришь своё имя?

Ещё пару заходов и мы знаем, что Асланов развелось как собак не резанных. Одного уже угомонили, а тут второй.

— Вот видишь? И чего сопротивлялся? А теперь скажи пароль на компьютер.

Сказал, а куда ему деваться? Ну что ж посмотрим. Хм... пяток игрушек, музыка, фильмы... и папка документы. Грешен: не сдержался, сунул нос. Пробежал по диагонали, имена, даты, суммы. Стоп! Назад! Что это? Меня аж затрясло всего... Дата! Это число я не забуду никогда. День смерти Тунгуса и Ваньки!

— Смотри сюда, сука, — схватив бандита за волосы, притянул его голову к монитору. — За какую информацию были заплачены деньги? Ну!?

— Не помню.

— Твои пометки? Значит знаешь! На... на... на...

Сказал, всё сказал. Утром того дня, нас сдали! Предупредить Аслана не успели, мы уже всю порезвились, а вот перенаправить одну из групп смогли... Мы же еле плелись, обременённые заложниками. Так что неслучайно мы тогда на боевиков напоролись, совсем

не случайно. И парни погибли из-за предательства. Хорошо, что этот Аслан оказался таким педантом и записывал не только когда платил деньги, но и когда получал информацию или услугу — для памяти. Теперь я знаю, как зовут предателя! Капитан Крымов Станислав Олегович!

— Где его найти?

Ох... Ты ж! И правда не знает, перевёлся тот куда-то! А на связь ещё не выходил. Или далеко уехал, а, может, завязать решил? Хотя это ненадолго, пока бандитам на глаза не попадётся...

Ну что ж... От нас не сбежит, думаю, что отцы-командиры его из-под земли достанут! Не велика тайна, особенно зная, где он служил раньше. Собственно там же где и мы, только в штабе. Так что... Думаю, скоро свидимся! И на его улице будет играть музыка — медленная и печальная.

Ну, а пока:

— Откуда на сладе столько спецоборудования?

— Купил.

— У кого?

Ох, ты ж! Что творится в подлунном мире?! После пары-тройки подходов товарища Хана, бандит поведал занимательные подробности. Новенькое, не целованное оборудование — местами списанное, местами повреждённое, кое-что утопленное... Охренеть! Тут ведь без генералов не обошлось... От что-то мне не хорошо? Надо срочно Димасу давать пинка, пусть чешет туда, где заработает рация и связывается с майором. Это ведь не шутки... Хотя нет! Отставить! Пусть берёт документы, винт и бегом. И Молота для подстраховки...

Что значит, какие документы? Я что не сказал? Хм... Бывает. Я-то ни сном, ни духом, а Аслану тем более не надо. Но вот кое-кому очень жить охота, вот он и сдал тайник. Как кто? Да Андрей же! Тварь эта недобитая. Чухнул ведь, выбрал момент.

Я как раз задумался, а что делать? Вот этот тип и давай мычать и дрыгать ногами. Решили послушать, а вдруг скажет чего? Ну, он и давай за жизнь свою никчёмную беспокоиться:

— Слышь, сержант. У меня есть что предложить... — просипел, пересохшим горлом.

— И что у тебя есть такого, что я из тебя выбить не смогу?

— Есть. Попить дайте.

Интересно, интересно. Будем послушать, бандит то не дурак, понимает, что, всё что надо, мы из него выколоти́м, значит... Хм...

— Интересно, что ты можешь, такого рассказать, чтоб я тебя — бывшего старшего лейтенанта ВДВ, в живых оставил? Ты не удивляйся, — сажусь на корточки, перед валяющимся на полу, бандитом, — Бешеный, твой бывший командир, очень разговорчивым был. И он отправился туда, куда отправляются все предатели... на тот свет! И поверь, он очень мучился перед смертью, очень. И ты будешь. Я ведь почему тебя не убил? Потому как спросил у него про тебя, перед тем как убить... Так что это за предложение такое шикарное?

— Два, два предложения. За одно жизнь, за другое свободу!

— О как? — кивок Молоту. — Дай ему воды, — сам же сажусь на диван. И наблюдаю, как посаженный на стул Андрей, жадно пьёт.

— Рассказывай.

— С какого предложения начать? — слегка оклемавшись, бандит приобретает некоторую самоуверенность.

Ну да ладно, пусть его, подождём и послушаем:

— До свободы тебе ещё рано, так что заслужи жизнь, для начала.

— Поклянись, что не убьёшь?

Хрясь. Нахал валится на пол. Я вроде как осуждающе смотрю на Молота:

— Ну что ж ты так? Видишь, человек забылся? А ты его по лицу! Нельзя так, — Олежка виновато разводит руками, — надо обязательно ногой добавить, а то не поймёт.

Молота уговаривать не нужно. Но ведь и результат есть! А то взяли моду...

— Ну, я жду.

Улыбнувшись разбитыми губами, предатель просипел:

— Тогда начну, со свободы, так будет проще договориться.

Пожимаю плечами:

— У тебя минута, а потом он, — кивок на Молота, — свернёт тебе шею.

— Скоро придёт караван, — захлёбываясь начинает колотиться.

— Знаю.

— Нужно выйти на связь.

Оп-па! А вот этого я не знал. Тут же рации не работают, вот я как-то при допросе Бешённого и упустил.

— Знаю, — с уверенным видом киваю. «А что мне ещё остаётся?» — Для того и оставили пару человек в живых.

— Они пароль не знают! — вскинулся бандит.

— А ты заешь?

— Да!

— Хан, а чего это наш глав бандит мычит?

— Ругается, наверное, — пояснил он, отвечивая душевного пинка Аслану. Помогло.

— Ну, допустим, я не стану тебя убивать и просто отдам контрикам, с чего бы мне тебя отпускать? Тем более что пароль ты нам сейчас скажешь.

— А бы кто не подойдёт, кроме Бешённого и меня, только ещё один человек встречал караван.

— Хм... Понятно! И ты конечно, готов помочь нам, но за свободу?

— Да.

— Хм... Но жизнь то ты ещё не заслужил.

Бандит выпучил глаза, офигев от такой логики. А что? Я такой! Но вот справившись с собой, он продолжил:

— А ещё у него, — кивок в сторону главаря, — есть тайник, с документами.

Марат ещё раз отвесил пинок, замычавшему Аслану. А я задумался! Помощь этого типа нужна, но и отпустить я его не могу. Точнее, не хочу отпускать ублюдка опозорившего погоны, которые я ношу. Ох ты ж! В кого я превращаюсь? Сколько пафоса!

— Хорошо. Если в тайнике действительно важные документы, то никто из присутствующих на базе тебя не тронет. Даю слово. А если поможешь с караваном, отпущу на все четыре стороны.

— Отпустишь до того, как сюда придут ваши. А то ты меня отпустишь, а они возьмут.

— Хорошо. Как только выполнишь свою часть сделки, ты свободен.

Вот в тайнике и были эти документы... Тут-то я за голову и схватился.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Лежим, ждём. Место тут просто шикарное! Конечно, если бы у нас не было миномётов, мин и взрывчатки, то устраивать тут засаду, не слишком то удобно. Но при наличие всего выше перечисленного, лучше места не найти. Рядом с базой, но чуть дальше поста, ущелье расширяется, раздвигая свои почти отвесные стены и превращая их в просто очень крутые склоны. Так что до противника будет метров двести не меньше. Потому, собственно, у нас в руках Винторезы. Дистанция вполне приемлемая, а худо-бедно стрелять с них умеют все. Хотя нет, у Марата СВД.

Но это так на всякий случай. Зря что ли, пёрли на себе два миномёта? И боекомплекты к ним? Двойные. А уж Листик, перепыхал весь путь, по которому должен будет пройти караван, минируя всё что можно. Как он нас заверил, как минимум половину положит, а там только добить. Миномёты это сила! Кстати поэтому и выбрали такое место, совсем не комильфо будет, если под нами скалы рухнут от взрывов. А так если только пылью присыплет.

Кстати связи здесь всё ещё нет, поэтому, наш добровольный помощник вместе с Сашкой ушли ещё на километр дальше. Перед их уходом, приказал, так чтоб Андрей слышал:

— Лаки, как сделает дело, развяжешь, пусть идёт. Понял?

Тот только кивнул.

Саня сидел, прижавшись спиной к стене и терпеливо ждал, когда появится разведка каравана. С ними и должен выйти на связь бандит, которого ему поручил Егор. Тот весь скукожился и дрожал на ветру, поглядывая с завистью на вполне комфортно чувствующего себя бойца. А ведь одежды на Сашке несколько не больше чем на нём. Просто последнее время температура ощущается как то по-другому. Не то что ему не холодно, но и дрожать, явно не стоит. Спасибо Степанычу с его чудо напитком.

Ага, вот и разведчики... Андрей, схватив портативную рацию, начинает вызывать их. Вроде всё нормально, никаких предупреждающих об опасности слов. Жить то охота! А ведь Мажор, конкретно спрашивал этого типа, визнавая о таких сигналах.

— Всё. Я выполнил свою часть сделки, теперь караван пойдёт до самой базы.

— Молодец, — сквозь зубы процедил Сашка, доставая нож.

— Эй, ты чего? Твой сержант обещал... Я закричу!

— Заткнись, придурок. Я стяжку разрезать хочу.

Недоверчиво посмотрев на бойца, бандит закрутил головой:

— Брось мне нож, а то закричу! Здесь такое эхо!

— На, — Саня бросил нож к ногам Андрея, — режь быстрее.

Перепилив стяжку, бандит попятился от него.

— Куда? В другую сторону, нечего тебе возле каравана делать.

— Да, да... — засуетился дважды предатель, — конечно, я всё понял. Ну, я пошёл? — заискивающим голосом спросил он.

— Иди.

Быстро перебирая ногами, бандит рванул вперёд. Ликуя в душе и посмеиваясь над

наивностью салобонов. Если поспешить, то он успеет предупредить караван, а там не меньше полусотни бойцов, перебить спецназ может и не выйдет, но вот отступить, с малыми потерями вполне. Есть тут одна тропка... Успеет!

Но вот из-за камня, прямо на встречу, вышел всё тот же боец. Живот пронзила боль. Рухнув словно подрубленное дерево, бандит схватился за рану. Как? Неужели обманули? А ведь он выполнил всё, что обещал!

Сквозь застилающие глаза слёзы боли, увидел стоящего над ним десантника, с «бесшумником» в руках.

— Вы же обещали!

Лицо Сашки исказил хищный оскал:

— Всё честно. Тебя обещали отпустить? Я тебя отпустил. Я же не виноват, что ты мне опять попался? Причём навстречу. Тебе обещали, что тебя не убьёт никто из тех, кто находится на базе? А меня там не было! В тот момент. Знаешь, как умирают предатели? — и, вынув из кармана кусок тряпки, затолкал ему в рот. — Мучительно...

Пять выстрелов. Пять. По числу конечностей. И остаётся только стонать от боли, потому что даже вынуть изо рта кляп не чем. Кисти рук раздроблены тяжёлыми пулями. Колени превратились в кровавую кашу. А пятая конечность? Её больше нет. Достойное наказание насильнику... Такова справедливость спецназа.

Интересно, а сколько в этом караване народу? Нет, нет. Не подумайте, что я совсем дурачок, и попёр буром под поезд. И Бешеный и его хозяин, и этот сморчок которого караулит Сашка — в голос утверждали, что человек пятьдесят — плюс, минус пяток. Просто интересно, они все влезут на этот участок дороги? Или придётся бегать за ними? Будем надеяться, что не придётся, там за поворотом, откуда они появятся, расположен неприятный сюрприз в виде Балагура с пулемётом. С тылу причесать милое дело.

Ну и мы вчетвером тут будем, если что, уютить с миномётов, вот сейчас Лаки прибежит и будет нас рать! Аж пятеро! А остальные заняты, нету их. Что значит где? Молот и Маркони убежали с документами к Васильеву, по крайней мере, теперь я спокоен, эту парочку танком не остановишь... А Тихоня и Пьеро караулят базу и наших спасённых дам. Не Балагура же оставлять?!

Ага, вон и Сашка. Довольный и ничуть не запыхавшийся:

— Мажор, скоро будут. Балагура предупредил. Первыми разведка — трое. Здесь связи нет — прижмутся к каравану, но думаю, метров на пятьсот вырвутся.

— Ясно. Пепел!

— Здесь.

— Давай-ка, друг ты мой пернатый, чеши в сторону базы. Там дождёшься разведчиков, а как начнём, вали их. Понял?

— Так точно.

— Выполняй.

Но далеко Андрюха убежать не успел. В голове пронеслись мысли:

— Пепел, стой, — боец остановился и вопросительно взглянул на меня. — Ты там не форси, но если кто сразу ласты не склеит, связи. Думаю, а вдруг пригодится?

— Например, Васильеву подарить? — сверкнул зубами Андрей. — Что б он понял, какие мы хорошие и заступился?

— Правильно мыслишь. Давай.

Пригибаясь к земле, рванул, ну а я решил, пока есть время, потренироваться. Прикрываю на пару секунд глаза. Молодец какой, сразу и не заметишь! Расфокусировав зрение, смещаю угол восприятия... Ага! Движение! Вот он, почти скрылся за гребнем, если не владеешь техникой обнаружения, хрен что увидишь. Вот бы ещё так Рогожина научиться находить. Но как говорит командир: «Тренироваться надо, однако». Правда он ещё любит говорить: «Каша мало ели...»

Тут ведь какое дело, про отвод глаз я в разных фэнтезийных книгах читал, но как выяснилось магией тут и не пахнет... Вот с вами бывало, что вы что-то ищете, а найти не можете? Даже если это что-то находится на видном месте? Глаз почему-то просто проскакивает мимо — мозг не воспринимает предмет. Он становится как бы невидимым для вас. А потом приходит кто-то со стороны и говорит: «Может, вот это ищешь?» И вот оно счастье! Так вот, если вас хорошенько простимулировать (особенно действенны несильные удары в печень), то вы сможете накладывать на своё изображение метку, которая и будет нести информацию о том, что замечать вас не надо. Ну, примерно так. Всякие мелкие подробности вам не нужны, так как вы всё равно вряд ли сможете, освоить сей забавный способ маскировки.

У меня давно появились некоторые подозрения, что тут творится что-то странное... А в свете последних событий!? В том числе и явление сексапильных девиц, летающих вокруг меня под сводом пещеры, и мановением руки убиравших смертельные раны... Вот только боюсь, что будет как всегда: «Тебе ещё рано знать». Ну да ладно! Вреда то никакого! Вот и ребята мои, глядишь, по дурке не погибнут, для диверсанта умение прятаться первое дело. Только вот интересно, почему отводу глаз Рогожин учит всех, а становится невидимкой только нас с Тунгусом? Теперь только меня...

Ну да ладно, потренировался и хватит:

— Лаки.

— Что? — Сашка успевший устроиться возле ближайшего камня, блеснул в мою сторону глазами.

— Что там с этим? — лицо непроизвольно кривится в гримасе презрения.

— Готов.

— Надеюсь, он мучился? — слегка повернув голову, поинтересовался Хан.

— Обидеть хочешь? — оттопырив губу и изображая обиду, спросил Санек.

— Нет.

— А чего спрашиваешь?

— Скучно...

Тьфу ты... Вот что за человек? Тут скоро ад крошечный начнётся, а ему скучно!

— Ну, если ради борьбы со скукой... То я тебя прощаю, — усмехается Лаки.

Вот примерно в таких пикировках, произносимых шёпотом, мы и дождались идущую впереди каравана разведку. Наступила могильная тишина, вся оптика тут же была убрана — видно и так хорошо, а блеснуть может. Все замерли, ведь, как известно, выдаёт движение, и хотя мы маскируемся не только традиционными способами, но мало ли? Скребанёт, какая железяка, и хотя шансов что звук будет услышан, почти нет, но мало ли какие там самородки?

Фух. Прошли. Теперь ждём караван, а эти трое добыча Пепла. Вот интересно возьмёт языка или нет? Или решит пофорсить и всех троих скрутит? Хотя, нет. Андрюха же понимает, что если облажается, пострадает не только он... так что... Только если

подставляются — дуриком. Ну да ладно не о том надо думать.

Вот наконец-то и голова каравана, впереди трое с автоматами. Зыркают по сторонам, сразу видно — волки битые. Ага. А вот и лошадки пошли, нормально так их навьючили. Понятно чего они так долго ползут, скорость то не велика. Лошадь не машина, ногу сломает — запаску не поставишь, а тут везде каменюки. Ну, давайте красивые мои... А то вон Листик скоро провод от пульта сгрызёт... волнуется. Как-никак почти четыре часа минировал, ползал. Можно сказать выпускной экзамен у него, вот только вместо оценок количество человеческих жизней. В том числе и наших, ведь каждый выживший после взрыва, это лишняя возможность словить пулю любому из нас.

Ох ты ж. Сколько вас тут? Ну, полтинник точно наберётся. Так, вот кажется и последняя пятнадцатая лошадка... Смотри-ка, влезли вроде. А замыкающие? Не видно. Ну да это не страшно, Балагур позаботится. Эх, хреново, что тут связь не пашет, сейчас бы спросить у Вовки... Но как говорится мечты, мечты.

Что ж так губы то пересохли? Волнуюсь? Может и так, у Листика вон вообще лица белого. Ждём, пока дойдут до края закладок. А если контакт пропал? А? Ох ты ж. Не думай с плохом. Листик наверняка всё на сто рядов проверил. А если по закону подлости, а?

Тут Антоха подал сигнал, и все заткнув уши, открыли рты. На всякий случай... Етит твою мать! Землетрясение? Аж подбросило! Или это так закладки рванули? В ушах звенит... Ещё и сверху чем-то прилетело, больно блин.

— Ох...ть! — засыпанный каменной крошкой Хан хлопает очумевшими глазами на чумазом лице. — Что это было?

— Пи...ц это был! — прокомментировал Сашка.

— Листик, сука! — грозно смотрю на трясущего головой бойца. — Ты нас что, угробить решил?!

— Перебор, однако...

— А если бы башку твою дурную залётным камнем разнесло?

— Не-е-е... — Листик азартно крутит головой. — Нас гребень прикрывал, тут только щёбня чуть-чуть долетело.

— Так вот он какой — чуть-чуть, — Лаки задумчиво рассматривает засыпанную мелкими камешками площадку. — Надо стволы у миномётов проверить, вдруг что попало.

Где-то за поворотом зло рявкнул пулемёт.

— Млять! Караван...

Глянув друг на друга, бросаемся к краю... Спецназеры хреновы, пока мы тут вату катаем, там, наверное, уже полноценную оборону организовали...

Прозвучала ещё одна короткая очередь и пулемёт затих. Похоже всё, хана прикрытие... И вообще всем хана...

— Кажись, слегка перестарался... — потерянным голосом протянул Антошка.

— Листик, напомни, чтоб я тебе ничего взрывоопаснее пластилина в руки не давал, — глядя на развернувшуюся внизу картину, попросил я.

— Да уж... Пусть лучше фигурки лепит... — поддерживает начинание Хан.

— Повоевали, мля-я-я... — вносит свои пять копеек Сашка. — Это ж Армагеддец какой-то! Добивать пойдём?

— Кого? — не въезжаю в вопрос.

— Ну, выживших.

— Ты в сказки веришь? Я нет. Но проверять надо. Вот Листик и пойдёт, а мы с Ханом

прикроем. Ты пока иди к Балагуру, посмотри.

Что-то мне говорит, что Антоха вовсе не рвётся посмотреть на дело рук своих:

— Мажор, ты же сам сказал: «Заминируй так, чтоб побольше завалить».

— А ты и обрадовался? А товарищам оставить пострелять? Единоличник! Ладно молодец конечно, но всё же давай поаккуратней в следующий раз, а то чуть самих не завалило.

— Да когда ещё столько халявной взрывчатки будет? — с тоской в голосе протянул он.

— Маньяк, мля. Ладно. Чего стоять, пойдёмте, посмотрим, что везли хоть...

Хм... Вот что не говори, а Листик — талант. Я, конечно, вполне себе и мину поставить могу, и бомбу там собрать... Но Листик это что-то с чем-то. Обычно-то у нас не так много взрывчатки... Вот он и научился малыми средствами достигать максимального результата. А тут такая халява. И я ещё его накрутил, вот он и подстраховался. Провода ведь, вдруг контакт отойдёт? Вот и собрал две независимые цепи с отдельным подрывом, с обеих сторон, ни одна так другая сработает. Но закон подлости не дремлет, и рванули обе — разом! Вот и перемолотило в фарш всё, что было между двумя рядами камней. Это как бы мины направленного действия, где в качестве поражающего материала используются камни. А так как бандиты ходят здесь довольно регулярно и могли заметить изменение ландшафта, то Листик вместо собирания камней в кучи, исполнил распределение взрывчатки. Ну и соответственно результат! Так же: похоже, что на последней лошадке тоже везли что-то взрывоопасное...

И вообще здесь ничего не напоминает лунный пейзаж, как вы, наверное, подумали. Тут скорее мясокомбинат... Короче, разглядев в одном из развороченных тюков изрядно покалеченное оружие, махнули рукой на это дело. Пусть разбираются те, кому за это деньги платят. Васильев, например! Мы-то свою работу сделали?

Вернулись наверх, хотел было послать кого-нибудь за Пеплом, но не понадобилось. Явился, не запыхавшись... Гонит перед собой двух разведчиков.

— А я думал, решишь пофорсить и всех троих скрутишь, — одобрительно киваю. — Молодец! Хвалю!

— Да я бы взял, — Андрюха выглядит расстроенным. — Но у него, наверное, язва желудка была?

— О как? Ты чего это диагнозы то ставить взялся?

— Да я ему в пузо пнул, а он гад кровью изошёл, — машет рукой. Типа что с него взять?

— То есть это не ты облажался, а боевик нынче хилый пошёл? — не могу удержаться от шпильки.

Вновь расстроено машет рукой. Вроде как, что теперь говорить то?

— А что у вас так шикарно гроыхнуло? Эти, — кивок в сторону пленных, — чуть в камни зарываться не начали.

— Сходи, посмотри, — посоветовал Хан, — эпическая картина.

Пошёл, конечно. Любопытный, мля. Вылез на гребень, постоял, почесал затылок, посмотрел в оптику, и, сплюнув, вернулся к нам. Подойдя, тяжело вздохнул и выдал:

— Мажор, ты знаешь?... Только без обид! Ладно?

— Чего уж, говори.

— Мне показалось, или при капитане работа была, как бы чище? А?

Тут уже настала моя очередь отмахиваться:

— Отвали.

— Да я что? Я без претензий. А можно мне койку подальше от Листика? Боюсь я его! — заржал Андрюха.

Балагура и Лаки мы встречали всё ещё всхлипывающими от смеха. Накрыло знатно — отходняк! И эти два клоуна ещё веселья добавили.

Представьте себе. Идёт Сашка, на плече ВСС. Рядом Балагур с пулемётом. А перед ними еле переставляя ноги, плетётся бандит. Загруженный как вол: автоматы, разгрузки и руки связаны за спиной.

— Балагур, а чего ты такую тяжесть, как пулемёт, сам тащишь? — тут же заинтересовался Андрюха.

— Дык, падает падла, — пожимает плечами Вовка. — Совсем боевик хилый пошёл...

— Вот! — поднимает палец Пепел. — Я ведь говорил! А вы перестарался, перестарался...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Холодный пронизывающий ветер выдувает последнее тепло. Жёсткая броня БТРа лягает в бок, но и залезть внутрь машины полковник не может. Там он просто задохнётся: от ожидания и невозможности видеть дорогу. Ведь где-то там, в горах, в той самой аномальной зоне, куда не залетают вертолёты, так как у них начинает барахлить электроника: ведут бой десантники. Всего восемь отчаянных парней против не менее чем полусотни вооружённых до зубов бандитов.

Два часа назад в его кабинет забежал взволнованный майор Васильев и, едва сдерживая эмоции, поведал, что парни капитана Рогожина, захватив базу террористов, вышли навстречу каравану... везущему оружие. Предварительно отправив двоих бойцов с важнейшей документацией в тыл.

Вон сидит один из хлопцев, здоровенный детинушка, да что говорить, у Рогожина почти все такие. Полковник с улыбкой вспомнил лицо майора, когда он покрыл его матом... А вот не надо намекать, что в его возрасте и звании не стоит трястись на броне. А где ещё трястись? Внутри? Нет уж, видел он, как жарко горят «коробочки» встретив снаряд гранатомёта... Пусть холодно, за то не в пример безопасней...

Главное больше никто и никогда не сможет помешать полковнику Акимову прийти на помощь сражающимся бойцам. Ведь тогда, в 95 году, капитан Акимов смалодушничал и, вместо того, чтоб послать начальство куда подальше, ждал приказа. От роты едва остался взвод, храбрые и отчаянные парни ждали подмогу, и она пришла, но поздно... Но сегодня он успеет, обязательно успеет!

Дорогу перегородили наваленные рядком огромные камни. БТРы встали и ссыпавшиеся с брони бойцы, заняли круговую оборону.

Откуда-то сверху раздался звонкий, и задорный голос:

— Чьи вы хлопцы будете, кто вас в бой ведёт?

Акимов уже набрал в грудь воздуха, чтоб сказать всё что думает о шутнике, но его опередил проводник — боец капитана Рогожина:

— Мажор, мать моя женщина! Это Молот! Все целы?

— Все, братуха, все!

Среди нагромождения камней, чуть слева от дороги, показался высокий и широкоплечий боец. «Калашников» небрежно лежит на плече, парень явно красуется, показывая свою крутость:

— Товарищ полковник, Семён Семёныч, — слегка растягивая слова, явно пародируя известного персонажа из кинофильма, с улыбкой во всё лицо, произнёс боец. — Здравия желаю!

Гнев куда-то пропал и Акимов непроизвольно заулыбался:

— Ох... и дошутисься. Что, не пришёл ещё караван?

Боец вновь заулыбался и, спускаясь вниз, доложил:

— Да сколько там того каравана, товарищ полковник? Так стрельнуть пару раз, больше пугали, — подойдя к полковнику и, отдав честь, продолжил. — Сделали в лучшем виде, а где Васильев?

— Через пару часов будет, сам понимаешь, мы то вам на помощь рванули, а ему надо... собраться. А тут и помогать не надо... — слегка расстроился полковник.

— Как же не надо? Надо! Парни с ног валяются, так что неплохо бы заменить на постах, очень надеемся на вашу помощь, — сержант слегка сбавил обороты, вроде как, давая понять, что помнит о субординации, но в то же время дистанцируясь. Вроде как они сами по себе...

Акимов внутри себя улыбнулся, ему нравился этот бесшабашный мальчишка. Мажор кажется? Вот ведь позывной. Хотя учитывая некоторую нагловатость на грани фола, многое становится понятным... Но молодец, как держится то! Хотя под глазами мешки он недосыпа.

Хм... Это ведь кажется, именно этому сержанту пытался набить морду замполит? Ну, точно, отличный парень!!!

— Только, простите, товарищ полковник, на базу я никого кроме вас не пущу. И то только чтоб не нагнетать обстановку. Вот напишете расписку...

— Ты что себе позволяешь, сержант! — вмещался в разговор капитан Свиридов. — Совсем крыша поехала?

— Товарищ полковник? — слегка приподняв бровь, обратился Мажор.

— Тихо, капитан! — рявкнул Акимов.

— Но, Семён Семёныч!? — попытался возразить негодующий капитан.

— Тихо я сказал! — и, достав из внутреннего кармана листок бумаги, протянул сержанту: — Васильев просил передать. Моя расписка о неразглашении, как сказал майор, некоторые активные сержанты могут на десять листов накатать. А я ведь думал, не пригодится... — грустно признал полковник. — Думал, положили вас. Сказали что не менее полусотни бандитов против вас... Всё бросил и на помощь.

— Спасибо, товарищ полковник, — неожиданно вытянулся в струнку наглый сержант. — Для меня честь служить вместе с вами...

Полковник вновь усмехнулся про себя, тому, как тонко парень поблагодарил, напомнив, что вместе, а не под началом. Ну да это он всегда знал. И не только это... например то, что командует у них не майор, а капитан. Умному достаточно...

А боец тем временем продолжал:

— Бандитов и правда, было с полсотни...

— И вы их без потерь положили? — вновь подал голос Свиридов. — Урежь осетра, боец.

— Товарищ полковник, — обратился к Акимову сержант. — Надо кого-то к каравану отправить, парней сменить. Может товарищ капитан заодно и посчитает? А то у меня с математикой плохо...

— Ты сопляк...

— А ну тихо! — Акимову уже стала надоедать эта пикировка. — Ты сержант умерь гонор, субординацию ещё никто не отменял.

— Извините, товарищ полковник, только сомневаться в том, что шесть десантников могут раскатать в блин полсотни бандитов, это оскорбление.

— Шесть? — забеспокоился проводник. — Ты же говорил, все целы.

— Целы, целы. Пьеро и Тихоня базу охраняли.

— А-а-а... — сразу успокоился боец.

— Шесть? — недоверчиво протянул капитан.

А вот Акимов промолчал. Слова об оскорблении, несмотря на нахальство сержанта,

запали в душу...

— Капитан, пойдёшь и посчитаешь. Если врёт, ответит и за нахальство и за всё остальное. Рогожин умеет наказывать. Ведь так сержант?

Тот как-то сразу сдулся и обречённо признал:

— Эт-т-то точно.

— Вот! А если нет. То ты, Свиридов, прилюдно принесёшь извинение за оскорбление голубого берета! Всех устраивает?

— Так точно, — радостно скалясь, рявкнул тот.

— Так точно, — сержант, как будто, с жалостью посмотрел на капитана.

— А теперь вопрос. Отсюда теперь что пешком?

— Зачем? — удивился сержант. — Дорога же есть?

— А у нас тросов нет, чтоб растащить камни...

— А зачем? Сейчас откатим, — и переливчато свиснув, крикнул: — Бойцы, на выход.

Наверху склона нарисовалось четыре фигуры, держащие в руках гранатомёты.

— А ты серьёзно подготовился к встрече сержант, — одобрительно произнёс полковник.

— Вы даже не подозреваете на сколько...

— Ну, так просвети.

Парень вздохнув, скомандовал:

— Покажите гостям, — и крутанул рукой.

Фигуры исчезли и через полминуты вытащили на склон два миномёта...

— Знаешь что, капитан, — прокашлявшись, произнёс полковник. — Мне, кажется, тебе лучше уже сейчас начинать репетировать речь...

Тот только хмыкнул. Второй раз он это сделал, когда головорезы Рогожина откатывали камни. А ведь казалось, что только БТРом можно... Что за суперменов воспитывает этот якобы капитан?

Ах да! Был ещё третий раз, когда ехидный сержант показал заминированную обочину...

Ах, этот забавник — капитан Свиридов. Ну да ничего, будет знать, как сомневаться, и, главное, наглый такой! Вот пусть теперь покопается да посчитает, а то взял моду...

Хотя, я тоже хорош. Понять его можно: какой-то наглый сержантишка, строит из себя крутого перца. Но ведь меня прёт! Ай, ля-ля... Сколько я уже не спал? Вот ведь вопрос?! Ночью даже часок покемарить не удалось. А куда деваться? Нас всего восемь человек, а пасти надо со всех сторон, да ещё дороги на всякий случай минировали. Хотя минировал, конечно, Листик, а мы так... мины таскали, да взрывчатку и ещё миномёты. Вот ведь тоже... И камни эти ворочали, будь они неладны. Вот ночь и пролетела, а с утра наши на двух БТРах. То, что наши, определили сразу, уж разглядеть Молота на броне даже с недосыпу получится. Такой он маленький и незаметный. А вот всё остальное... С устатку пёрло. А тут ещё этот... Ну да ничего, дождусь Васильева и гори оно всё огнём.

А пока, уложив в карман расписку, веду полковника внутрь базы. Начнём, пожалуй, с трупаков. А что? Пусть проникнется. Проникся. Блевать он, конечно, не стал — закалённый мужик, сразу видно не за красивые глаза на своём месте оказался, да и отцы-командиры о нём довольно уважительно отзывались. А это дорогого стоит! Уж поверьте мне на слово. Но сблелнул капитально, да и запашок уже пошёл. Чай больше суток лежат.

В хозяйскую «каморку» он даже не рвался. Я ему только намекнул, что местный босс

оказал сопротивление, и мы немного перестарались. Взглянул на меня испытывающим взглядом:

— А до этого всё было в норме? — и кивнул назад, туда, где были казармы с трупами. — Боюсь представить, что у вас перестарались.

Конечно это он для проформы, решил, наверняка, что мы его или забили, или запытали и поэтому не хотим показывать. Ну да он не далёк от истины, били долго...

А потом уже я выпал в осадок. И капитально так выпал. На склад то идти мимо столовой. Вот полковник и заглянул:

— Зухра! Зухра! Девочка моя, живая! — срывающимся голосом выкрикнул Акимов. И практически, снеся меня с ног, бросился внутрь.

Женщина в этот момент всю руководила процессом. Чай столько народу надо накормить. И обернувшись на крик, прижала ладони к лицу. Из глаз хлынули слёзы, и вот она бросается на шею к подбежавшему полковнику:

— Дядя Сёма! Дядя Сёма! Слава богу, вы здесь. Как мама, как папа? Как Сереженька?

— Всё хорошо, малышка, всё хорошо. Тебя только вот похоронили уже, а ты живая! Как же так вышло то?

Я говорил, что в шоке? Нет? И не говорю, я в охрененном шоке! Но я глубоко заблуждался думая, что удивить меня ещё сильнее у них не получится. Получилось.

— Сержант, я твой должник по гроб жизни. Это же дочка друга моего. Генерала Разина... Степана Георгиевича Разина! А он человек благодарный, поверь.

Млять!!! Я, кажется, сказал, что в охрененном шоке? Нет я в ох...ом шоке. Дочь Разина Того самого, что загнал нас сюда! В голове сплошной сумбур. Это что же получается? Зухра говорит, что её держали, чтоб отец не рыпался? Акимов говорит, что её похоронили? И как это понимать? Хотя можно предположить, что над женщиной очень тонко издевались, типа видишь, не может отец тебе помочь, хотя знает как мы тебя... Или генерал скрывал от других, что дочка жива? Ага, и от жены и от лучшего друга. А кто его знает?

Вот только у нашей операции появляются совсем другие ноги... Скорее всего, генерал или отомстить хотел за дочь, но светиться не желал, так как за семью боялся. А может, знал, что жива и надеялся, что мы выведем всё? Или дело в оружие? Например, знал про него, но по официальным каналам ничего сделать не мог, и за дочь боялся? А может?.. А до фига чего может! Вот только некоторым жутко любопытным сержантам придётся урезать свои желания. Хотя теперь почти уверен, что это не подстава. Хотя нет, подстава, но не так как мы думали... Тьфу ты! Вот мне оно надо? Пусть тут Васильев разгребает, а моё дело маленькое.

По понятным причинам на склад полковник не пошёл, да и что ему там делать? Остался с Зухрой. Нет, это же надо, а? В голове не укладывается. Зухра Разина. Охренеть, не встать. Бывает же такое.

Сажу вот на камешке возле входа, наблюдаю за тем, как наша подмога обустроивается. Ни чё немного осталось. Сашка на дальнем посту, если наши появятся, позвонит. Листик как раз дежурного изображает. Балагура я так и не рискнул оставить в одной пещере с женским полом. Так что он, вон, рядом мнётся — часовой мля.

Примерно через час из пещеры вышел Акимов. Примостился рядышком:

— Не спишь?

— Не сплю, товарищ полковник.

— А глаза чего закрыты? Да ты садись, чего вскочил-то?

— Да я за последние двое суток едва пару часов сна урвал. Вот и берегу глаза... — вновь сажусь на камешек.

— Понятно, — покрутился, пытаюсь устроиться поудобней. — Куришь?

— Иногда.

— Держи. И давай поговорим без чинов...

— Как прикажете, товарищ полковник, — беру предложенную сигарету. Прикуриваю и затягиваюсь. Ух ты... Аж голова закружилась, прям как в первый раз.

— Как прикажете? — Акимов ухмыляется. — Странно как-то: то почти хамишь, то как прикажете.

— Так ведь там внизу вы кто были? Посторонние, проникающие на охраняемую территорию. А теперь очень даже нет. Тем более субординацию никто не отменял.

— Понятно, — полковник задумчиво попыхивает сигаретой, — но если прикажу остальных внутрь пустить... Пустишь?

— Нет. У вас на расписке приказ для меня был. Внутрь никого кроме вас.

— О как!? — удивление Акимова было совсем не поддельным. — А почему я ничего не заметил?

— А вы и недолжны были.

— Понятно. И как бы ты остановил нас, ну вот чисто теоретически?

— Извините, товарищ полковник, но мне не хотелось бы обсуждать данный вопрос. По сути, за тем я и должен был вам склад показать, чтоб вопросов подобных не возникло... Если хотите, можем вернуться, и у вас самого не будет желания пускать туда посторонних.

— Хм... Понятно, докурим и посмотрим... — и, улыбнувшись какой-то своей мысли, спросил: — Как тебя звать то сержант.

— Мажор.

— Я ж вроде подписку уже давал? Тем более знаю, что ты Милославский, Васильев просветил. А вот имени не знаю.

Затянувшись, признаюсь:

— Егор.

— Должник я ваш, Егор. Есть какое-нибудь желание?

— Да. Спать хочу.

— Ну, так спи.

— Нельзя.

— Понятно, — полковник глубоко затягивается. — Мне Зухра рассказала, как ты того бандита зарезал.

— Осуждаете?

— Нет. Спасибо хочу сказать, что не позволил этой дурёхе это сделать. Да и девок, пусть жёстко, но в чувство привёл. Не представляю, как бы они жили, если бы сами его порвали... — Акимов тяжело вздыхает. — Всё-таки молодец ваш капитан, таких парней воспитал. Давно служишь?

— Год.

— Год? Врёшь? — полковник неверящим взглядом уставился на меня. — Я думал, что это всё понты.

— Да нет. Серьёзно год.

— Ох...ть! Вашему капитану надо памятник при жизни ставить, за год таких зубров натаскал.

— Коршуны мы.

— Да в курсе я. Вот только думал, что ты как минимум лейтенант. Хотя по гонору скорее старлей, — радостно скалится, — а оно воно как? Да уж, памятник капитану, памятник.

— Поддерживаю. Может, скинемся? — но почесав затылок и хорошенько подумав, выношу вердикт: — Вот только Рогожину эта идея не понравится — скромный он. Из золота захочет, не потянем.

— Не потянем, — согласился Акимов. — Ну да я его в коньяке утоплю. Вместе с прапором вашим. И майора до кучи.

— Вот это правильно! — поддерживаю идею. И тут меня осенило: — Товарищ полковник, а ваше предложение ещё в силе?

— Какое?

— Ну, про желание.

— Всё что могу.

— А можно организовать нам с парнями хоть по одному прыжку, а? В небо хочу!

Полковник радостно засмеялся:

— Узнаю десантуру! Будут вам прыжки, полкан я или нет?

Вскоре из зева пещеры выскочил Листик:

— Едут.

— Наши?

— Да. Саня говорит, в одной из машин Васильев и Маркони.

Повернув голову к Акимову, спрашиваю:

— Товарищ полковник, как встречать будем?

— В смысле?

— Ну, просто здрасте, или по всей форме? Как вас?

Полковник радостно засмеялся и, потирая руки, произнёс:

— Конечно по всей, миномёты то не унесли?

— Обижаете! — усмехаюсь. — Там стоят.

Акимов мечтательно закатил глаза:

— Там наверняка всяких разных жутко кручёных хватает... — и, посмотрев на меня добрыми глазами, спросил: — Сержант, а у тебя нигде ещё десятка гранатомётов не завалилось? Не люблю я этих тыловых.

— Э-э-э... — слегка пришелев открываю рот.

— Да нет, — смеётся полковник. — Для внушительности, чтоб жизнь малиной не казалась. А то такой шанс, мы ж теперь вроде тоже охраняем. Припомню я вашему майору, секретную расписку. Как поможете?

— Так точно, товарищ полковник, — вытягиваюсь по стойки смирно. — Для такого дела найдём, — и вроде испугавшись, добавляю: — А если там генерал какой? Вдруг не поймёт порыва?

— Генерал говоришь? — качает головой. — А пушки у вас нигде нету? Чисто для солидности?

— Никак нет, — чуть на зад не сел от удивления.

Я всегда знал, что у полковника огромное чувство юмора, и он частенько сам был не прочь пошутить. Парни из части рассказывали, были случаи, когда даже за серьёзный залёт, отделялись лёгким испугом... Так вот в тех случаях полковник, так хохотал... Да и к чести

голубого берета относится с пиететом. Так что за ту встречу, которую мы ему устроили, последствий ждать не приходилось. Немного пошутили, плюс герои — как ни крути. А вот у генералов, как известно, нет чувства юмора. Или оно настолько специфическое... Но не отступать же теперь?

— Жалко-то как, — протянул Акимов. — Слушай, а если нашего майора и этого парня... — щёлкает пальцами.

— Маркони.

— Вот, вот. Захватили злобные бандиты, и мы их освободим... — глаза у полковника загорелись не здоровым азартом.

— Товарищ полковник, — с тоской протянул Листик. — Там номера военные.

— Думаете перебор? — Акимов разочарованно махнул рукой. — Нет у вас полёта фантазии, — но вновь радостно осклабился. — Тащите «границы», всё равно что-нибудь придумаю. А то, что я один как клоун? Извинюсь, конечно. Потом.

И уже направляясь в сторону поста, обернулся:

— А вот если вы придумаете, то ещё по прыжку обещаю. Слово офицера.

Зря он это сказал, ох зря...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Слава богу, корчевать каменюки не надо. На их месте стоят два БТРа. А то мы вчера... Есть же поговорка: два солдата из стройбата заменяют экскаватор, из пехоты пять ребят заменяют весь стройбат. Не знаю, кого могут заменить десантники, но то, что мы впятером заменили БТР это точно. Кабанеем потихоньку!

А шутка не пригодилась. Хотя я и старался, изобретал. Но вот недооценили мы нашего майора... Первым действительно ехал джип. И это была всего лишь разведка. Вот только и удалось их слегка удивить...

Васильев явился в сопровождении двух БТР, двух БМП, и четырёх полных под завязку грузовиков, в которых сидел десант. Ну и три внедорожника забитых разными чинами. Из них я признал только следака, который расследовал дело о взрыве. А хотя нет! Вон показался генерал Разин. Тут любая шутка боком может выйти. Это даже накрытый полковник понял. Что? Почему накрытый? Сейчас расскажу...

Всё дело в кофе. Да, да! И полковник, и я, и ребята, пили кофеёк из одной большой банки. То-то я и удивился, что спать почти не хотелось. Зухра как рассудила? Раз этот кофе пил Аслан, то он самый лучший. А вот какую гадость туда добавили, хрен его знает. Хорошо хоть меня немного отпустило, пока полковника встречали. А то кто его знает? Вон как Акимова прибило, на ха-ха... Ну да известно это стало уже потом. А сперва, на не в меру весёлого полковника даже косились, а потом ни чё, тоже угостились. Васильев говорит, весело было... К сожалению, я застал только начало, потому как, майор очень быстро выпнул нас отдыхать. Потом конечно разобрались. Даже на экспертизу банку отправляли. Ну да вроде ничего страшного.

Ну да ладно, не начудили и хорошо. Васильев отозвал меня в сторонку и по быстрому попытал, что да как. Потом убежал к нетерпеливо ожидающему генералу, и вот, вся ватага больших чинов направилась внутрь. Генерал в сопровождении полковника на кухню. Кто бы сомневался.

Всё же отвлекусь от дел насущных и расскажу, что всё-таки произошло с генералом Разиным. Ведь вам наверняка интересно? Хотя эту историю майор нам рассказал немного позднее. Нам это Руслану, Степанычу и мне. Так сказать в качестве поощрения за подарок. Какой? Хм... Давайте по порядку.

Дочь свою Разин действительно похоронил. И не в переносном смысле, а в прямом. Положил в гроб и закопал. Похитили Зухру ещё год назад. И потребовали что-то от отца. Чтс не знаю, рылом не вышел. Тот сделал вид, что поддался на шантаж, а в это время девушку стали потихоньку искать. И нашли, вот только кто-то предал генерала, ну да ничего, если в списках Аслана хорошо поискать, может и найдётся. Так вот: бойцы спецподразделения нашли обезображенный труп, который, тем не менее, удалось опознать... Очень погибшая девушка была похожа на Зухру.

Почему бандиты пошли на такие трудности не известно. Точнее, как бы известно, но вот странно как-то... Дело в том, что как ни крути, а Зухра очень красивая и на базе пользовал её Аслан. Вот он и устроил, чтоб её не искали, заодно мстил отцу, за то, что не сговорчивым оказался. Доставалось же ей не слабо, бил он её через день...

Ну, так вот, отвлекся немного, простить смерть дочери Разин не мог, но и доверять никому тоже — результаты служебной проверки ничего не дали. Вот он и собирал информацию потихоньку, убийц естественно не нашли, но подозрения то остались. А тут проскочила эта информация от Хасана, которого мы взяли. И взяли красиво, это генерал оценил сразу. Информацию он тут же зажал и решил действовать сам. Тут у него и созрел план, как убить всех зайцев сразу. Отомстить тем, кто как он подозревал, имеют отношение к смерти его дочери, ну и накрыть базу бандитов — выполнить свой долг. А почему мы? Да потому, что крот то где-то рядом. А мы парни без башни, с нами можно и не по официальным каналам договориться. Вот он и договорился, только на своё счастье недооценил паранойю Васильева и Рогожина. Так мы здесь и оказались.

А вот насчёт подарка майору? Хм... Тут кофе виновато. Осмотрел Васильев склад и говорит:

— Эх не оставили же никого в живых, — грустно качает головой. — Документы это шикарно, но язычка какого-нибудь... Эти-то из каравана, так мелюзга.

— Простите, товарищ майор, так уж вышло.

— Да понятно всё. Вы и так все планы перевыполнили. Молодцы. Но всё равно жалко. Ведь могли же не убивать главного? — пристально смотрит в глаза. — Полковник тут сказал, что он вам ожесточённое сопротивление оказал? С пулемёта, наверное, отстреливался? Негодяй.

— Кхм... Вообще-то мы его не убили, — я слегка смутился. Сейчас-то понятно, что меня накрыло и прибило на веселье. А в тот момент?..

— Ты серьёзно?

— Да. Только он того...

— Что того? — нахмурился майор, — Избили сильно? Да хрен с ним, если говорить сможет.

— Пойдемте, покажу.

Да уж... Постарались. Сперва, Васильев стоял открыв рот, а потом спросил, показывая пальцем на голого и привязанного к стене главаря:

— Это чего?

— Расстрелять хотели...

— А лоб зелёнкой, зачем измазали?

— Чтоб по правилам всё было...

— По каким, нахрен правилам? — майора начало потряхивать от смеха.

Я ещё больше смутился:

— Так это, товарищ майор, в кино же всегда говорят: «Я тебе лоб зелёнкой намажу, чтоб пуля заразу не занесла».

— А грудь измазали, на случай, если промахнётесь?

— Ну да.

— Балагура идея?

— Ну да.

— И жив он, потому что, пока вы его мазали Акимов приехал?

— Ну да...

— Ты чего заладил: ну да, ну да?! Слова другие забыл?

— Никак нет! — гаркнул, вытягиваясь в струнку.

— Ну, слава богу!

И весело улыбаясь, слегка удивлённо произнёс:

— Надо же и от этого баламута есть польза. Ладно, снимите этого, — брезгливо показывает пальцем в сторону бандита, — оденьте, потом проводишь меня до каравана, посмотрим. А когда вернёмся, возьмёте одну машину и валите отсыпаться. Заслужили, расстрельная команда. Надо же, даже от дурости есть польза? И что на вас нашло?

Об этом майор узнал позднее, когда вся следственная группа попила элитного кофейку. Хорошо, что мы до сего напитка только ближе к ночи добрались. Взбодрились, одним словом. Представляете если бы мы так караван громить пошли. А так, вот только зелёной главаря измазали. Ну и при встрече Акимова слегка почудили.

Ну, собственно, всё, то, что было интересного, я уже рассказал и можно не заморачиваясь переходить к возвращению... Хотя!? Как мог забыть то? Был же ещё капитан Свиридов! Эк... Старость не радость. Ну да ладно, пошутил я. Слушайте.

Прибыли на место в сопровождении почти всей следственной бригады, ну как тут пропустить такое событие: шесть человек раскатали целый караван? А склад? Да куда он денется? А вот караван лучше поторопиться. Ну что тут еще сказать? Прониклись...

А там Свиридов с пятью бойцами: сидят, охраняют. Особых попыток подсчёта не заметно, о чём тут же спросил Акимов:

— Капитан, ты уже подсчитал, сколько накрошили наши brave десантники?

— Никак нет, — вскочив, вытягивается по стойке смирно. — Это просто невозможно, без разбора... Что делать нельзя, пока товарищи следователи не осмотрят? — в голосе надежда. Мне его аж немного жалко стало. Хотя чего вру? Нифига не жалко...

Вышеупомянутые же следователи, слегка взблуднули, прикидывая фронт работ. При этом как то так не хорошо на меня посмотрели... Вот чего они? А?

— Ага, — Акимов почесав затылок предположил: — Что типа будем ждать?

— А в чём собственно дело? — недоумённо поинтересовался кто-то из присутствующих.

— Да спор тут вышел, — взглянув в сторону останков, нервно сглотнул полковник. — Могли ли шесть десантников накрошить полтинник бандитов. Вот капитан и усомнился... Теперь, если ошибся, должен принести извинения за сомнения в адрес героизма голубых беретов.

— Как загнул то, — усмехнулся Васильев. — Но могу почти с полной уверенностью сказать, что извиниться придётся. Если и меньше то не намного. А учитывая трёх пленных, почти наверняка.

— Вот, вот, — Акимов окинув суровым взглядом растерянного капитана, приказал: — Давай извиняйся, недоверчивый ты наш. Ну!

Эх... Не в жилу капитану пошло, не в жилу. Не любит он признавать ошибки. Хотя смотри-ка! Взял себя в руки, поворачивается ко мне и спокойным голосом произносит:

— Приношу свои извинения, сержант. Вы и ваши парни, настоящие десантники! Передайте моё уважение вашему капитану, за такую подготовку. Хотя не нужно, выпишется из больницы, сам зайду выразить уважение...

А что? Нормальный мужик оказался. Вот и ошибки признавать умеет. А то, что наехал на меня? Так ведь некоторые жутко симпатичные сержанты вели себя слегка не адекватно...

— Я думаю, товарищ капитан, что нашему командиру будет приятно это услышать. Только вы не забудьте, а то он постоянно орёт, что мы бездари... — вот чего ржут? А?

Но как говорится хорошего помаленьку. После осмотра каравана вернулись на базу,

оставив большую часть бригады разгребаться с останками. После этого, набросал для Васильева подробный рапорт... А как же? Оказывается без этого никак. Но если быть честным, майор мне помогал, а то я бы понаписал... Правда, тут какой-то из приехавших начальников попытался наехать за то, что мы растратили боеприпасы с базы, довольно верно рассудив, что затариться нам было больше негде. Но был послан... Акимовым. Тут же доказавшим ему, что имели полное право, так как вели боевые действия. Прокурорский возражал. Разговор уже перешёл на командную речь (сиречь матерную). Тут нарисовался Разин и расставил всё по своим местам, используя генеральскую мову... В основе лежал тот же матерный, только облагороженный высоким генеральским стилем (чувствовалась выслуга лет, ох чувствовалась). И предложил особо умным, взять автомат и пойти воевать, а то зажрались! А с начальством он договорится и даже даст с собой гранату...

Тут ещё и майор Васильев не выдержал такого наезда, и заявил, что обязательно пригласит умника брать следующий караван. И вообще парни у него святые и если говорят, что ничего не брали, значит, не брали, а вот тех, кто думает иначе, надо бы проверить служебной проверочкой, видать рыло в пушку. Иначе чего так беспокоится? Его тут же поддержали... Разин и Акимов, и ещё какой-то полковник, заявивший, что некоторые штабные зажрались...

Похоже, Зухра уже всех напоила кофейком. Хорошо, что я успел ещё в начале спора свалить за ближайший угол, а то, знаете ли, подальше от начальства, оно спокойней. Слышно и отсюда хорошо, а попадаться под горячую руку... Здесь меня и нашёл Васильев, радостно блестя глазами от победы над прокурорским:

— О, Милославский! Ты ещё здесь? Давай, брат, грузитесь в грузовик и валите отдыхать.

Ну, а нам то что? Домой, значит домой. Уже загрузившись в кузов, услышал, как меня зовёт майор, пришлось вылезать. В руках у него была какая-то бумажка:

— Егор, это телефон главврача больницы, где Рогожин лежит. Приедете, позвони, пусть передаст, что всё хорошо. А то капитан, наверное, извёлся весь уже... — и, хлопнув меня по плечу, с подозрением спросил: — Вы ничего ЛИШНЕГО с базы не вынесли?

— Никак нет!

— Точно?

— Товарищ майор, как вы могли подумать? Вы же нас знаете!

— Знаю. Потому и спрашиваю.

— Виктор Петрович, клянусь, ничего лишнего мы не выносили.

— Ладно, езжайте.

Вот кто-то может заподозрить, что я обманул майора? А вот и нет! Кому лишнее, а кому просто никак без этого. Хотя судя по ехидной улыбке Васильева, не очень-то он мне и поверил. Не зря же он слово «лишнего» выделил?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Ох ты ж... Казарма — дом родной. Кто бы мог подумать? Однако это так. А надо всего лишь немного побегать по горам, чуть-чуть пострелять и устать, как собака. Но, не смотря на усталость, первым делом я дополз до штаба и позвонил в больницу. Исполнив, таким образом, долг перед отцами-командирами, начал мечтать — помыться и спать.

Всё же, какое это счастье просто разуться... Чтоб понять это, надо проходить в обуви хотя бы пару суток. Но всё же, добраться до кровати не самое главное. Сейчас важно спасти ноги. Иначе завтра будет караул. Вот и я, помывшись, не ложусь спать, а занимаюсь тем же чем и парни. Мажу ноги, приятно пахнувшей мазью, сваренной Степанычем именно для таких целей. Тщательно втирая и массируя ступни. Данное действие давно вошло в привычку, и с утра не будет — ни опухоли, ни слезающей шкуры. А кто заработал потёртости, не найдёт и следа. Волшебная штучка. А теперь спать...

Сон это прекрасно, а ещё прекрасней выспаться. Но вот этого мне и не позволили... Хотя это я прибедняюсь — дрых почти сутки. По крайней мере, так мне заявил Степаныч, разбудивший меня:

— Давай, давай вставай. Поедем к Руслану, — тихонько шепчет, стараясь не разбудить всё ещё спящих парней, — извёлся весь, болезный наш.

Однако зря он пытался не шуметь, всё же подрыхли хорошо, и парни начали один за другим просыпаться.

— Степаныч...

— Здравия желаю...

— Как там командир?

— Вот чего подскочили? — добродушно возмутился Дед. — Спите, пока есть возможность.

— Степаныч...

— Дед...

— Не томи, а...

— Да всё хорошо с вашим командиром. Жив и скоро будет совсем здоров, так что готовьтесь, — улыбается во весь рот.

— Скорей бы, — протянул Балагур. — Совсем сержанты заездили, житья от них нет.

— Да, да, — тут же подключился Пепел, — а ещё маньяка-сапёра себе завели, еле урвал себе парочку бандюков.

— А меня вообще в тыл отправили, сволочи, — обиженно прогудел Молот.

— Дык, ты же косячник, — раздался голос Марата. — Кто в казарме в крови уделался?

— Не я один...

— Вот вы вдвоём в тыл и пошли, — это уже я пояснил. Хотя, если честно, отправлял то парней по другой причине, но раз так удачно сложилось, пусть думают что наказание...

— Так, так, — задумчиво протянул Степаныч, — я так понимаю в процессе? — делает жест рукой, как будто кого-то режет.

— Так точно, — для убедительности киваю.

— А ты их в тыл? — пристально смотрит на меня.

— Так точно, — тяжело вздыхаю.

— Жестоко, но правильно, впредь наука будет, — и ехидно усмехнувшись по-доброму так, с какой-то нежностью в голосе произнёс: — Стукачи вы мои родные.

— Да мы такие...

— Сейчас ещё что-нибудь вспомним...

— А вообще Мажор молодец, — протянул Балагур.

— Что значит вообще? — возмутился Сашка. — Кто там рядом? Дайте ему в ухо.

— Действительно, отлично командовал.

— Стыдно, Вова, стыдно.

— Да идите вы нахрен, — подскочил Балагур, уворачиваясь от подзатыльника который ему примеривался отвесить Молот. — Я в отличие от вас сразу говорил, что лучше Мажора только Хан.

Я был близок к истерике, очень... Чуть подушку не сожрал глядя на этих клоунов. Короче словили релакс...

Дорогу в больницу описывать не буду, тем более что даже не рассказывал ничего. Степаныч сразу пояснил:

— В больнице расскажешь, а то выплеснешь эмоции, Руслан ругаться будет, — и вздохнул.

Вот мне всё интересно, а почему Степаныч так боится Рогожина? Понятно, что тот старше по званию, но ведь он куда старше по возрасту, а капитан постоянно его дрючит. Нет, оно конечно и нас гоняет по взрослому, но ведь они-то старые боевые товарищи, и знакомы были, когда Руслан был ещё совсем сопливым. А тут регулярно выписывает ему по первое число. А ведь по логике должно быть наоборот... Пусть и не в таких масштабах, всё же капитан. Но? Странно это.

За размышлениями не заметил, как прибыли на место. Рогожин уже потихоньку двигался, опираясь на костыли. Вот не лежитя человеку... Хотя о чем это я? Попробуй полежать целыми днями, через боль начнёшь бегать...

— О! Товарищ сержант, проходите, проходите, — заулыбался Рогожин.

Вытягиваюсь по стойке смирно:

— Товарищ капитан, разрешите доложить?

— Докладывай, — и вновь улыбнувшись, протянул ко мне руку, отодвинув в сторону один костыль. — Иди обниму, чертяка...

Обнялись. Руслан махнул в сторону табуретки:

— Садись, рассказывай. А то Васильев перед отъездом позвонил, сказал: «Всё путём Скоро будут». И усвистал, а мы тут как на иголках. Рассказывай.

Ну что делать? Начал каяться. Во всём. Вскокивал, размахивал руками, хватался за голову, переходил то на шёпот, то почти на крик. Рогожин и Иванов то качали головами, то задерживали дыхание, то смеялись...

— Эх. Наказать бы вас за самодеятельность, но чувствую, что у тебя уже заготовлена целая гора отмазок. Так что проехали.

Глядя на моё офигевшее лицо смеётся:

— Ну что ты так смотришь? Понятно же, что начнёшь доказывать, что зашёл, посмотрел, донесение отправил, и самое главное вас не спалили. Ведь так?

— Так, — обречённо киваю.

— Документы и прочее нашёл, про караван узнал, а громить его я забыл запретить, так?

— Так.

— Ну и нахрен мне на твою довольную рожу смотреть? Тем более ругать за идеально проведённую операцию, как минимум глупо. Ты вон даже главаря не убил.

— Так ведь собирался, — в растерянности развожу руками.

— Так ведь не убил. Хотя почудили вы знатно. Это да. Что нашло? Не понимаю, — разводит руками.

— За то, кажется, я понимаю, — чешу затылок.

— Просвети.

— Я не уверен, но мне кажется, нас накрыло. Судя по симптомам.

— Накрыло? — Рогожин сосредоточенно трёт подбородок. — Вы что в караване кокса стянули и нанюхались?

— Да нет. Чего мы там нанюхались не понятно. Но на хи-хи прибило конкретно, и не только меня...

— Может газ какой? — внёс предположение Степаныч, полулёжа на второй кровати.

— Вряд ли, — качаю головой. — Отпустило то довольно быстро. Скорее всего, продукты или вода.

— Или кофе с чаем, — задумчиво произнёс Руслан, — был как-то случай...

— Точно, кофе. Его все пили, — как вы уже знаете, догадка оказалась верной.

— Степаныч, давай-ка бегом. Позвони в часть, пусть пара наших ребят сгоняет. Хотя мужики там тёртые, сами разберутся, но лучше подстраховаться. Только Хана пусть к телефону позовут, не надо посторонних посвящать.

Рогожин оказался прав и на базе без нас разобрались с напитками, правда, почудить успели, но без особых эксцессов. Так что об этом предпочли забыть. Чудили то начальство, а кому охота позориться?

— Руслан, а у тебя случайно нигде бананчика не завалялось?

— Хм... Случайно завалялось, а что?

— Можно один, а то понимаешь, так захотелось, аж скулы сводит, — признаюсь с просительной интонацией в голосе.

— Вон в тумбочке возьми, — показывает рукой направление. И с задумчивым видом смотрит на то, как я трескаю банан.

Потом повернувшись к Степанычу, делает пару небольших шагов, опираясь на костыли:

— А ведь я уже на них смотреть не могу, ты ж меня ими закармлил.

— И что? — прапорщик удивлённо смотрит на Рогожина.

— А то, что тумбочку со вчерашнего вечера не открывали...

Степаныч удивлённо смотрит на меня, и начинает принюхиваться, глядя как я поглощаю, после разрешающего кивка командира, второй по счёту фрукт.

— Не пахнет.

— Пахнет, — не соглашается Рогожин, — но очень слабо.

— Ох ты ж...

— Вот и я о том же, — и повернувшись ко мне приказывает: — Егор, выйди на минуту.

Не понимая, что происходит, запикиваю в рот остатки банана и выхожу. Отсчитываю шестьдесят секунд, захожу обратно.

Руслан стоит, опёршись на костыли, и протягивает два сжатых кулака:

— В какой руке патрон? Э нет, — останавливает меня, когда я собрался ткнуть пальцем наугад. — Нюхай.

— Что? — недоумённо смотрю на его сосредоточенное лицо.

— Носом говорю, нюхай.

Пожимаю плечами, и, приблизившись в плотную, принохиваюсь. Ничего вроде? Ну, руки мылом пахнут. Закрываю глаза. И вдруг отчётливо чувствую привкус свинца и меди во рту.

— В правой.

— Точно, — разжимает руку, в ней лежит патрон от ствола Степаныча, которому он его и вернул. — Сам признаешься или ещё будем экспериментировать?

— А в чём признаться то?

— Хм... — глядя мне в глаза хмурится.

— Ну ладно, ладно, — мне кажется, я почувствовал запах, ну во рту точно был привкус.

— Как с бананами?

— Что?

— Я говорю, ты почувствовал слабый запах бананов и захотел их.

— Горе мне, — Степаныч схватился за голову, — вот ведь беда. Вас теперь двое...

— Что происходит? — стою как дурак и ничего не могу понять.

— А происходит то, что теперь понятно, как ты узнал про взрывчатку.

— Предчувствие...

— Ты что идиот? — завёлся Рогожин. — Ничего не бывает просто так, — и, ткнув меня пальцем в лоб, пояснил, — здесь всё. Понял? Здесь! Ты унюхал её. Вот и сложил два и два.

— Ну а ты что, не заметил что ли?

— Заметил, — насупился Руслан, — только я знал, что на этой машине в основном сапёры гоняют, а ты нет. Вот и результат, я воспринял это как должное, а ты забеспокоился. На подсознательном уровне. И не надо надеяться на какие-то предчувствия, это всегда результат работы мозга. Даже найденная растяжка, это блеснувшая на солнце проволочка, или свист ветра, ты вроде не замечаешь, а подсознание фиксирует, вот и предупреждает. Это как интуиция у старого опера, сам вроде не понял, а подсознание всё сложило и даёт подсказку. Так что всегда держи глаза открытыми, уши распахнутыми, а теперь и носом учись пользоваться.

— Так я и так всегда пользуюсь, ты же всегда учил, что люди порой забывают про запах и можно частенько этим воспользоваться.

— Ну, это да, — Руслан заулыбался, — я такой. Вот только теперь мы с тобой особо будем заниматься. Ты не думай что у Степаныча нюх плохой, просто у нас с тобой, он лучше. Считай как у собаки.

— У-у-у...

— Ты чего? — удивлённо смотрит на то, как я схватился за голову.

— Так ведь теперь, в казарму не зайти будет, — картинно закрываю нос.

Руслан начинает смеяться:

— Ну, я же захожу. Так что не парься, всё будет нормально.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Как говорится хорошо то, что хорошо кончается? Но ведь ещё далеко ничего не закончено? Вот я и решил посоветоваться с командирами:

— Руслан, Степаныч, тут такое дело... Я ведь на базе, в компьютере кое-что интересное нашёл.

— Любопытная нынче молодёжь пошла, — качает головой прапорщик, — всё им знать надо, везде нос сунуть.

— Тише, — останавливает его Рогожин, — потом поюродствуешь. Видишь, мнётся, значит не ерунда. Говори, Егор.

— Короче, дело такое. В тот день, когда парни наши погибли, сдали нас. С потрохами. Аслана предупредить не успели, а вот навести на нас бандитов очень даже...

— Откуда знаешь? — лицо командира напоминает каменное изваяние. Степаныч же весь подобрался, как перед прыжком.

— Файл там один был, так вот туда глав бандит все расходы на стукачей записывал и их имена.

— Имени маловато будет.

— А вместе со званием и бывшим местом службы?

— Бывшим?

— Да. Перевёлся зараза.

— Это плохо, — Рогожин в задумчивости трёт подбородок, — если начнём выяснять, могут сопоставить информацию, а это не камилльо.

— С чем сопоставить?

— Ты же сам сказал, что имя в файле. А там сейчас всё что можно рыть будут. Хотя конечно это слабое доказательство и гадина может соскочить, но вот если мы начнём искать... А уж сопоставить даты... Умный не только ты.

— Это... я... того...

— Чего мнёшься?

И махнув рукой на осторожность, говорю всё разом:

— Стёр я это имя...

Рогожин и Степаныч уставились на меня как на сумасшедшего, наконец, командир не выдержал:

— Ты идиот? А если кто узнает, что ты из этого файла что-то удалил?

— Не, — мотаю головой, — там Димон пошуровал, никто не заметит.

— А если главарь проболтается, о чём вы его спрашивали?

— Не. Я его ещё про десяток дат спросил, при этом очень «вежливо». Так что вряд ли... Тем более надо наверняка знать, что что-то удалено. Не думаю, что у него такая идеальная память. Да и если вдруг, ну вот прям так получится. То кто ему поверит? Он же сволочь, хорошим парням отомстить хочет!

— Вот скажи мне, Степаныч, — задумчиво протянул Руслан. — Похвалить или в ухо дать?

— А ты дай в ухо, а потом похвали, — вынес Соломоново решение прапорщик.

— Хм... В этом есть логика.

Вот честно я уже приготовился словить командирскую плюху, но тут раздался задорный, девичий голосок:

— Не надо бить ребёнка по голове, он туда ест...

— Маришка?

— Тьфу ты...

— Привет, рад тебя видеть, — как вы поняли, обрадовался именно я.

— Ну, вот хоть кто-то рад меня видеть, — обиженно надула губки наша белокурая красавица. — Вы такие буки. Только Егор хороший.

— Мариш, ну как ты могла такое подумать?

— Просто ты так неожиданно...

Мужики моментально начали извиняться, сообщая, как они рады ей. Такой красивой и сногшибательной. Маришка зарделась и, разулыбавшись, тут же простила:

— Ну как я могу сердиться на таких мужчин, которые всё время так и норовят ребёнка обидеть.

— Обидеть? — прижал к груди руки Руслан, — Токмо воспитания для!

— Точно?

— Конечно. И вообще, как тебя вижу, ноги не держат, сесть мне надо, — отставив костыли, морщась, садится на кровать.

— Так ты ж больной, вот ноги и не держат, — улыбается Маришка.

— Вот! — подняв палец, делает страдальческое лицо. — А ты меня ещё и в каких-то гнусностях подозреваешь. У меня же сил нету, как я могу?

Маришка заливисто смеётся и с размаху бухается на соседнюю койку. Степаныча аж подкидывает. А красавица, закинув одну роскошную ногу на другую, демонстрирует безупречные бёдра и частично ягодицы. Эх...

— Достаточно эстетично выглядит? — спрашивает белобрысая язва, подмигивая.

Мы тут же заверяем что очень. Маришка довольно кивает и интересуется:

— О чём вы так увлечённо болтали? Что аж чуть Егорку воспитывать не начали?

Вот только ответить ей не успели. Я кое-что заметил, и это кое-что ввергло меня в ступор:

— Маришка, а где титьки? — показываю руками то богатство, которое было при ней ещё в прошлую нашу встречу.

Мужики как-то странно на меня посмотрели и отвернулись, типа сам спросил, сам и виноват. Но Маришка меня удивила. Обхватив руками, свой второй номер, слегка приподняла и с тоской в голосе протянула:

— Всё что осталось.

— Но как?

— Как, как? — на глаза набежали слёзы. — После того как я этой девчонке умереть не дала... — сбившись, прикусила губу и смахнув слезинку продолжила: — Вернулась, а Он давай на меня орать...

— Мариш, прости...

— Скажи ещё что сожалеешь.

— Конечно! Только не о том, что спасла, а что такой красоты лишилась.

— Я что теперь не красивая? — слёзы побежали ручьём.

— Что ты, что ты... — мужики подключаются к процессу. Убеждая, что она очень

красивая.

— А ещё у тебя обалденные ноги! — всё больше аргументов у меня не осталось.

— Правда! — Маришка перестала плакать и, вскочив начала крутиться во все стороны, пытаюсь рассмотреть себя со всех сторон. — А ведь Он сперва мне ноги кривые сделал, как у матёрого кавалериста.

Меня аж передёрнуло от такой картины. Что греха таить женщины с кривыми ногами, как-то даже пугают меня. Заметив мою гримасу, длинноногая красотка улыбнулась:

— Вот, вот. И меня так же передёрнуло. Спасибо Анютке посмотрела и говорит: «Не эстетично!»

— И?

— Что и? Муженёк мой почесал затылок и говорит: «Согласен». Вот у меня теперь снова красивые ноги, но маленькая грудь. Вам не кажется, — Маришка задумчиво уставилась на свои коленки, — что они даже лучше стали?

Ну что тут скажешь? Лучше не лучше, но ноги просто супер, о чём и уведомили. Довольная Маришка снова приземлилась на кровать, сложив вместе коленки, упёрла в них локти и подпёрла подбородок сцепленными ладошками. Вот тоже забавно: не смотря на все выкрутасы, девушка никогда не переходит едва заметную грань... не устраивает шоу в стиле Шерон Стоун с перекидыванием ног. Может, это для того чтоб мозг совсем не отключался?

— Но всё это не то... — протянула, тяжело вздохнув, — думаешь, что это я так нервничаю? Если тут такие передвижки, туда-сюда? Сегодня маленькая, а завтра, глядишь, подрастёт?

Киваю, что-то подобное промелькнуло в мыслях. Понятное дело всё это очень странно, но удивляться, уже нет сил. Девушка сосредоточенно смотрит мне в лицо:

— Понимаешь ли, Егор, — дует на локон, упавший на глаза. Тот, качнувшись, смещается чуть в сторону, освобождая путь взору. — Тебе может и кажется, что всё это ерунда, но для меня это трагедия... Чтоб питать тело, нужна материальная пища. Согласен?

— Сложно спорить, — пожимаю плечами, смотря на ставшую серьёзной Маришку.

— Согла-а-асен, — слегка тянет слово, — но ведь и люди, кроме, пищи материальной, хотят чего-то для души. Вот, например, вы, — обводит взглядом нашу дружную компанию. — Смотря на меня красивую, — очаровательно улыбается, — получаете заряд положительных эмоций. Кровообращение улучшается...

Мы с мужиками смущённо отводим взгляды, про кровообращение это очень точно подмечено... Довольно улыбаясь, красотка продолжает свой монолог:

— И это при том, при всем, что все в курсе, что здесь вам не светит, — встаёт, проводя руками по телу, показывая чего нам не светит. — А что делать бедной девушке, которая питает свой дух и получает силу от мужских эмоций? Восхищения, желания и просто любования её прелестями? — и ткнув в меня пальчиком, грозно спросила: — Ну, понимаешь?

— Почти, — слегка улыбаюсь, — по крайней мере, горе от уменьшения... э-э-э... главных достоинств!

— Главных? — хватается за голову и с размаху садится на многострадальную кровать.

— Егор, ты debil, — на всякий случай просветил меня Руслан. И начал успокаивать Маришку, глядя по роскошной гриве волос. — Ты чего? Он просто не правильно выразился, поверь, ты совсем не потеряла своего очарования.

— Ах, Русланчик, не надо. Я всё понимаю, просто обидно. С одной стороны, Он был

доволен поступком Егора, а с другой наказал меня за это... А перед этим подставил, под обещание...

— Подставил?

— А ты что думал? Это вы со Степанычем такие умные? Вот и ругался, что у мальчика нет запасного шанса...

— Мариш, не плачь. Ты же знаешь, что это ненадолго. День, два и всё!

— Думаешь? — перестав плакать, упёрла в Руслана взгляд. — А мне показалось, что ему понравилось? Ладно бы дома, а он меня в люди в таком виде отправил. Самого вкусного лиши-и-ил... Вы ведь как дети...

— Мариш, — подключился Степаныч, — а тебе не приелось? Пока у тебя такие большие титьки... — чешет в затылке, — на другое не смотрят. А ведь у тебя и другие части весьма аппетитные. Немного разнообразия?

Девушка задумалась, лицо озарилось улыбкой:

— А ведь ты прав. Пусть и меньше сил, зато вкус другой. Можно для разнообразия... Надо Анютке рассказать...

И вот перед нами вновь весёлая и неунывающая Маришка. Готовая к подвигам и трудовым свершениям.

— И так, мальчики, о чём вы так душевно беседовали?

Пришлось пересказывать. Так сказать обозначить причину начальственного гнева. Маришка внимательно выслушала меня, задумалась на некоторое время и спросила:

— Скажи, Руслан, а если бы Егор не поправил этот файл, было бы лучше?

— Не думаю, — улыбнулся Рогожин, — в принципе так намного лучше.

— А чего ты его воспитывать собрался? Ради профилактики? — Маришка стала абсолютно серьёзной, и весь налёт показной легкомысленности куда-то исчез.

— Типа того, — капитан всё так же улыбается, — тем более я как раз сомневался, когда ты нарисовалась.

— Понятно, — губы трогает едва заметный намёк на улыбку, — что делать собираетесь?

— Что? — Рогожин задумчиво потёр подбородок. — Да вроде понятно. Но в праве ли мы устраивать самосуд?

Непривычно серьёзная девушка кивнула и уставилась на меня. И не только она. Сидят и втроём смотрят в мой сторону. Чего им надо? Или это опять какой-то экзамен? Сидят, смотрят и ждут... Придётся говорить:

— Кхм... А что вы от меня-то хотите услышать? Моё дело маленькое...

— Однако когда правил файл, ты так не думал? — ткнув в мою сторону пальцем, заметила девушка.

Да уж... нате вам. В прежней ипостаси она мне нравилась больше, а теперь смотрит, так что у меня мороз по коже. И вот, тяжело вздохнув, выгалкиваю из себя:

— Из-за него погибли мои друзья и мне тяжело говорить о правах. Для меня это Иуда, продавший за баксы. Я понимаю, что месть слепа, и не всегда права. Но ведь этот гад, регулярно сливал информацию не только о нас. О колоннах, о засадах и сколько хороших парней сложило из-за него голову? Так что это не месть, а возмездие — справедливое возмездие. Надо найти, убедиться что нам не соврали и наказать.

— Наказать? — Рогожин вцепился в меня взглядом. — А как?

— А вот это решать вам, товарищ капитан. Как прикажете, так и будет.

— А если решу что его надо посадить?

— У меня другое мнение, — пожимаю плечами, — но если надо, значит надо.

Маришка неожиданно похлопала в ладоши:

— Вот видишь, Руслан, а мальчик то подрос. И научился понимать, что есть не только его хочу... — и слегка расслабившись, начала накручивать на пальчик локон, вновь пытающийся попасть в глаза. — Вот только если я правильно поняла, предатель успел хорошо отметиться, и это хорошо...

— Хорошо!!! — в негодовании вскрикиваю.

— Ах, оставь, Егор, — отмахнулась всё ещё чрезвычайно сосредоточенная девушка. — Я имела в виду совсем другое, — и неожиданно подмигнув, укорила: — Не только ты можешь ошибиться в подборе слов. Я же хотела сказать, ты правильно отметил, что это возмездие, — и слегка изменив интонацию: — Справедливое возмездие.

Рогожин и Степаныч понимающе переглянулись. То есть все всё понимают, кроме меня. Ну да ладно, всё равно рано или поздно расколуются, я и так уже столько знаю и кое о чем догадываюсь, что долго это не продлится. Скорее всего, меня просто подготавливают к приёму какой-то информации, которую я могу не правильно воспринять, вот и полощут мозги. Ну да ладно подождём.

— Кстати, как зовут-то нашего визави? — наконец-то сподобился узнать Рогожин.

— Капитан Крымов Станислав Олегович. Служил там же где и мы, до перевода.

— Крымов... — командиры переглянулись. — Как интересно...

— Вы что его знаете?

— Знаем, — задумчиво протянул Рогожин, а Степаныч непроизвольно сжал кулаки, поблескивая глазами. — Но сперва надо убедиться, что это он. С майором посоветоваться...

— Но вы меня с собой возьмёте?

— Обязательно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ — ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ — ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Как и следовало ожидать, обсуждения этого вопроса на этом прекратилось. Сосредоточенная и задумчивая Маришка, попрощавшись, исчезла, и мы остались одни. Разговор как-то сразу перестал клеиться, так как каждому из нас было о чём подумать. Но всё же я решил попробовать задать ещё один вопрос:

— Руслан, Степаныч, помните тогда перед операцией?.. Васильев упомянул генерала НКВД, который лёг на гранату, спасая детей.

— Помним.

— Мне тогда показалось, что он это специально упомянул, на что-то намекая. Больно остро вы тогда отреагировали... Я даже подумал, что это чей-то родственник.

— Какой наблюдательный, — протянул Степаныч. — А что ты ещё подумал?

Рогожин же просто сидел со стеклянным взглядом и пялился в стенку.

— Ну, не знаю, — в растерянности чешу затылок. — Подумал, а смог бы я вот так? Ещё подумал, что такой человек заслуживает уважения. Даже если был садистом и палачом.

— Садистом и палачом? — грустно улыбается прапорщик. — Ты что думаешь в НКВД, именно такие служили. Хотя учитывая, как извратили нашу историю... Ты хоть не думаешь, что войну американцы выиграли?

— Не-е-ет... Я как-то брякнул похожую глупость, так у папки чуть инфаркт не приключился. Это был единственный раз, когда он мне врезал, так разозлился. После этого я школу поменял. Батя сказал, что учиться в подобном месте, где так преподают историю, я не буду. Так что поверьте, в подвиге русского народа я не сомневаюсь.

— Правильный у тебя папка, — улыбнулся Степаныч, — но бил всё равно мало.

— Мало, — со вздохом соглашаюсь.

Руслан всё так же сидел погружённый в свои мысли и никак не реагировал на разговор.

— А насчёт генерала?.. — тем временем продолжал Степаныч. — То это был мой дед — отец моей матери. Погиб задолго до моего рождения. И садистом он не был, как и большинство профессионалов. А вот палачом — да. Ты ведь, Егорка, тоже, по сути, палач. И пытал и убивал, и казнил виновных. Или ты считаешь иначе?

— Нет, — говорю тихим голосом, — но кто-то должен это делать.

— Правильно. Так почему не мы? Или мой дед?

— Да я что, Степаныч? Я ведь и говорю, что уважение испытал. Это ведь страшно, лежать и знать, что сейчас умрёшь!

— Нет. Не страшно, — очнулся от задумчивости Руслан. — Не страшно, если знаешь, что война закончена. Только немного жаль, что не увидишь больше дочь и жену, не понянчишь внуков. Но всё это перевешивается тем, что из маленьких детских ручек, выпадает граната. Пусть эти руки и принадлежат немецкому ребёнку, — и, опустив голову, вновь уходит в себя.

В мозгу проносится невероятная догадка, складывающая в единое целое кусочки мозаики. С некоторой оторопью смотрю на командира:

— Руслан?..

Подняв голову, смотрит на меня, потом махнув рукой, говорит Степанычу:

— А гори оно всё огнём, скажи ему...

Степаныч задумчиво переводит взгляд с него на меня и грустно произносит:

— Познакомься, Егор, с моим дедом, — и показывает рукой на Руслана.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net